В. КАПНИСТ

СОЧИНЕНИЯ

В. В. КАПНИСТ

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Вступительная статья
Д. Д. БЛАГОГО

Подготовка текста и примечания
Ю. Д. ИВАНОВА

Оформление художника
В. МАКСИНА

ВАСИЛИЙ КАПНИСТ

Имя замечательного русского писателя последней трети XVIII — начала XIX века Василия Васильевича Капниста гораздо менее известно, чем имена таких крупнейших представителей литературы этого периода, как Радищев, Державин, Фонвизин, Карамзин.

Действительно, Капнист безусловно уступает Радищеву в глубине проникновения в сущность враждебного народу самодержавно-крепостнического строя и в силе протеста против него; уступает Державину в мощи поэтического дарования и широте охвата современности; Фонвизину — в создании образов-типов, вплотную подводящих нас к методу реалистической типизации; Карамзину — в литературном новаторстве.

Тем не менее творчество Капниста — автора «Ябеды», «Оды на рабство», ряда превосходных лирических стихотворений — сыграло немалую и несомненно прогрессивную роль в развитии допушкинской литературы, а многие его произведения и до сих пор сохраняют идейно-художественную ценность и могут представить живой интерес для всех, кому дорого историческое прошлое русского народа, кому дорога замечательная русская литература.

* * *

Василий Васильевич Капнист происходил из греческого рода Капнисси, обитавшего на острове Закинф (Занте). Дед поэта был горячим патриотом, страстно мечтавшим об освобождении Греции из-под ненавистного турецкого ига. В начале XVIII века он выехал вместе со своим сыном на Украину, которая стала их любимой второй родиной. Отец поэта, Василий Петрович Капнист, дослужился до чина бригадира (средний чин между полковником и генералом). Он был вторично женат на коренной украинке Софии Андреевне Дуниной-Борковской; за боевые заслуги был награжден поместьями,

в том числе селом Обуховкой Миргородского уезда Полтавской губернии. Здесь, неподалеку от места рождения будущего автора «Ревизора», 11/23 февраля 1758 года, вскоре после смерти отца, убитого в битве с пруссаками при Гросс-Егерсдорфе, родился будущий автор «Ябеды» [1].

Получив превосходное по тому времени образование — в частности, отличное знание латинского языка и античной литературы — в одном из петербургских пансионов, Капнист в возрасте четырнадцати лет поступил на военную службу в гвардию. Здесь он тесно сошелся с исключительно одаренным однополчанином — будущим поэтом, художником, архитектором, изобретателем Н. А. Львовым. Знаток музыки, страстный любитель и собиратель памятников народного творчества, Львов был горячим поборником освобождения русской литературы от чрезмерного увлечения иноземными образцами, мешавшего развитию ее национальной самобытности. Через некоторое время Капнист сблизился с начинающим тогда поэтом Державиным. Содружество трех поэтов, которое было впоследствии закреплено и родственными связями (все трое женились на сестрах Дьяковых) и к которому вскоре присоединился самый значительный из русских баснописцев до Крылова И. И. Хемницер, вошло в историю русской литературы под названием кружка Державина и сыграло важную роль в формировании литературно-эстетических взглядов и развитии творчества каждого из его участников.

Первые стихотворения Капниста, в том числе победно-торжественная ода на заключение Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией, опубликованная в 1775 году, писались им на французском языке и не представляли собой ничего сколько-нибудь оригинального. Несколько лет спустя, в 1780 году, в одном из наиболее прогрессивных журналов того времени, «Санктпетербургском вестнике», в котором приняли активное участие почти все члены державинского кружка, появляется «Сатира I» Капниста — произведение, написанное не только по-русски, но и тесно связанное с современной автору общественно-политической действительностью. Это и было литературным рождением Капниста как русского писателя. Своей

[1] О дате рождения Капниста, до последнего времени определявшейся неправильно, см. сообщение Д. С. Бабкина «К биографии В. В. Капниста» («Известия Отделения литературы и языка АН СССР», 1958, вып. 6, стр. 540—545). По романтическому семейному преданию, сообщенному мне праправнучкой поэта, Марией Ростиславовной Капнист, матерью его была на самом деле татарская девушка Сальма. С. А. Дунина-Борковская, только что потеряв собственного ребенка, усыновила сына своего покойного мужа и Сальмы, которая покончила с собой, не будучи в силах перенести смерти страстно любимого ею В. П. Капниста.

сатирой Капнист входит в русло так называемого «сатирического направления», основоположником которого в новой русской литературе был Кантемир, а его наиболее яркими образцами являлись произведения молодого Фонвизина и сатирические журналы, издававшиеся в конце 60 — начале 70-х годов замечательным деятелем русского просвещения Н. И. Новико́вым.

Знаменательное усиление сатирического начала в литературе, явившееся выражением и результатом все обострявшихся социальных отношений в царско-помещичьей России и нараставшей классовой борьбы, которая вскоре вылилась в грандиозное крестьянское восстание под предводительством Пугачева, вызвало резкое противодействие со стороны реакционного правительственного лагеря.

Екатерина II, довольно искусно рядившаяся в тогу «просвещенной монархини», почувствовав все возрастающее влияние литературы как руководительницы общественного мнения, тем большее, чем сильнее росло ее критическое отношение к существовавшим в стране вопиющим непорядкам и безобразиям самодержавно-крепостнического строя, решила перехватить инициативу в свои руки, овладеть литературой и повернуть ее на другие, «благонамеренные» пути.

Сделавшись сама литератором и окружив себя группой льстивых одописцев и казенных писак, Екатерина сперва попыталась одержать победу чисто литературными средствами, вступив на страницах фактически возглавляемого ею журнала «Всякая всячина» в полемику с боевым и ярко талантливым сатирическим листком Новикова «Трутень». Однако, когда это ни к чему не привело (читательский интерес ко «Всякой всячине» все явственнее падал, а к «Трутню» — все очевиднее нарастал), она прибегла к мерам административно-полицейского порядка: сатирические журналы Новикова один за другим вынуждены были прекратить свое существование, и тем самым вся вообще сколько-нибудь оппозиционно звучавшая общественно-политическая сатира оказалась с 1775 года под явным запретом.

В этих условиях особенно значительным во всех отношениях явилось выступление Капниста со своей «Сатирой I», в которой поэт следует тактике, усвоенной еще Новиковым. Поддерживая лицемерно провозглашаемые Екатериной II просветительские лозунги и декларации, автор сатиры обрушивается не только на реакционных казенных литераторов, которые «ставят на подряд за деньги» свои «гнусные оды»,— но и набрасывает остросатирическую, в духе появившегося за несколько лет до этого фонвизинского «Послания к слугам моим», картину жизни столичного общества — «беспутства» и «невежества» высших кругов дворянства, повального взяточниче-

ства чиновников, продажности в судах. Лицемерие «света», за внешней благопристойностью которого скрывается порок, бесчестие, ханжество, лесть, глупость, автор выразительно сравнивает с вошедшим в моду с начала царствования Екатерины II «вольным маскерадом» — образ, которому принадлежало большое будущее в последующем развитии русского критического реализма XIX века: с «ветошью маскарада» сравнит высший свет пушкинская Татьяна, а Лермонтов, не раз прибегающий к подобному же сравнению в своих стихах, озаглавит этим словом самую обличительную из своих драм.

«Сатира I» Капниста, которой он, продолжая новиковско-фонвизинские традиции, отважно вступил в ряды «критических писателей» (термин Новикова), оказалась в преддверии нового яркого проявления обличительных тенденций в русской литературе первой половины 80-х годов, сказавшихся в сатирически окрашенных одах и исключительном по энергии обличений псалме «Властителям и судиям» Державина, в комедии «Недоросль» Фонвизина, в оде «Вольность» Радищева. Понятны яростные нападки, которые посыпались на автора сатиры со стороны реакционных общественно-литературных кругов. Это побудило Капниста для доказательства своей политической благонамеренности спешно перепечатать в том же «Санктпетербургском вестнике» свою «преглупую французскую оду» (его позднейшее определение), которую сам же он ядовито высмеял в «Сатире I». Кроме того, в следующей книжке того же журнала появилось «Письмо господину К., сочинителю «Сатиры первой», подписанное буквой Д., но, очевидно, принадлежавшее самому же Капнисту (он ввел его позднее в собрание своих сочинений). Этим письмом автор намеренно старается приуменьшить общественно-политическое звучание своего произведения, подчеркивая его якобы только литературный характер. Быстрое отступление Капниста было в основном тактическим маневром, к которому ему неоднократно приходилось прибегать и впоследствии и который легко объясняется обстоятельствами того времени. Вскоре после этого Капнист написал «Оду на надежду», по своему общему тону являющуюся скорее элегией, полной намеками на «печали», «злосчастие», «беды», «напасти», одолевающие автора и «прешедшие» всякие «пределы», на преследующий его жестокий «рок» — слово, которое является явным поэтическим синонимом гонений со стороны сильных мира, и впоследствии именно в таком смысле прочно вошло в стихотворный словарь Пушкина. А сколь эта угроза была нешуточна, свидетельствует то, что Капнист не только решает прекратить дальнейшее писание сатир, но на несколько лет вообще приостанавливает свою литературную деятельность.

«Сатира I» Капниста имела не только несомненное общественное, но и непосредственно литературное значение. Нарушающее правила строжайшей жанровой чистоты, предписываемой поэтикой классицизма, сочетающее в себе обличение «пороков» с похвалами по адресу «просвещенной монархини», произведение Капниста, можно думать, подсказало Державину «смешанный» жанр его знаменитой оды-сатиры «Фелица», которая получила широкий литературно-общественный отклик и совершила целый переворот в структуре хвалебно-торжественной классической оды.

В отличие от «Сатиры I» Капниста, в оде Державина главный акцент был сделан на тонкое восхваление Екатерины в качестве воплощенного идеала «просвещенного монарха». Вдохновленная этим императрица снова попыталась объединить вокруг себя на этот раз наиболее крупных писателей-современников и тем самым взять в свои руки литературные бразды. С этой целью в 1783 году при ее непосредственном участии стал выходить новый журнал «Собеседник любителей российского слова», к активному участию в котором были привлечены не только сам Державин, но и Фонвизин. Однако и из этой попытки ничего не получилось. Объединение вокруг журнала прогрессивных писателей не могло оказаться сколько-нибудь прочным. Когда Фонвизин направил в «Собеседник» первые из серии задуманных им остросатирических вопросов, на них последовали ответы со стороны императрицы, сделанные в таком угрожающем тоне, который отбил у автора «Недоросля» всякое желание «спрашивать» далее. Больше того, Фонвизин был почти лишен впредь возможности печататься. Не удивительно, что и Капнист, согласившись перепечатать свою сатиру в «Собеседнике», многозначительно озаглавил ее «Сатира первая и последняя».

«Тартюф в юбке и в короне», как метко назвал Екатерину II Пушкин, как раз в период создания «Собеседника» снова ярко проявила свою подлинную деспотическую сущность. Настойчиво стремясь выдать себя за ученицу Вольтера и других французских философов-просветителей, Екатерина 3 мая 1783 года одним росчерком пера распространила крепостную зависимость на украинское крестьянство, до того бывшее свободным.

Капнист был крупным украинским помещиком, то есть именно одним из тех, в чьих интересах императрица осуществила свой варварский закон. Тем больше чести делает поэту негодующий отклик на него — написанная в связи с этим и далеко превосходящая по своему обличительному пафосу «Сатиру I» «Ода на рабство».

Приемля лиру мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней;

Простерши руку, отягченну
Железным бременем цепей,
Для песен жалобных настрою... —

так начинается ода Капниста, вопреки традиции посвященная не воспеванию царствующей монархини, а явному ее осуждению. Последние из приведенных строк особенно выразительны: сочувствие поэта к порабощенному крестьянству столь велико, что он ощущает надетые на народ цепи и на своей собственной руке.

Русские писатели-сатирики XVIII века, начиная с Кантемира и включая Новикова и Фонвизина, настойчиво обличали злоупотребления так называемым «крепостным правом» со стороны «злонравных» помещиков, но никто из них, кроме Радищева, не решался выступать против самого института крепостничества. Капнист же, подобно Радищеву, считает противоестественным и беззаконным само крепостное *право* как таковое. Оковы рабства — худшее из зол; там, где «раздается звук цепей», люди неизбежно пьют полную чашу бед, льют потоками «кровавый пот» и «зляе смерти жизнь влекут».

Но ода Капниста — не столько «жалобная песнь», сколько крик боли и негодования. Поэт выносит в ней и грозный обвинительный приговор «царям»:

А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

По страстности и энергии обличения подобные строки не уступают знаменитому державинскому псалму «Властителям и судиям», который Екатерина позднее назвала якобинским, но они превосходят его по смелости, поскольку без всяких обиняков обращены в адрес самой императрицы. Слов такой правды и такой силы, бросаемых прямо в лицо царствующему монарху, не звучало еще дотоле в русской литературе, за исключением радищевской оды «Вольность», которая писалась примерно в эту же пору и с рядом мест которой капнистовская «Ода на рабство» прямо перекликается. Правда, в отличие от Радищева, Капнист не делает в своей оде революционных выводов: не призывает угнетенный народ к восстанию против своих угнетателей. В соответствии с просветительскими иллюзиями, свойственными подавляющему большинству передовых мыслителей XVIII века, он старается, воздействуя на ум и сердце

Екатерины, подчеркивая любовь к ней ее народа, убедить императрицу отменить свой крепостнический указ. Наивной надеждой на то, что «спасительная рука» царицы снимет «вериг постыдно бремя», ею же и наложенное, и что тогда «с счастьем вольность процветет», и заканчивается капнистовская ода. Тем не менее «Ода на рабство» является одним из наиболее ярких антикрепостнических произведений нашей литературы XVIII века.

Протест Капниста против крепостнического указа Екатерины выразился не только в написании «Оды на рабство». Незадолго до этого поступив на гражданскую службу (контролером главного почтового управления), Капнист сразу же после опубликования указа подал в отставку, покинул столицу и уединился как бы в добровольную ссылку в свое полтавское поместье, село Обуховку, где и жил до самой смерти Екатерины, лишь время от времени по своим личным делам наезжая в Петербург. Опубликовать свою смелую и искреннюю оду Капнист решился только через десять лет после смерти Екатерины, включив ее в свой сборник стихотворений 1806 года, напечатанный в дни пресловутой «александровской» весны. (Характерно, что из следующего посмертного издания сочинений Капниста, вышедшего в злую пору николаевской реакции, в 1849 году, ода была изъята.)

Однако толки о капнистовской «Оде на рабство» пошли по Петербургу. Заинтересовалась ею, в частности, и президент Академии наук, бывшая издательница «Собеседника» княгиня Дашкова, очень близкая к императрице, хотя неоднократно против нее фрондировавшая. Слухи об оде легко могли дойти и до самой Екатерины. Все это, видимо, не на шутку встревожило Капниста. Пришлось прибегнуть и в данном случае примерно к той же тактике, как и в отношении «Сатиры I»,— подчеркнуто продемонстрировать свою политическую лояльность. Поводом к этому послужил обнародованный Екатериной в феврале 1786 года лицемерный указ о новой форме прошений на высочайшее имя. Незадолго до этого закрепостившая украинское крестьянство, раздаривавшая сотни тысяч крепостных душ своим любимцам, Екатерина запрещала впредь называть прошения на высочайшее имя «челобитными» и подписывать их требовавшимся до этого времени словом «раб», вместо которого надлежало теперь употреблять слова: «всеподданнейший» или «верный подданный». Указ шел навстречу чувству личного достоинства дворян, давая им возможность избегать при обращении к монарху уничижительного названия «раб»; но, понятно, он не вносил решительно никаких изменений в крепостнические отношения между помещиками и крестьянами. Тем не менее Капнист, которому указ тоже в какой-то мере, несомненно, пришелся по душе, решил использовать

его в своих целях, откликнувшись на него «Одой на истребление в России звания раба Екатериною Второю...».

В заключительных строках «Оды на рабство» поэт обещал воспеть Екатерину, когда она откажется от своего крепостнического указа и вернет его отчизне «златое время» вольности. В начале новой оды Капнист заявляет, что эти «златые времена» наступили, что царица «оковы с наших рук снимает и с вый невольничий ярем».

Добролюбов, назвав впоследствии «Оду на истребление...» «превосходной», вместе с тем приводил ее в качестве примера «наивности» сатириков XVIII века. Однако дело тут не в наивности (Капнист, конечно, достаточно хорошо разбирался в подлинном смысле указа Екатерины), а в общих условиях того времени, которые заставили Фонвизина после ответа Екатерины на его сатирические «вопросы» написать ей извиняющееся письмо, которые позднее принудили Радищева, отданного в руки «кнутобойцы» Шешковского, на время отречься от своей «безумной» книги.

Естественно, что по своему идейному значению новая ода не может идти в сравнение с прежней. Там в своем глубоко искреннем сочувствии горю и страданиям порабощенного крестьянства Капнист подымался над собственными классовыми интересами, как бы сливался с народом, говорил от его имени. В данной оде явственно слышится голос дворянина, удовлетворенного либеральным жестом царицы, сделанным в основном по адресу его класса. Но Капнист принадлежал к кругам передового дворянства. Поэтому в его новой оде громко звучат вольнолюбивые мотивы: поэт по-прежнему восторженно славит «вольность», по-прежнему страстно осуждает «невольничий ярем»,— «тяжки узы», «оковы» рабства. Все это придавало стихотворению несомненное гражданское звучание. Именно поэтому ода, переданная Капнистом через Н. А. Львова самой Екатерине, явно не пришлась ей по вкусу: никакой обычной в таких случаях «высочайшей» благодарности Капнист не получил.

Рассмотренные нами произведения Капниста позволяют составить достаточно ясное представление об его мировоззрении и политических взглядах. Капнист был горячим патриотом; он сочувствовал порабощенному крестьянству; резко отрицательно относился к беззакониям и произволу, царившим при самодержавно-крепостническом строе. В то же время его оппозиционность была и непоследовательна и ограниченна. Он неизменно, до самого конца жизни оставался легитимистом; решительно, в противоположность Радищеву, отрицал путь революционных преобразований общества. Эти черты дают себя знать на всем протяжении его творчества.

Вскоре после «Оды на истребление в России звания раба» Капнист пишет «Оду на смерть сына» (1787), в первоначальной редак-

ции которой имелся ряд столь резко обличительных строк, что некоторые современники приписывали ее Радищеву. Поэт рисует самыми мрачными красками «огустевшую мглу» — царящее всюду вокруг общественное зло: «коварство злое, ведуще правость в смертну сеть», «порок», ополчающийся на «достоинство прямое», и даже «держащу скиптр несправедливость» — стих, столь недвусмысленно имеющий в виду верховную власть, что Капнист вынужден был позднее существенно изменить его. Но выступить против господствующего зла значило бы стяжать «жизнь несчастливу», подвергнуть себя общей «злобе», подставить себя под удары «свирепого рока», который не только отравил бы все существование поэта, но от которого не могла бы избавить его даже смерть: «Змеею зависть ядовитой и прах твой, в мрачной урне скрытый, не преставала б шевелить». Конечно, именно поэтому, посылая оду Державину, Капнист умолял никому ее не показывать, кроме жены поэта.

Сильное гражданское звучание имеет и написанная Капнистом несколько позднее, в середине 90-х годов, «Ода на твердость духа», в которой поэт набрасывает (перекликаясь в этом отношении со знаменитой одой Державина «Вельможа») идеальный образ истинного государственного «мужа» — патриота, предназначенного «отечества оградой быть», подставляющего «грудь тверду злобе», «неколебимого в гоненье», презирающего «подлость, лесть», полностью забывающего о себе в служенье «обществу», «народну благу», защитника всех «утесненных» судьбой, «рукой неправды угнетенных».

* * *

С наибольшей силой и художественной убедительностью гражданско-обличительная сторона творчества Капниста проявилась в самом значительном и долговечном из всего им написанного — стихотворной комедии-сатире «Ябеда», над которой он усиленно работал в течение нескольких лет (закончена, по-видимому, в 1794 году).

Смелый замысел подвергнуть широко публичному, с театральных подмостков, бичеванию, беспощадному сатирическому изобличению одно из самых вопиющих зол самодержавно-крепостнического строя — тогдашнее судопроизводство — связан с обстоятельствами личной жизни Капниста.

Еще в конце 60-х годов богатая и влиятельная помещица, полковница Тарновская незаконно присвоила себе имение Капнистов в Саратовской губернии. Благодаря связям, взяткам, подкупам Тарновской удалось до крайности запутать и затемнить права на имение его законных владельцев. Завязалось сложное и крайне разорительное, как обычно бывало в таких случаях, тяжебное дело, затя-

нувшееся на десятилетия. Таким образом, Капнисту непосредственно, на собственном опыте пришлось столкнуться с «вертепом неправд» — судебными беззакониями, взяточничеством, крючкотворством, то есть со всем тем, что обозначалось в XVIII веке общим словом «ябеда».

Именно печальный личный опыт Капниста, обогативший его большим запасом непосредственных впечатлений и наблюдений, давший возможность увидеть в действии всю механику взяточничества и крючкотворства, несомненно, сообщил образам его комедии яркую жизненность и свежесть красок. В то же время тема «Ябеды» далеко выходила за рамки того отдельного конкретного случая, который, очевидно, послужил непосредственным толчком к ее созданию, и давала возможность очень широких художественных обобщений.

Русское самодержавие создало в XVIII веке многочисленный и широко разветвленный чиновничье-бюрократический аппарат. Гневную и точную его характеристику дал впоследствии Герцен. «Между дворянством и народом,— писал он, рисуя картину русского общества «века Екатерины II»,— стоял презренный сброд чиновников из личных дворян — класс, нравственно испорченный и лишенный всякого человеческого достоинства... Воры, тираны, доносчики, пьяницы, игроки — такими были и,— добавлял Герцен,— таковы еще и теперь эти самые пресмыкающиеся люди империи... Мелочные формальности, введенные по образцу немецких канцелярий, усложнили судопроизводство и доставили страшное оружие крючкотворству. *Чиновники*... искажали законы по своему произволу и с чрезвычайным искусством» [1].

Искажать законы судейским чиновникам — этим «чернильным гадюкам», как негодующе именует их Герцен,— было тем легче, что, кроме них самих, в сущности никто точным знанием законов похвалиться в это время не мог. Единственное имевшееся тогда собрание законов — «Уложение» царя Алексея Михайловича 1649 года — совершенно устарело. Деятельность созванной Екатериной II комиссии по составлению нового уложения не дала никаких результатов, поскольку комиссия была вскоре фактически ликвидирована. В то же время новые законы, в большом числе введенные Петром I и вводившиеся его преемниками, и в особенности многочисленные высочайшие указы, также приобретавшие силу законов, никак не были упорядочены, систематизированы, приведены в соответствие друг другу. Зато «чернильные гадюки» в этом мутном и безбрежном море чувствовали себя как рыба в воде, получая полную возмож-

---

[1] А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. VI, Пгр. 1919, стр. 337.

ность искусственно осложнить и запутать судебное разбирательство, чтобы при удобном случае ловко подобрать какой-либо подходящий указ, дававший возможность решить дело в пользу того, кто смог щедрее оплатить их услуги. Особенный простор для злоупотреблений всякого рода открывался при решении дел по земельным тяжбам, крайне распространенным не только на протяжении всего XVIII века, но и позднее, во времена Пушкина. Таким образом, и в этом отношении судебное дело Капниста с Тарновской было явлением сугубо типическим.

Широкое, можно сказать повальное распространение взяточничества и крючкотворства, естественно, делало их одной из наиболее постоянных мишеней для русской сатиры XVIII века, во многом опиравшейся здесь на традиции русской народной сатиры предшествовавшего столетия. Резко напал в своих сатирах на судейские непорядки, неправосудие и взяточничество «друзей ябеды» — подьячих уже Кантемир. Энергично и настойчиво продолжил эти нападки Сумароков, беспощадно громя в своих сатирах, сатирических баснях-«притчах», сатирических очерках («Письмо о некоторой заразительной болезни», направленное против взяточничества, и др.) «крапивное семя». Вслед за Сумароковым ожесточенную борьбу с подьячими развернула сатирическая журналистика второй половины XVIII века и прежде всего сатирические журналы Новикова. Резкое обличение подьячих и судей неоднократно встречаем и в драматургии XVIII века (комедия «Третейный суд» А. Сумарокова, пьесы М. Веревкина «Так и должно», «Точь-в-точь» и в особенности сатирическая комедия И. Соколова «Судейские именины»). Капнисту все это, несомненно, было известно. В «Ябеде» находим целый ряд явных перекличек с произведениями писателей-сатириков XVIII века. Вместе с тем, продолжая традиционную тему, Капнист сообщает ей дальнейшее замечательное развитие и придает небывалую дотоле обличительную силу и остроту.

Тему неправосудия и взяточничества Капнист резко поставил уже в своей «Сатире I», в самом начале ее заявляя о тщетности надежд на справедливую «расправу» «в приказе» и затем олицетворяя судейскую практику в типическом образе некоего судьи с выразительным именем Драч, который «так истцов драл, как алчный волк овец», который «правдой покривить умел и по закону». В этих строках уже заложено зерно будущей «Ябеды», в которой недаром будет снова упомянуто и столь красноречивое имя Драч.

«Ябеда» в основном создается Капнистом в традициях классицизма. Однако подсказанная самой жизнью сатирическая тема и горький личный опыт автора дали ему возможность даже в условных и стеснительных рамках традиционных правил классицизма

создать произведение, отмеченное национальным своеобразием и большой жизненной правдой.

Подчеркивая наличие особой отечественной традиции в развитии русской комедиографии, особенно отчетливо сказавшейся в «Недоросле» Фонвизина и в «Горе от ума» Грибоедова, Гоголь назвал эти пьесы «истинно общественными комедиями». «В них,— замечал он,— уже не легкие насмешки над смешными сторонами общества, но раны и болезни нашего общества, тяжелые злоупотребленья внутренние, которые беспощадной силой иронии выставлены в очевидности потрясающей»[1]. «Подобного выраженья,— добавляет Гоголь,— сколько мне кажется, не принимала еще комедия ни у одного из народов»[2].

К этому национально своеобразному роду «истинно общественных комедий» относится и «Ябеда» Капниста, которая, хотя и не достигает художественной высоты «Недоросля» ни тем более «Горя от ума» и «Ревизора»,— идет по той же линии развития, являясь своего рода промежуточным звеном между комедийным творчеством Фонвизина и пьесами Грибоедова и Гоголя.

В «Ябеде», как и в фонвизинском «Недоросле», имеется любовная интрига (роман Прямикова и Софии), но она в общем движении и развитии пьесы играет даже еще более скромную роль, входит в сюжет ее явно побочным и второстепенным эпизодом. Внимание и интерес с самого начала комедии и на всем ее протяжении сосредоточиваются на тех «ранах и болезнях общества, тяжелых злоупотреблениях внутренних», которые Капнист действительно «с очевидностью потрясающей» выставляет на публичное позорище, на суд и осуждение читателей и зрителей его пьесы.

Сатирическое изобличение суда и его воротил производится, начиная уже с «афиши»,— с перечня действующих лиц. Автор традиционно наделяет персонажей «Ябеды» фамилиями со значением, которые заранее дают представление о преобладающей черте характера данного лица или заключают в себе его сатирическую оценку. Однако Капнист вносит в этот укоренившийся в русской литературе, в частности в драматургии XVIII века, достаточно наивный прием большую сатирическую остроту, тем самым сообщая ему и несомненную художественную выразительность. Давая председателю гражданской палаты фамилию Кривосудов, Капнист использует уже утвердившийся штамп, ставший своего рода постоянной словесной «маской» сатирического образа судьи. Но автор «Ябеды» не ограничивается штампованными «масками», а проявляет и на

---

[1] Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. 8, М. 1952, стр. 396.
[2] Там же, стр. 400.

этом традиционном пути несомненную изобретательность, в какой-то мере прокладывая здесь дорогу Грибоедову и Гоголю. Удачными, например, художественными находками являются фамилии прокурора — Хватайко, секретаря палаты — Кохтин. Фамилии членов суда, как правило, характеризуют преобладающие склонности каждого из них: Бульбулькин — пьяница, Атуев — страстный охотник, Паролькин — картежник (от картежного термина «пароли»). В целом весь этот набор фамилий уже сам по себе дает яркую сатирическую характеристику гражданской палаты. Под стать этому и фамилия того, кто ловко ставит закон на службу своим беззакониям, «ловит право»,— Праволов.

Эти схематически намеченные «афишей» сатирические образы в первом же явлении «Ябеды» получают дальнейшее развитие в тех оценках, которые дает всему составу гражданской палаты повытчик Добров, как бы поочередно представляя каждого Прямикову, а тем самым и зрителям: один член «вечно пьян и протрезвенья нету»; другой — «охотник страстный» и берет взятки охотничьими собаками; третий — отъявленный картежный игрок, который готов даже свою душу поставить на карту. Еще резче и тверже характеристики, даваемые основным дельцам — воротилам палаты,— председателю, прокурору и секретарю. «Дому господин, гражданский председатель, || Есть сущий истины Иуда и предатель». На вопрос «Прямикова: А прокурор? ужли и он...» — Добров без обиняков отвечает: «О! прокурор. || Чтоб в рифму мне сказать — существеннейший вор». Под стать им и секретарь суда — не только беспардоннейший взяточник («Хоть гол будь как ладонь, он что-нибудь да схватит»), но и прямой наглый мошенник, способный и «подчистить протокол», и попросту выкрасть из дела важный документ. Сатирическая острота «Ябеды» особенно сказывается в образе прокурора, поскольку институту прокуратуры Екатерина II придавала особое значение, как гарантии правосудия, «оком» которого прокуроры были объявлены еще при Петре I. Иллюзии в отношении прокуроров разделяла даже передовая сатирическая журналистика конца 60-х годов. Автор «Ябеды» совершенно лишен этих иллюзий. Наоборот, именно образ прокурора Хватайко дан в его комедии наиболее мрачными красками, причем Капнист полностью совпадает здесь с народной сатирой, которой, возможно, даже подсказана и сама встречающаяся в пьесе рифма: прокурор — вор. Крайнюю резкость и вместе с тем справедливость оценок, даваемых Добровым персоналу гражданской палаты, Капнист подытоживает репликой Прямикова: «Изрядно эту мне ты шайку описал! Какая сволочь!»

В дальнейшем ходе пьесы от этих предваряющих характеристик автор переходит к непосредственному изображению, показывая в

ряде ярких эпизодов весь безотказно действующий механизм судебного произвола и беззаконий. Исключительно ярка и выразительна развертываемая автором в центральном, третьем, действии пьесы картина пьяного пира членов гражданской палаты, на которой подкупленными «жрецами Фемиды» заранее предрешается участь Прямикова. В разгаре веселья Кривосудов приказывает своей добродетельной дочери Софии спеть что-нибудь. Та поет вынесенный ею из института сентиментально-хвалебный романс в честь Екатерины II, сопровождающийся припевом: «Воспоем тьму щедрот //Нашей матери царицы, //Что под свой покров берет// Вдов, убогих и сирот». На фоне происходящего эти наивно-институтские восхваления царствования императрицы — защитницы всех обиженных и угнетенных — звучат злейшей насмешкой, тем более что последние слова припева перекрываются громким хором захмелевших судейских: «Помути, господь, народ// Да накорми воевод»,— после чего следует выразительная ремарка: «София с арфой поспешно уходит». (Не удивительно, что цензура обратила на это место особое внимание, и весь эпизод с пением Софии был выкинут.) Вслед за тем окончательно распоясавшиеся судейские исполняют циничный гимн взяточников, автором и запевалой которого является не кто иной, как именно прокурор:

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

Все остальные дружно и с увлечением подхватывают: «Брать, брать, брать»,— а Наумыч, поверенный Праволова, такой же ловкий и жуликоватый, как и его барин, саркастически прибавляет: «И драть».

В результате в комедии-сатире Капниста перед зрителями наглядно проходят все детали одного вопиющего судебного беззакония, все «плутни» судейских, все «пролазы ябеды», что, в полном соответствии с ее названием, является не только фабульной основой пьесы, но и стержнем всего ее сценического действия. Причем по ходу ее автор настойчиво стремится дать понять читателям и зрителям, что все «обнажаемое» им в комедии отнюдь не является чем-то исключительным, а, наоборот, представляет собой явление сугубо типическое, обобщение «порока», имеющего всеобщее распространение, составляющего принадлежность существующего на «всей святой Руси» порядка вещей. В ответ на опасения Кривосудова в первом акте, как бы его пособничество злостному ябеднику Праволову не навлекло беды на него самого, жена Фекла успокаивает его: «Пустое: мы ль одни! всех не переведут». Равным образом, когда в предпоследнем акте Прямиков предупреждает Кривосудова

как отца любимой им Софии об угрожающей ему опасности (в сенате составлен доклад по поступившим на него жалобам) и Кривосудов не на шутку тревожится, та же Фекла называет это «пустыми страхами и вздорной чепухою», подчеркивая, что дела в гражданской палате, возглавляемой Кривосудовым, «текут...// Как и везде, так тут о чем и доложиться?// Ведь всей святой Руси в доклад не поместиться». Наконец, когда в финале пьесы из сената приходит распоряжение отдать всю гражданскую палату под суд, Фекла в исступлении восклицает: «В одном лишь разве здесь суде засели воры?»

Как видим, в развязке «Ябеды» порок словно бы наказан, и правое дело торжествует. Так требовала поэтика классицизма; на это, безусловно, толкали и соображения цензурного порядка, а отчасти некоторые, несомненно сохранившиеся у Капниста общественно-политические иллюзии.

Однако нельзя не заметить, что подобный финал пьесы не только не вытекает из всего предыдущего ее содержания, но и находится с ним в явном противоречии. Ведь уже с самого начала «Ябеды» (в первом же явлении первого акта) на реплику простоватого и неопытного Прямикова: «Ну что ж? хоть здесь они изволят сплутовать,// То я могу на них подать в сенат прошенье»,— Добров, превосходно осведомленный о существовавших тогда судебных «порядках», многозначительно подчеркивая свои слова соответствующим жестом — «закрывая рот рукой»,— отвечает: «О боже! положи устам моим храненье!» Правда, в печатном тексте этот чересчур уж дерзкий выпад против высшего административно-судебного учреждения империи пришлось заменить другим, менее ответственным и «крамольным»: «То я наместнику на них подам прошенье». Но достаточно явный намек на то, что не все чисто и в сенате, делается и далее. «В сенате у него, ты знаешь, есть патрон;// И сверьх того еще, приятелей имеет»,— говорит Фекла Кривосудова, успокаивая своего муженька, несколько робеющего перед слишком уж рискованными и темными делишками плута Праволова. Больше того, в последней сцене «Ябеды» — можно сказать, под самый занавес — явно берется под сомнение декларированное только что перед тем наказание порока. Благородный влюбленный Прямиков, невзирая на отдачу под суд Кривосудова, снова просит руки его дочери. Чета Кривосудовых на этот раз охотно соглашается. «Теперь моя печаль немного облегчённа»,— заявляет Кривосудов. «Авось-либо и все нам с рук сойдет слегка»,— подхватывает неглупая и разбитная служанка Кривосудовых Анна. Причем иронической репликой, которую подает на это Добров, зрителю прямо подсказывается, что именно так это и произойдет:

Впрямь: моет, говорят, ведь руку-де рука;
А с уголовною гражданская палата,
Ей-ей, частехонько живет запанибрата;
Не то, при торжестве уже каком ни есть,
Под милостивый вас поддвинут манифест.

Не уверенность в торжестве добродетели и наказании порока, а, наоборот, сомнение в этом, даже больше того — явное ощущение безнаказанности, неискоренимости зла внушают эти завершающие реплики Анны и Доброва читателям и зрителям «Ябеды».

В этой неслыханной дотоле остроте и силе сатирических обличений одного из коренных пороков самодержавно-крепостнического строя заключалось чрезвычайно большое общественное значение пьесы Капниста. Именно за это капнистовскую «Ябеду» высоко ценила революционно-демократическая критика. «Это произведение было благородным порывом негодования против одной из возмутительнейших сторон современной ему действительности и... за это долго пользовалось оно огромною славою...» [1] — замечал Белинский. «Ябеда»,— повторял он несколько позднее,— принадлежит к исторически важным явлениям русской литературы, как смелое и решительное нападение сатиры на крючкотворство, ябеду и лихоимство, так страшно терзавшие общество прежнего времени» [2]. Ставя Капниста наряду с Фонвизиным за то, что он умел «затрогивать живые общественные вопросы», Добролюбов называл автора «Сатиры I» и «Ябеды» «одним из замечательных деятелей» [3] русской литературы. Чернышевский подчеркивал, что в «Ябеде» Капниста «злоупотребления изображаются гораздо беспощаднейшим языком» [4], чем даже в «Ревизоре» Гоголя, и прямо сопоставлял с ней «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, указывая, что они «замечательны содержанием, вроде капнистовской «Ябеды» [5].

Понятно, что продвинуть на сцену и в печать произведение такой обличительной силы было нелегко. При жизни Екатерины II, последние годы царствования которой явились периодом неприкрытой и злобной реакции, об этом нечего было и думать. Несколько иные условия, казалось, возникли после ее смерти, в 1796 году, когда новый царь Павел I вернул из сибирской ссылки Радищева, осво-

---

[1] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, изд. АН СССР, М. 1954, стр. 528.

[2] Там же, т. VII, М. 1955, стр. 121.

[3] Н. А. Добролюбов, Полн. собр. соч., т. I, М. 1934, стр. 98; т. II, М. 1935, стр. 176.

[4] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. III, М. 1947, стр. 130.

[5] Там же, т. XIV, М. 1949, стр. 313.

бодил из крепости Новикова. Однако на первых порах Капнист ограничился тем, что сам читал свою комедию в знакомых домах — прежде всего у Г. Р. Державина, затем у Н. А. Львова, А. Н. Оленина. Но уже в связи с этими частными чтениями, по свидетельству хорошо осведомленного современника, «в городе заговорили о неслыханной дерзости, с какою выведена в комедии безнравственность губернских чиновников и обнаружены их злоупотребления»[1]. С целью пресечь эти толки и вместе с тем добиться появления «Ябеды» в свет Капнист по совету Н. А. Львова обратился к Павлу I с просьбой разрешить посвятить ему пьесу. Это был не только тактический ход. Первый год павловского царствования мог сулить некоторые надежды и иллюзии в отношении личности и деятельности нового царя, в частности, сразу же издавшего несколько указов, направленных к облегчению положения крепостных крестьян. Особенно должен был расположить к Павлу автора «Оды на рабство» указ, запрещавший продажу украинских крестьян без земли. Павел I согласился принять посвящение. Это сразу же оказало свое действие: «Все толки умолкли. Те же самые люди, которые сначала так сильно вооружились против Капниста, вдруг переменили свое мнение и стали находить комедию превосходною»[2].

Обеспечило это и постановку «Ябеды», которая 22 августа 1798 года была впервые представлена на сцене Петербургского Каменного (Большого) театра в юбилей премьера труппы, знаменитого тогда комического актера А. М. Крутицкого, который исполнял роль Кривосудова. Восхищенный игрой Крутицкого, Капнист передал ему право на отдельное издание «Ябеды». После ряда поправок и купюр, сделанных Капнистом по требованию цензуры, пьеса в 1798 году вышла в свет. Однако появление «Ябеды» на сцене не могло не вызвать нового и удесятеренного взрыва ярости и бешенства со стороны так «дерзостно» растревоженного автором осиного гнезда многочисленной российской бюрократии всех чинов и рангов. В результате уже назначенное пятое представление «Ябеды», пользовавшейся у зрителей шумным успехом, было внезапно отменено и дальнейшие представления «оной комедии» вообще запрещены; одновременно у Крутицкого было отобрано только что отпечатанное отдельное издание «Ябеды». Распространились слухи, что сам Капнист был тогда же, по следам Радищева, отправлен в Сибирь, но Павел I велел показать ему без публики «Ябеду» в дворцовом эрмитажном театре и вернул назад ее автора. Эпизод — вполне в духе капризно-

---

[1] С. П. Жихарев, Записки современника, изд. АН СССР, М. 1955, стр. 303.

[2] Там же, стр. 303—304.

деспотического характера правления Павла, но даже если эти слухи и недостоверны, самое возникновение их весьма характерно для восприятия «Ябеды» Капниста его современниками. Весьма многозначительна в этом отношении не обращавшая на себя внимания исследователей строка в одной из горацианских од Капниста «Другу сердца» (впервые опубликована в издании «Лирических сочинений» Капниста 1806 года), в которой выражается уверенность, что «друг сердца» (по-видимому, жена) последует за поэтом всюду, куда бы ни занесло его «свирепство рока», в том числе и в «ссылочной Сибири холод».

Но если даже «Ябеда» понравилась лично царю, это никак не отразилось на ее судьбе: под запретом она оставалась в течение всего царствования Павла I. Только в 1804 году, в пору очередного «заигрыванья» с либерализмом нового российского монарха Александра I, арест с издания был снят, и комедия поступила в продажу. Вскоре (в первой половине 1805 года) удалось возобновить и постановку «Ябеды». С этого времени в течение четырех десятилетий XIX века она систематически шла и на петербургской сцене, и в Москве, где в 1823—1825 годах в роли Кривосудова выступал один из самых замечательных русских актеров, горячий поборник реализма в русском сценическом искусстве, будущий исполнитель роли Фамусова в «Горе от ума» и городничего в «Ревизоре»— М. С. Щепкин. Ставилась комедия и в провинции. Все это показывает, что «Ябеда», помимо своей сатирической остроты, обладала и чисто сценическими качествами.

Правильно считая, что «Горе от ума» является первою полноценно реалистической русской комедией, Белинский метко определял комедийное творчество Фонвизина как «плод усилия сатиры стать комедиею»[1]. Это определение в еще большей степени может быть распространено и на «Ябеду» Капниста, которая, как мы видели, и генетически связана с его же «Сатирой I». Причем, хотя в художественном отношении «Ябеда» и уступает «Недорослю», она представляет также немалый шаг по пути развития русской реалистической комедии.

«Ябеда», как уже сказано, полностью выдержана в рамках традиционных «классических» правил. Следование некоторым из них ослабляло художественную действенность пьесы. Так, искусственный характер носит традиционное членение «Ябеды» на пять актов, поскольку один из них — четвертый — не вносит ничего сколько-нибудь существенно нового в развитие действия.

---

[1] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VII, изд. АН СССР, М. 1955, стр. 119.

Что же касается основного закона драматургии классицизма — пресловутых трех единств, то он как раз не оказался для Капниста слишком большой помехой, а, наоборот, порою был искусно использован им для придания пьесе большей сатирической остроты. Особенно удачно использовал Капнист требование единства места. Войдя в частный дом Кривосудова, Прямиков, видя перед собой стол, покрытый красным сукном, с удивлением убеждается, что он попал в официальное судебное место («мы нечаянно в святыню забрели»). В ответ на его недоуменный вопрос Добров разъясняет: здание, в котором находились присутственные места, сгорело, и, так как было трудно найти в городе подходящее помещение, «председатель наш в свой дом вместил палату,// С казны за то себе приобретая плату». То, что судебное присутствие находится в квартире председателя палаты, не только позволяет сочетать сцены частной жизни, рисующие быт семьи Кривосудовых, со сценами официальными (заседание суда), но и полно горькой иронии и острого сатирического смысла. «Святыня» правосудия оказывается в доме Кривосудова, в его, так сказать, личном полном обладании. Вместе с тем это дает возможность автору создать ряд резко сатирических ситуаций. Именинная пирушка у Кривосудовых — картежная игра, пьяная оргия — совершается в той же самой комнате, за тем же самым столом, где происходят судебные заседания, где в качестве символа законности и напоминания о бдительности верховной власти стоит так называемое «зерцало», которое к тому же забыли хотя бы прикрыть из приличия на время пирушки. На следующее утро здесь снова рассаживаются судейские и, задевая ногами за наспех составленные под стол пустые бутылки и даже опрокидывая одну из них, начинают комедию судебного разбирательства. Причем, если накануне за обильными возлияниями и карточной игрой они заранее решили между собой тяжебное дело в пользу Праволова, то теперь, во время судебного заседания, не слушая хода его, они оживленно вспоминают о вчерашней выпивке и толкуют о предстоящей новой карточной игре. Так «бытовое» и «служебное» в комедии все время переплетаются друг с другом; так «святыня» правосудия на глазах читателей и зрителей превращается в «вертеп неправд».

Самой слабой стороной русской драматургии XVIII века был свойственный ей, как и вообще всем произведениям классицизма, рационалистический метод обобщения, типизации действительности, прямолинейно-схематическая обрисовка характеров. Именно это-то больше всего и мешало даже самым выдающимся образцам русской комедии того времени, до фонвизинского «Недоросля» включительно, стать полноценными реалистическими произведениями.

Этот недостаток присущ и «Ябеде» Капниста. Все действующие лица комедии делятся на два диаметрально противоположных лагеря — только добродетельных и только порочных. Черному «злодею» Праволову симметрично противопоставлен безукоризненно честный Прямиков, порочной Фекле Кривосудовой — ее добродетельная дочь София и т. д. Но и этот достаточно примитивный прием Капнист умело использует в сатирических целях. В «Недоросле» четырем «злонравным» дворянам — Простаковой, ее мужу, Скотинину, Митрофанушке — соответствует ровно столько же дворян добродетельных — Стародум, Правдин, Милон, Софья. Фонвизин как бы говорит этим: есть много плохих дворян, но столько же есть и дворян хороших. В «Ябеде» по меньшей мере семи негодяям и взяточникам — то есть, если не считать апатичного и беспомощного Радбына, всему составу гражданской палаты — противопоставлен один добродетельный персонаж — Добров, который является лишь мелким канцелярским чиновником и потому совершенно бессилен способствовать торжеству справедливости. Уже одно это количественное соотношение наглядно свидетельствует, что вопрос ставится Капнистом не о наличии отдельных злонравных судей, а о порочности всей системы судопроизводства, всего судебного дела в стране. Обращает внимание и другое: весь состав гражданской палаты — дворяне, а единственный добродетельный персонаж из всех причастных к судебному миру — человек, вышедший из трудовых низов. «Породы ты простой, не князь, не дворянин»,— говорит Доброву Прямиков. Противопоставление злонравным дворянам добродетельного простого человека, разночинца, составляет прогрессивную сторону комедии Капниста, продолжающего и развивающего здесь демократические тенденции сатиры Новикова и молодого Крылова.

Характер каждого действующего лица строится Капнистом, в духе рационалистической поэтики классицизма, на какой-то одной преобладающей черте или свойстве. В результате вместо живых людей, «исполненных», говоря словами Пушкина, «многих страстей, многих пороков», получаются «типы такой-то страсти, такого-то порока»[1]. Психологический портрет человека подменяется раз навсегда данной сценической «маской». Однако и тут жизнь порой преодолевает условную литературную схему. Творческая практика Капниста, несомненно, опирающаяся в этом отношении на уже имевшийся литературный опыт Фонвизина, оказывается богаче его теоретических установок. Из-под «масок» в персонажах «Ябеды» то и дело проступают живые человеческие черты. Это можно проследить

---

[1] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 16-ти томах, изд. АН СССР, т. XII, М. 1949, стр. 159.

даже на наиболее прямолинейно схематическом, штампованном образе сплошного, так сказать, «стопроцентного» «злодея» Праволова. В лице Праволова перед нами не просто олицетворенная схема, а достаточно живой и сценически убедительный персонаж. Беспардонный мошенник, он не только ловок, но и смышлен и достаточно наблюдателен; он насквозь видит взяточников-чиновников, превосходно умеет использовать их в своих целях. Однако, как только Праволов оказался изобличен, вся его самоуверенность и нахальство разом сходят с него, и он падает на колени перед им же ранее подкупленным «существеннейшим вором» прокурором Хватайко, умоляя спасти его. В этом особенно наглядно проступает вся подлость и низость его натуры. С еще большей — уже прямо фонвизинской широтой — даны Капнистом образы судьи Кривосудова и в особенности его жены Феклы. Подобно советнику из фонвизинского «Бригадира», Кривосудов не только циничный взяточник, но и ханжа, непрестанно щеголяющий показным благочестием. Но еще более, чем перед возможным возмездием, он трусит перед своей супругой, грубой и властной самодуркой, которая, подобно фонвизинской Простаковой, цепко и крепко держит его в своих руках. Наконец, Кривосудов и особенно его жена Фекла, и в этом отношении весьма напоминающая фонвизинскую Простакову,— заядлые крепостники. «Знать, хочешь ты румян?» — обращается Фекла к служанке Анне, услышав ее непочтительную реплику «в сторону» при появлении захмелевших судейских и сопровождая это весьма выразительным жестом — «замахнувшись». «Скотина!// Знать, около ушей свербит твоя личина.// Я всею пятерней ее пощекочу»,— таким образом разговаривает она с Анной и в дальнейшем.

Так традиционные образы-схемы судьи-взяточника и «злой жены» приобретают живые, реальные черты русского правящего сословия конца XVIII века.

Жизненности персонажей «Ябеды» особенно способствует ее язык, являющийся одной из самых сильных сторон комедии-сатиры Капниста. В противовес традиции Сумарокова — Фонвизина и в большем соответствии с требованиями французского классицизма, «Ябеда» написана не прозой, а традиционным александрийским стихом — рифмованным шестистопным ямбом. Сам Капнист подчеркивал, что здесь непосредственным образцом послужили ему комедии Княжнина: «Если бы почтенный г-н Княжнин в прекрасном «Хвастуне» своем не доказал на опыте возможности писать комедии в стихах простым разговорным наречием, то я бы не осмелился приняться за «Ябеду» [1]. И в отношении простоты и разговорности сти-

[1] В. В. Капнист, Избранные сочинения, Л. 1941, стр. XII.

хотворного языка своей пьесы Капнист пошел еще дальше Княжнина. В речи персонажей «Ябеды» очень мало книжного, церковнославянского элемента и, наоборот, много коренных русских, зачастую чисто народных слов и выражений. Вместе с тем посредством частых «переносов», неоднократно употребляемых внутренних рифм, коротких реплик, когда одна стихотворная строчка разбивается на две, а порой и на три части, произносимые различными ведущими диалог персонажами, Капнисту удается в значительной степени преодолеть монотонное однообразие александрийского стиха, сообщить ему живые разговорные интонации. Здесь Капнист делает несомненный шаг вперед по направлению к будущему вольному «басенному» стиху грибоедовского «Горя от ума».

Средствами языка Капнист добивается и типизации характеров. «Маскам»-фамилиям персонажей соответствуют своего рода речевые их «маски». Так, член гражданской палаты Атуев — «охотник страстный до травли русаков», как характеризует его Добров,— о чем бы ни заговорил, придает своей речи специфически «охотничий» колорит, пересыпая ее соответствующими словечками и оборотами. Другой член палаты, пьяница Бульбулькин, уснащает свою речь словечками из столь милого ему питейного обихода. И именно прокурор Хватайко, вполне «оправдывая» свою фамилию, исполняет уже известный нам гимн взяточников, начинающийся словом: «Бери». Прием этот, метко использованный уже Фонвизиным в речи учителей Митрофанушки, конечно еще достаточно примитивен, но производит несомненный комический эффект и, главное, способствует сатирической заостренности образа. Недаром его будут применять и Грибоедов (вспомним хотя бы его Скалозуба), и Гоголь, и Салтыков-Щедрин.

Очень комична в «Ябеде» и заикающаяся речь Радбына, которая в то же время полностью соответствует всему складу нерешительного характера этого персонажа, не лишенного совестливости, колеблющегося, но в конце концов уступающего своим взяточникам-товарищам и покорно плетущегося следом за ними. Весьма выразителен язык четы Кривосудовых — грубовато-«патриархальная», то вкрадчивая, то вымогательски-циничная речь главного хапуги — председателя гражданской палаты и нагло-нетерпеливая, резкая, порой переходящая в прямую брань речь его супруги.

Замечательной чертой языка «Ябеды» является его ярко выраженная пословичность. Народными пословицами писатели XVIII века, особенно писатели-сатирики, начиная с Кантемира, пользовались весьма охотно. Но «Ябеда» Капниста насыщена ими в особенно сильной степени (около двадцати пяти пословиц и поговорок, в чис-

ле их одна украинская). Характерно, что пословицей: «Федот, да не тот»,— подсказан и существенный эпизод пьесы — мошенническая попытка секретаря Кохтина отобрать у Прямикова принадлежащее ему имение:

Радбын

Ра-разве Бо-Богдан не-не Фе-Фе-Федот?

Атуев

Ты видишь, тут сбылось: Федот-де, да не тот.

Причем пословицы и поговорки не только вставлены в речь персонажей, а в значительной степени определяют собой окраску всего языка комедии, его меткую афористичность. Недаром многие выражения из «Ябеды», в свою очередь, приобрели пословичный характер, сделались «народными». Таково, например, знаменитое: «Законы святы, но исполнители — лихие супостаты». Пословичность языка «Ябеды» придает комедии-сатире Капниста известную демократичность и, безусловно, способствует ее довольно ярко выраженной национальной окраске.

Всем сказанным определяется достаточно значительная, а во многом и прямо существенная роль, которую сыграла «Ябеда» в развитии не только последующей русской драматургии, а и шире — русской литературы вообще, в формировании в ней метода критического реализма. В несомненной преемственной связи с «Ябедой» находится грибоедовское «Горе от ума». И связь эта заключается не только в дальнейшем развитии Грибоедовым комедийного стихотворного языка, но и в развитии приемов сатирической типизации — переходе от типизации, осуществляемой в основном все же в рамках поэтики классицизма, к типизации реалистической. Равным образом связь между «Ябедой» и гениальным образцом «истинно общественной комедии» — гоголевским «Ревизором» заключается не только в развитии темы взяточничества. В изображаемом в «Ябеде» провинциальном городе и хозяйничающих в нем — невозбранно творящих свой неправый суд — чиновниках, группирующихся вокруг председателя гражданской палаты Кривосудова, содержится широкое обобщение бюрократической действительности того времени, которое подготовляет в этом отношении город гоголевского «Ревизора», отданный во власть Сквознику-Дмухановскому и его чиновничьему окружению. А в «Мертвых душах» Собакевич, характеризуя Чичикову городскую администрацию и чиновников, наделяет каждого из них короткими и весьма нелестными прозвищами, совсем в стиле характеристик, даваемых Добровым всему составу гражданской палаты.

Развитием и углублением темы обличения царского судопроизводства и продажной бюрократии является созданная семьдесят лет спустя после капнистовской «Ябеды» знаменитая комедия Сухово-Кобылина «Дело», которая двадцать лет не допускалась к постановке царской цензурой. Обильный материал для сатирических обличений насквозь прогнившего и продажного царского суда, совершающегося под «сению и тению дремучего леса законов, помощию и средством капканов, волчьих ям и удилищ правосудия», дало Сухово-Кобылину, как в свое время Капнисту, его непосредственное соприкосновение с миром взяточничества и крючкотворства — возбужденный против него уголовный судебный процесс, следствие и разбирательство по которому тянулось в течение многих лет. Но подобно Гоголю, Сухово-Кобылин, можно не сомневаться, знал (конечно, видел на сцене) и помнил своего давнего и прямого литературного предшественника, впервые со столь резкой сатирической остротой поставившего аналогичную тему в русской драматургии. В частности, едва ли случайно один из персонажей «Дела» (как и более ранней «Свадьбы Кречинского») носит «капнистовскую» фамилию — Анна Антоновна *Атуева.*

Примечательно также, что капнистовский гимн взяточников Островский вложил в уста одного из персонажей своего «Доходного места».

Все это наглядно свидетельствует, что комедия-сатира Капниста является существенным звеном в истории развития основной реалистической линии национальной русской драматургии.

* * *

Капнистом было написано и еще несколько драматических произведений. До «Ябеды» им было сделано переложение на русские нравы известной комедии Мольера «Сганарель, или Мнимый рогоносец», которое он назвал «Сганарев, или Мнимая неверность». В 1797 году Капнист принял непосредственное участие в деятельности Петербургского театра. В этом году Павел I издал указ о высылке всех неслужащих дворян из Петербурга. Капнист как раз в это время оказался в столице и был, по его просьбе, причислен к театральной дирекции. Он энергично руководил русской труппой, пополнив ее состав несколькими выдающимися актерами, написал для сцены «пастушеский пролог» «Клорида и Милон» и оперу «Эфир». Позднее им была написана трагедия «Антигона». Наконец, в его бумагах сохранились следы еще одного комедийного замысла. Но ни одно из этих произведений не приобрело сколько-нибудь серьезного значения, а постановки «Сганарева» и «Антигоны» не имели никакого успеха, над чем сам же их автор весело

посмеялся в написанных им по этому случаю эпиграммах, в которых рифмуется: Капнист — свист.

Весьма склонный к юмору и автоиронии, Капнист не придавал большой цены и своим стихам. Так, выпущенное им в 1796 году первое отдельное издание стихотворений он сопроводил своеобразным ироническим двустишием, как бы от лица читателя (напечатано на последней странице после слова «конец» и даже цензурной отметки, что книга разрешена к печати): *Капниста я прочел и сердцем сокрушился,// Зачем читать учился».* В этом плане показательно, что в течение целых десяти лет поэт не выпускал в продажу отпечатанные еще в 1806 году «Лирические сочинения».

* * *

Но если Капнист-драматург полностью проявил себя по существу только в «Ябеде», то как поэт он не только создал такие значительные произведения, как «Сатира I» и «Ода на рабство», но и после этого продолжал расти и развиваться, причем именно в том направлении, в каком развивалась современная ему прогрессивная русская поэзия.

После смерти Павла I Капнист в 1801 году уволился из театральной дирекции и снова уехал к себе на Украину. В 1802 году автор «Ябеды» был утвержден генеральным судьей Полтавской губернии; с 1812 по 1818 год числился на службе в департаменте народного просвещения; неоднократно бывал в Петербурге и Москве; в последние годы жизни был избран губернским маршалом полтавского дворянства; являлся почетным членом ряда литературных обществ. Но всему этому Капнист предпочитал вольную жизнь в своей любимой Обуховке — занятия сельским хозяйством и литературой. «Душевно отстал я от всяких великосветских замыслов»,— сообщал он еще в 1786 году, вскоре после своего первого ухода в отставку, Державину, который после оды «Фелица», столь пришедшейся по вкусу Екатерине, делал большую административную карьеру. «Сыскиваю свое истинное счастие в уединении, в содружестве Сашеньки (жены.— *Д. Б.*), в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы, лелеющей обитель мою, в погружении себя иногда в недро души моей и в воспарении оттуда иногда к Источнику ее и всея твари. Вот мои упражнения душевные. Руками упражняюсь то в очищении и украшении сада моего, какого прекраснее и редкие цари имеют, в обозрении хозяйства, в построении нового домика, словом, во всех сельских приятных и, можно сказать, покойных трудах»[1].

---

[1] Г. Р. Державин, Сочинения, т. V, СПб, 1876, стр. 516—517.

Подобные же настроения и мотивы, которым Капнист оставался верен до конца жизни, все настойчивее звучат и в его стихах.

Свой творческий путь Капнист начал в традициях высокого классицизма, в качестве последователя Кантемира и Ломоносова, творца произведений, призванных служить «пользе общества». Теперь в поэзии Капниста все чаще возникают личные, интимные темы, мотивы ухода в себя — «погружения в недро души».

Порой на некоторые политические события современности Капнист отзывается в традиционном жанре «торжественной оды» (например, «Ода на объявление войны Портою России 1787 года августа 5 дня» и т. п.). Но гораздо характернее для него теперь другой, нетрадиционный вид од (образцом их явилась знаменитая ода Державина «На смерть князя Мещерского»), которые окрашены, подобно «Оде на надежду», в элегические тона. В первом отдельном издании своих сочинений 1796 года Капнист дал стихотворениям этого рода нейтральное название «Оды на разные случаи», но в 1806 году прямо назвал их «элегическими одами». Название это парадоксально с точки зрения поэтики классицизма: оно сливает воедино два различных, даже прямо противоположных друг другу жанра, вполне, однако, соответствуя характеру данных стихотворений Капниста, связанных с событиями личной жизни поэта, чаще всего вызванных смертью близких ему людей и окрашенных в минорные, унылые тона («Ода на смерть Плениры», «На смерть друга моего» и др.).

Еще дальше от громозвучной, витийственной поэтики и стиля «торжественной оды» отходит Капнист в своих «горацианских» (переводы и подражания Горацию) и «анакреонтических» одах, навеянных так называемой «Анакреонтеей» — античным сборником стихотворений, воспевавших легкие радости бытия и приписывавшихся перу древнегреческого певца любви и вина Анакреонта. В одной из своих горацианских од, обращенной к Державину и подчеркнуто названной «Певцу Фелицы», Капнист, демонстративно заявляя о своем совершенном равнодушии к политическим бурям и потрясениям современности («Да мне до них и нужды нет»), так определяет линию своего жизненного поведения и тематику поэтического творчества:

Честей я не служу кумиру,
Ползком я злата не ищу;
Доволен малым,— жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу.

В соответствии с этим горацианские и анакреонтические оды все больше начинают преобладать в его творчестве. Сферой его

поэзии становятся по преимуществу «простые напевы» «чувствительного сердца»: изящный эпикуреизм, довольство малым, любование природой, мирное наслаждение немудреными радостями бытия.

В противовес «российским орлам» — певцам «великих дел» Ломоносову, Державину — себя как поэта Капнист сопоставляет с пчелкой, которая «смеет жужжать» лишь «тихую песню», и с «легкокрылым мотыльком» (анакреонтическая ода «Мотылек» — 1796; «Ода, Ломоносов» — начало 1800-х годов; стихотворение «Различность дарований» — 1818).

Кверху жаворонок вьется;
Над горой летит сокóл;
Выше облаков несется
К солнцу дерзостный орел.
Но летает над землею
С мягкой травки на цветок
Нежной пылью золотою
Отягченный мотылек.

(«Мотылек»).

Две последние строки не могут не обратить на себя особенного внимания. По их легкости и изяществу, по точности и грациозности рисуемого образа с ними мало что может сравниться в поэзии той поры.

Художественное изящество, пластичность образов, чувство меры, тонкий эстетический вкус и замечательная для того времени простота языка делают Капниста наиболее выдающимся представителем так называемой «легкой поэзии» XVIII века, непосредственным предшественником Батюшкова. «Кто хочет писать, чтоб быть читанным, тот пиши, как Капнист, вернейший образец в слоге», — заметил однажды сам Батюшков.

«Легкая поэзия» — горацианские мотивы, анакреонтика — возникают у самых истоков новой русской литературы вместе с развитием в ней классицизма. Являясь реакцией на аскетизм средневековой литературы, анакреонтика с ее культом беспечных земных радостей, чувственных наслаждений сопутствовала «высоким» гражданско-дидактическим жанрам классицизма — торжественной одописи, сатире. Характерно в этом отношении, что зачинателю русского классицизма, сатирику Антиоху Кантемиру принадлежат и первые же переводы на русский язык посланий Горация и анакреонтических стихотворений. Однако в иерархии жанров классицизма в период его расцвета, господства в нем пафоса государственного строительства, анакреонтика занимала сугубо второстепенное место. Анакреонтические стихи переводил и Ломоносов, но

в своем знаменитом «Разговоре с Анакреоном» он прямо противопоставлял любовным мотивам анакреонтики героико-патриотическую тематику своих од. Наоборот, в последнюю треть XVIII века, когда российское самодержавие начало приобретать все более деспотический, реакционный характер, высокий классицизм — торжественно-хвалебная одопись — постепенно утрачивал свое прогрессивное значение. «Легкая» же поэзия стала занимать все более видное место, выходить на первый план. Явное влечение к «легкой поэзии» обнаружилось и у членов державинского кружка, приобретая в их творчестве черты своего рода оппозиционности подавляющему гнету абсолютистской государственности — защиты права личности на свое независимое существование. В 1794 году Н. А. Львов издает свой перевод на русский язык «Анакреонтеи» параллельно с греческим текстом; в 1804 году выпускает в свет сборник своих «Анакреонтических песен» Державин. Несомненная оппозиционность присуща горацианским и анакреонтическим одам Капниста. Противопоставление поэтом скромной и незаметной жизненной стези «злату» и «честям», сельской «убогой хижины» — столичным «чертогам» было формой того пассивного протеста против самодержавно-крепостнического гнета, который заставил его удалиться из императорского и чиновного Петербурга в свое мирное украинское поместье. В этом же в значительной мере смысл анакреонтики Державина, а позднее, и в еще большей степени — «легкой поэзии» Батюшкова.

Подобные темы и мотивы все больше сближали Капниста с новыми литературными течениями, с боем выходившими на первое место в русской литературе конца XVIII — начала XIX века. Не случайно поэтому, что ряд его стихотворений появляется в изданиях главы русского сентиментализма Карамзина. Восхищается Капнист и трагедиями «чувствительного певца» В. А. Озерова, вслед которому пишет свою «Антигону». Но хотя, по ироническим словам Белинского, Капнист «часто злоупотреблял своею грустью и слезами», он сумел избежать в своих стихах наигранной чувствительности и салонного жеманства карамзинизма. «Стих его отличался необыкновенною легкостью и гладкостью для своего времени. В элегических одах его слышатся душа и сердце» [1], — отзывался о поэзии Капниста Белинский. Особенно ощутимо это в одном из наиболее выразительных и художественно удавшихся стихотворений последней поры жизни Капниста — в его оде-элегии «Обуховка» (1818). Описание жизни поэта в его излюбленном украинском по-

---

[1] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VII, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 121.

местье на берегу реки Псел, естественно, напрашивается на сравнение с аналогичным описанием своей поместной жизни, данным за несколько лет до того Державиным в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская». При этом отчетливо выступает и все между ними различие. В стихотворении Державина, представляющем собой один из ярчайших образцов словесной живописи, развертываются необыкновенно сочные, «вещные», чувственно-предметные, почти реалистически полнокровные картины роскошного дворянского поместного быта. В «Обуховке» Капниста рисуются главным образом лирические переживания углубленного в себя мечтателя, уединившегося в сельский «приютный дом» под простой соломенной крышей. Картины природы, которыми насыщено это стихотворение, даются не сами по себе, а в неразрывной связи с тонкими чувствованиями и меланхолическими размышлениями созерцающего их поэта — с его скорбными думами и светлой примиренностью. Завершается стихотворение характерным описанием вечерних небес, померкших «полянок и рощ», всплывающей «на легком облачке» «спутницы ночей» луны и мирного семейного кладбища — «священной господней нивы», где вскоре предстоит уснуть и самому поэту, который тут же сам слагает себе эпитафию:

Капнист сей глыбою покрылся;
Друг муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что, ей, как мог, служа, трудился...

Действительно, «друг муз», Капнист был «другом родины» — горячим патриотом, в частности убежденным сторонником развития русской литературы по национально-самобытным путям. С годами в нем, как и в других членах державинского кружка, все нарастает интерес к национальной древности, к национальному народному творчеству. Порой, правда, это принимало несколько чудаковатые формы. Так, в ряде работ, которые Капнист написал и опубликовал в последний период жизни, он, в духе аналогичных концепций Тредиаковского, обосновывал приоритет русской культуры перед древнегреческой, ссылаясь на то, что древние греки заимствовали «науки свои, Музыку и Стихотворство» от упоминаемого античными авторами северного народа «гипербореан», а последние и были предками русских («Краткое изыскание о гипербореанах»). Капнист пытался доказать, что Одиссей странствовал не в Средиземном, а в Азовском и Черном морях — у южных берегов «любезного отечества нашего». Подобно своему давнему другу Н. А. Львову и Радищеву, Капнист призывал перейти от утвержденной Ломоносовым силлабо-тонической системы, которую объявлял

заимствованной, к «природному коренному русскому стихосложению». В частности, он предлагал переводить «Илиаду» не гекзаметрами, а «размером простонародной песни»; Оссиана же — стихом, приближающимся к былинному, дав и соответствующие образчики таких переводов в «Письме к С. С. Уварову о эксаметрах» и в переведенной им оссиановской поэме «Картон», где, по словам поэта, он «поместил для образца несколько родов русского стихоразмерения». Все это не имело ни научного, ни практического значения. Гораздо больший интерес представляют работы Капниста в области изучения незадолго до того открытого и впервые опубликованного в 1800 году величайшего памятника древней русской литературы «Слова о полку Игореве», которое он одним из первых перевел на современный ему русский язык (перевод этот напечатан только несколько лет тому назад, а работа Капниста о «Слове» в большей своей части до сих пор остается неопубликованной)[1]. Помимо своей исключительной художественности, «Слово», несомненно, привлекло Капниста своим героико-патриотическим духом, осуждением эгоистической междоусобной политики князей, в результате которой русская земля оказалась открытой врагу,— «насилие поразило вольность», как терминами современной ему гражданской лексики передает Капнист соответственное место «Слова». И данная фразеология не случайна.

Патриотическое чувство, несомненно, было свойственно и Жуковскому, бесспорным свидетельством чему является его знаменитый, написанный в дни Отечественной войны 1812 года «Певец во стане русских воинов». Однако, в отличие от Жуковского, патриотизм автора «Оды на рабство» и «Ябеды» окрашен в яркие гражданские тона. Это нагляднее всего показывает сопоставление с «Певцом» Жуковского большого стихотворения Капниста, подсказанного также событиями войны 1812 года,— «Видение плачущего над Москвою россиянина».

Потрясенный донесшимся до его Обуховки «плачевным слухом» о сожжении Москвы, поэт видит во сне борца против польских интервентов 1613 года патриарха Гермогена. Подобно автору «Слова о полку Игореве», который оплакивает беду, постигшую русскую землю и видит причины этого в «крамолах» князей, Гермоген, скорбя о гибели «первопрестольна россов града», считает ее справедли-

---

[1] Перевод Капниста опубликован Д. С. Бабкиным, «Слово о полку Игореве в переводе В. В. Капниста» («Слово о полку Игореве», сборник исследований и статей, изд. АН СССР, М.—Л. 1950, стр. 320—399); см. также Ф. М. Головенченко, «Слово о полку Игореве», историко-литературный и библиографический очерк, М. 1955, стр. 36—41.

вым возмездием сильным мира сего — «вельможам знатным», богачам за их «тлетворную роскошь», за чинившиеся ими несправедливости и обиды по отношению к простому народу. В развалинах — церкви, ибо их служители «Не о спасенье душ, о мзде своей радели, //Порока в знатности изобличать не смели»; в руинах — здание суда, ибо в нем, энергично заявляет поэт, снова подымая тему своей «Ябеды»:

...весы держала мзда;
Неправдою закон гнетился подавленный.
Как бледны жесткие повапленные стены,
Так челы зрелися бессовестных судей.
Там истина вопи, невинность слезы лей;
Не слышат и не зрят: заткнуты златом уши;
Взор ослеплен сребром. Растленны лихвой души
Не могут истины вещанию внимать.
Там злу судья — злодей; возмездник татю — тать,
Крепило приговор ехидно ябед жало,—
И пламя мстительно вертеп неправд пожрало.

В результате стихотворный «плач» превратился в сатиру, столь резкую, что это определило последующую судьбу данного произведения. Опубликовать свое «Видение» Капнист не смог, и оно в течение целых ста лет оставалось в рукописи (впервые опубликовано в 1912 году).

«Видение плачущего над Москвою россиянина» — еще одно и весьма яркое свидетельство того, что наряду с поэтом-элегиком, с автором анакреонтических стихов, в Капнисте на всем протяжении его творческого пути жил и гражданский поэт, поэт — обличитель общественных пороков и зла, творимых власть и деньги имущими.

Общественно-политический подъем, наступивший после войны 1812—1814 годов и нашедший свое выражение в создании тайных декабристских организаций, сказался и на творчестве Капниста, находившегося в тесных дружеских отношениях со своими соседями по Обуховке — полуопальным либеральным сановником Д. П. Трощинским, писателем И. М. Муравьевым-Апостолом и его сыновьями-декабристами. Сохранились письма к Капнисту одного из главных деятелей Южного общества С. И. Муравьева-Апостола. Сам Капнист стоял в стороне от движения дворянских революционеров (в рядах декабристов оказались, однако, два его сына). Но в его стихах этой поры снова громко зазвучал резко обличительный голос поэта-гражданина. Таково одно из наиболее энергичных гражданских произведений Капниста — «Ода на пиитическую лесть».

Еще в 1789 году в связи с грандиозной по размерам и наполненной непомерными восхвалениями по адресу Екатерины одой «лейб-автора» Державина «Изображение Фелицы» Капнист выступил с шутливо-ироническим стихотворным «Ответом Рафаэла певцу Фелицы». В «Оде на пиитическую лесть» Капнист, наоборот, славит (возможно, имея в виду Радищева) поэта, «звонкая лира» которого, «Изобличая злобу мира, //Гремит лишь правдой в слух царей». Снова используя тему «якобинского» 81-го псалма, переложенного Державиным, автор гневно восклицает: «Цари надменны! Трепещите...» — строка, непосредственно предвосхищающая одну из строк пушкинской оды «Вольность»: «Тираны мира! Трепещите!» Характерно, что и Горация, одного из своих любимых поэтов, Капнист особенно ценил за гражданские мотивы его творчества — «изобличение пороков», «резкие уроки соотечественникам своим». Ряд стихотворений Горация именно такого рода Капнист и переводит. В то же время в «Оде на пиитическую лесть» он резко осуждает, знаменательно совпадая в этом отношении с Радищевым, того же Горация за лесть по отношению к сильным мира сего, в частности к «врагу человечества», императору Октавию Августу:

Но, о преврат! — любимец Феба
Унизил дар бесценный неба,
Хваля распутные сердца;
И в знаменитом сем пиите,
Ползущего в большом синклите,
Мы зрим Октавова льстеца!

Вспомним, что «льстецом Августовым» и «лизоруком Меценатовым» назвал Радищев в своем «Житии Федора Васильевича Ушакова» Вергилия и Горация. Как и «Видение плачущего над Москвою россиянина», «Ода на пиитическую лесть» в печати при жизни Капниста появиться, очевидно, не могла и была впервые опубликована только в советское время. Зато в 1820 году он напечатал весьма выразительное четверостишие, заканчивающееся предостерегающей формулой, вложенной, как мы вспомним, в его «Ябеде» в уста Доброва:

Все хвалят искренность: всяк говорит: будь прям;
А скажешь правду — по зубам.
Что ж делать? Возносить моленье:
«О боже! положи устам моим храненье».

Тем не менее Капнист продолжает в своих стихах «говорить правду». В оде «На смерть Наполеона» поэт на примере трагического финала судьбы того, кто, став главой «свободныя державы», не удовлетворился этим, а стал искать царского венца и захотел

«безумно угрожать» миру «всеобщим самовластьем», дает урок «надменным вождям» — царям. Сходные мотивы звучат и в написанных им вскоре после этого одах «Славолюбие» и «Убивство» (1822). Примерно в то же время Капнист написал страстную оду в связи с греческим восстанием, горячо призывая греков к борьбе за свою независимость. Из последних стихотворений Капниста особенно замечательна ода «Убивство» своим резким протестом против грабительских войн, колониального гнета, против новых и все более ужасных видов оружия, придумываемых людьми для уничтожения друг друга. Призывом к «богу сил» покарать «остервенелых кровопийц» и «миром умирить весь мир» заканчивается стихотворение.

Ода «Убивство» является как бы завещанием поэта потомству. Она появилась в печати в 1823 году. А 28 октября того же года Капниста не стало: он скончался от воспаления легких в имении своего соседа Д. П. Трощинского Кибинцах и был похоронен на семейном кладбище в Обуховке на заранее приготовленном им для себя месте. Гроб, как он того и хотел, был сделан из того самого особенно любимого им дерева, которое он воспел в «Обуховке» и в одном из последних своих стихотворений «В память береста».

* * *

Сочетание анакреонтики и сатиры, романтической мечтательности в духе Жуковского и высокой гражданско-обличительной патетики порой почти радищевского звучания, составляет характерную и своеобразную особенность творчества Капниста, являющегося одним из непосредственных связующих звеньев между передовыми традициями литературы XVIII века и литературой нового пушкинского времени.

Анакреонтические и горацианские оды Капниста непосредственно подводят нас к «легкой поэзии» Батюшкова. То, что «слог» Капниста продолжал сохранять свою впечатляющую художественную силу не только во время Батюшкова, но и позднее, в пору расцвета пушкинского гения, показывают хотя бы реминисценции из его стихов, неоднократно встречающиеся в поэзии Тютчева. Гражданско-обличительные оды Капниста, явившиеся выражением наиболее передовых тенденций русского классицизма, делают его, наряду с Радищевым и Державиным, одним из литературных предшественников «вольных стихов» Пушкина и поэзии декабристов. Наконец, его «Ябеда», как уже было сказано, стоит на путях от Фонвизина к драматургии Грибоедова и Гоголя.

Д. БЛАГОЙ

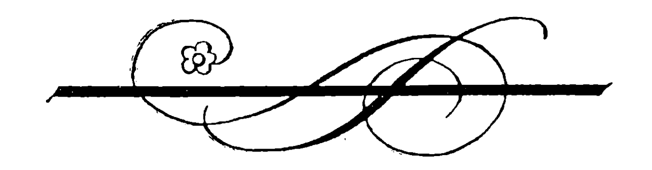
ЯБЕДА

Комедия
в пяти действиях

ЛИЦА

Праволóв — отставной асессор.
Кривосýдов — председатель гражданской палаты.
Фекла — жена его.
София — дочь его.
Прямиков — подполковник служащий.
Бульбýлькин, Атýев, Рáдбын, Пáролькин — члены гражданской палаты.
Хватáйко — прокурор.
Кохтин — секретарь гражданской палаты.
Дóбров — повытчик.
Анна — служанка.
Наумыч — поверенный Праволова.
Архип — слуга Праволова.

Действие происходит в доме Кривосудова.
В углу комнаты стоит стол, красным сукном покрытый.
В комнате три двери.



ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Прямиков и Добров

Прямиков

Я рад, мой друг, что мы с тобою здесь столкнулись.

Добров

Да вы, сударь, зачем в дом этот завернулись?
Неужли за грехи какая вас напасть
Иль тяжба, бог храни, втащила в эту пасть?

Прямиков

Так именно: процесс на шею навязался;
Я от него уйти хоть всячески старался,
Мирился, уступал, но потерял весь труд.
И так уездный уж и верхний земский суд
Прошед, где моему не льстили супостату,
Вступило дело к вам в гражданскую палату.

Добров

Боюсь я, чтоб оно не оступилось здесь.
Да с кем же вы, сударь, имеете процесс?

Прямиков

Сосед мой Праволов не ведь с чего вцепился...

Добров

Кто? Праволов?

Прямиков

Да! он. Чему ж ты удивился?

Добров

Дивлюся, право, я, как с умной головой
Могли связаться вы с такой, сударь, чумой?

Прямиков

Сутяга хитрый он, однако ж не опасен.

Добров

Кто? он?

Прямиков

Уж в двух судах был труд его напрасен.

Добров

Не знаете, сударь, сего вы молодца.
Другого в свете нет такого удальца.
Напрасен в двух судах! да там лишь разбирают,
А ведь в гражданской вдруг решат и исполняют.
Что за беда ему, что в тех его винят;
Лишь только для него в палате был бы лад,
То он получит вдруг и право и именье.
Вам с Праволовым в суд? какое дерзновенье!

Прямиков

Да чем же страшен так он мне? прошу сказать.
Я, в армии служа, не мог соседей знать.
По замирении я в отпуск отпросился;
Лишь в дом, он на меня с процессом и взвалился;
И тут-то я узнал уж не от одного,
Что он злой ябедник; да только и всего.

Добров

Да только и всего! так этого и мало?
Вы добрый человек; мне жаль, сударь, вас стало.
Покойный ваш отец мне благодетель был;
Я милостей его отнюдь не позабыл:
Я помню, что его хлеб-соль едал довольно.
В сетях сих видеть вас мне, право, очень больно.
Коль нужен в чем, готов для ваших я услуг.

Прямиков

Чувствительно тебя благодарю, мой друг!
Я должен искренно теперь тебе признаться,
Что я не знаю, как за дело мне приняться.
Во-первых, мне скажи: чем так соперник мой
Мне страшен?

Добров

Господи! что за вопрос такой!
Он ябедник: вот всё уж этим вам сказали.
Но чтоб его, сударь, получше вы узнали,
То я здесь коротко его вам очерчу:
В делах, сударь, ему сам черт не по плечу.
В гражданской уж давно веду я протоколы;
Так видны все его тут шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представ, невинности явили в нем черты.
А сверьх того еще, глас божий — глас народа.
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядные, уступки, векселя.
Там отмежевана вдруг выросла земля;
Тут верхни мельницы все нижни потопили;
Там двести десятин два борова изрыли;
Здесь выморочных сел наследничек воскрес;
Там на гумне его дремучий срублен лес;
На брата иск за брань и за бесчестье взносит,
А пожилых с того и за умерших просит;
Там люди пойманы его на воровстве,
Окраденным купцам сыскалися в родстве
И брали то, что им лишь по наследству должно.
Но всех его проказ пересказать не можно:
Довольно и того, что вам слегка сказал.
Притом как знает он всех стряпчих наповал!
Как регламéнт нагнуть, как вывернуть указы!
Как все подьячески он ведает пролазы!
Как забежать к судье, с которого крыльца;
Кому бумажек пук, кому пуд сребреца;
Шестерку проиграть, четверку где иль тройку;
Как залучить кого в пирушку, на попойку;
И словом: дивное он знает ремесло,
Неправду мрачную так чистить, как стекло.
Так вам возможно ли с сим молодцом тягаться?

Прямиков

И подлинно его мне должно опасаться.
Но дело ведь мое так право, ясно так!..

Добров

Как солнце ясно будь, то будет аки мрак.

Прямиков

Но на судей ужли не можно положиться?
Хозяин здешний?..

Добров

(осматриваясь кругом)

Ах! боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышит нас никто.
Извольте ж про себя, сударь, вы ведать то,
Что дому господин, гражданский председатель,
Есть сущий истины Иуда и предатель.
Что и ошибкой он дел прямо не вершил;
Что с кривды пошлиной карманы начинил;
Что он законами лишь беззаконье удит;

(показывая, будто считает деньги)

И без наличного дово́да дел не судит.
Однако хоть и сам всей пятерней берет,
Но вящую его супруга дань дерет:
Съестное, питейцо — пред нею нет чужаго;
И только что твердит: даянье всяко благо.

Прямиков

Вот на! возможно ль быть? А члены?

Добров

Всё одно;

У них все на один салтык заведено.
Один член вечно пьян, и протрезвенья нету;
Так тут какому быть уж путному совету?
Товарищ же его до травли русаков
Охотник страстный: с ним со сворой добрых псов
И сшедшую с небес доехать правду можно.

Прямиков

А заседатели?

Добров

Когда, сказать не ложно,
В одном из них души хотя немножко знать;
Так что ж? лих та беда, что не горазд читать,
Писать и поготовь, а на словах заика;
Итак, хотя б и рад, помеха лих велика.
Другой себя к игре так страстно пристрастил,
Что душу бы свою на карту посадил.
В суде по чермному с ним фараон гуляет,
И у журналов он углы лишь загибает.

Прямиков

А прокурор? ужли и он...

Добров

О! прокурор,
Чтоб в рифму мне сказать — существеннейший вор.
Вот прямо в точности всевидящее око:
Где плохо что лежит, там зетит он далеко.
Не цапнет лишь того, чего не досягнет.
За праведный донос, за ложный он берет;
Щечит за пропуск дел, за голос, предложенья,
За нерешение решимого сомненья,
За поздний в суд приход, за пропущенный срок,
И даже он дерет с колодников оброк.

Прямиков

А о секретаре?..

Добров

Дурак, кто слово тратит.
Хоть гол будь как ладонь, он что-нибудь да схватит.
Указы знает все, как пальцев пять своих.
Экстрактец сочинить без точек, запятых,
Подчистить протокол, иль лист прибавить смело,
Иль стибрить документ — его все это дело;
И с Праволовым он запазушны друзья.
Он вам накаверзит; весьма уверен я.
И дельце, знать, к себе он прибрал по секрету;
По крайности его в моем повытье нету.

Прямиков

Изрядно эту мне ты шайку описал!
Какая сволочь!

Добров

Я вам истину сказал;
Но бога ради!..

Прямиков

Будь, пожалуй, будь спокоен.
Но чем же мне начать? я, право, так расстроен...

Добров

Из слов, сударь, моих могли вы то понять,
Что нечем тут начать, как тем, что дать да дать.

Прямиков

(дает ему кошелек)

Изволь, тебе, мой друг! так, как знакомцу древню...

Добров

(не принимая)

Никак: благодарю. Давно бы я деревню
Купил, когда б так брал, как многие берут,
Впредь до решенья дел, за предлежащий труд.
Таких неправедных нажитков я чуждаюсь;
С женой, с детьми трудом и правдою питаюсь.
А если правое чье дело верх берет
И правый мне за труд в признательность дает,
То, признаюсь, беру. Мне совесть не пеняет:
Я принимаю дар; бездельник вынуждает.
И не из прибыли я вам служить хотел:
Я уж сказал, сударь, я вашу хлеб-соль ел.

Прямиков

Ну! как же ты, мой друг, совет мне предлагаешь,
Которого ты сам исполнить не желаешь?
Ты бедный человек, имеешь малый чин;
Породы ты простой, не князь, не дворянин;
Ты дому моему уже служил довольно;
Но ты не взял, что я хотел дать добровольно.
А мне советуешь, чтоб я пошел дарить,
Кого ж? мне равного! как может это быть!
И как мне сметь его унизить, уничтожить!

Добров

Не должно это вас, поверьте мне, тревожить.
До рода, до чинов какая нужда тут?
Давайте тем, сударь, которые берут.
А чтоб предохранить их от уничтоженья,
То придержитеся вы только умноженья:
Чтоб чина пред другим вам не уничтожать,
То по чинам лишь им извольте прибавлять.

Прямиков

Не сроден я, мой друг, на эдакие штуки.
Пускай подарками мой враг марает руки.
Я мыслю, что мою тем правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.

Добров

Вы слишком песенку поете нам высоку;
А на Руси твердят: не всяко лыко в строку.

Прямиков

Но я все правдою привык, мой друг, строчить.
Имений могут всех они меня лишить,
Но не принудят ввек на подлость и пронырства.

Добров

Что ж вам от этого прибудет богатырства?

Прямиков

Честь.

Добров

Честь, сударь, не в честь, как нечего с ней есть!
Но надобно же вам подумать как ни есть...

Прямиков

Я думаю, я прав.

Добров

И неужель стоите
Упрямо в том?..

Прямиков

Стою.

Добров

И им вы не дадите?

Прямиков

Ни шеляга не дам.

Добров

Однако истец ваш,
Я думаю, прислал тяжелый свой багаж
И под фортецию суда подкоп уж роет.

Прямиков

Пусть.

Добров

Ну, а как он залп из кошелька откроет,
То праву вашему

(свищет)

на воздухе гулять.

Прямиков

Ну, что ж? хоть здесь они изволят сплутовать,
То я наместнику на них подам прошенье.

Добров

(закрывая рукою рот)

О боже! положи устам моим храненье!
Но хоть подумайте,—и это, ей, не вздор:
Что исполняется палатский приговор
И что ощиплют вас, как коршуны синицу;
А с апелляцией, уж голый

(свищет)

дуй в столицу.

Прямиков

Нет; права моего ничто не помрачит.
Я не боюсь: закон — подпора мне и щит.

Добров

Ах! добрый господин, ей-ей! законы святы,
Но исполнители — лихие супостаты.
Закон желает нам прямого всем добра;
Но мы хотя и все из одного ребра,

Но неравно мы все к добру расположенны.
В зерцало взглянь судов: *Петра* черты священны
Безмездно там велят по истине судить;
Божествен суд таков! да где судей найтить?
Закон старается вселить в нас души новы,
Навычки умягчить развратны и суровы,
Ко бескорыстию желание вперить
И с правдою судей, сколь можно, примирить;
Наградою их льстит и казнью угрожает;
Но против ябеды ничто не помогает.
Ее-то бойтесь вы, сударь! а то роса,
Покуда солнышко взойдет, пробьет глаза;
И чтоб насущного нам хлеба не лишиться,
То должно с ябедой как ни на есть сойтиться.

Прямиков

Все так, мой друг; но я из правил уж моих
Ни для каких причин не выйду ни на миг.
И я решился раз: что скажешь, все пустое.

Добров

Но...

Прямиков

Перестань, прошу. Да это что такое?
Судейский красный стол, мой друг, я вижу здесь!

Добров

Не знаю, как сказать: иль ангел, или бес,
Вняв челобитчиков умильному моленью,
Присутственны места все предал всесожженью;
А как домов таких нельзя здесь вдруг найтить,
Где выгодно суды могли бы поместить,
То председатель наш в свой дом вместил палату,
С казны за то себе приобретая плату.

(Показывая, будто деньги считает.)

Прямиков

Так мы нечаянно в святыню забрели?

Добров

Но святость, знать, в ней спит; а день уж на земли.
Дивлюсь; для праздника хозяйка именинна
И для сговóра...

Прямиков

Чей сговор?

Добров

У них едина
Лишь дочь. Я слышал вскользь; таят.

Прямиков

Да за кого?

Добров

Не знаю истинно. Да вам что до того?

Прямиков

Как что? но на тебя могу ль я положиться?

Добров

Я предан вам, сударь; нет нужды и божиться,
Уж после всех тех тайн, что вам...

Прямиков

Так знай, мой друг,
Что страстью нежною пылает к ней мой дух.
Но кто соперник мой?

Добров

Таят, сударь, к чему-то.
Да вот, ее идет служанка к нам.

ЯВЛЕНИЕ 2

Прямиков, Добров и Анна.

Прямиков

Анюта!
Ах! как я рад тебе!..

Анна

И я вам; да отколь
Принес вас бог?

Прямиков

Постой, и прежде мне позволь
Спросить, правдив ли слух по городу несется,
Что барышня твоя уж замуж отдается?

Анна

Что отдается, в том, наверное, вам лгут;
Но то не солгано, сударь, что отдают.

Прямиков

Скажи мне искренно, скажи все, что ты знаешь;
Или и ты меня в печали оставляешь?
Хоть словом успокой, Анютушка, меня.

Анна

Да что мне вам сказать?

Прямиков

Скажи, любим ли я?

Анна

Хотя и не совсем, сударь, вы правы сами;
Но правды потаить я не хочу пред вами.
Вас любят; но беда, что принуждают нас
Женою быть того, кто не похож на вас.

Прямиков

Ах, боже мой! поди ж скажи ты ей, Анюта!

Анна

Да вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ 3

София, Прямиков, Анна и Добров.

Прямиков
(целует у Софии руку)

Счастливая минута!
С какою радостью я вижу вас опять!

София

Ах! да откуда вы?

Прямиков

Могу ль себя ласкать
Надеждой, что моей вы к вам любви сердечной...

София

Вы позабыли нас!

Прямиков

Ах! нет; я помнил вечно,
И вечно образ ваш в душе моей...

Анна

(к Софии)

Но вот
Сюда ваш батюшка, сударыня, идет.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те ж и Кривосудов.

Прямиков

(к Кривосудову)

Позвольте вам, сударь, отдать мое почтенье.
Я Прямиков. Процесс мой к вам на рассмотренье
Вступил. Я в правости на ваш надеюсь суд.

Кривосудов

А! знаю...

(К Софии.)

А ты что, чего зеваешь тут?..
Поди в уборную; ты видишь, челобитчик.

София и Анна уходят.

ЯВЛЕНИЕ 5

Кривосудов, Прямиков и Добров.

Прямиков

Осмелюсь вам сказать...

Кривосудов

А! господин повытчик!

Добров

С днем ангела, сударь, я поздравляю вас,
Желаю новых благ на всякий день и час.

Кривосудов

Благодарю, дружок!

Прямиков

Я смелость принимаю...
О деле вам моем...

Кривосудов

Да я сказал, что знаю.
Надолго ль в город к нам?

Прямиков

То должно вам решить.

Кривосудов

Мы рады гостю.

Прямиков

И... без тяжбы здесь прожить
Я несколько хотел. Позвольте мне о деле...

Кривосудов

Рассмотрим мы его на этой же неделе.

Прямиков

Но я хотел, сударь, вам прежде изъяснить...

Кривосудов

Напрасно вы себя изволите трудить:
Мы дело на письме увидеть можем ясно;
И предуведомлять хотите вы напрасно.

Прямиков

Однако я прошу...

Кривосудов

Вам не о чем просить:
Мы по законам все должны дела вершить.
Без просьбы оправдим, коль право ваше свято;
А сколько ни просить, коль дело плоховато...

Прямиков

Не о потачке я упрашивать хотел;
Бесчестьем вам и мне такую б просьбу счел.
Но дело в сторону; я к вам имею нужду,
Процесса всякого и всякой тяжбы чужду,
Важнейшую всего на свете для меня.
Простите мне, что вам откроюсь прямо я.
Вам дом известен мой, порода и поместья:
Я льщусь, сударь, что вам не сделаю бесчестья
И искренность моих поступков докажу,
Когда вам, как отцу, признательно скажу,
Что вашей дочери прелестной красотою
Пленен смертельно я; что счастливой судьбою
Почту я сыном вам, а ей супругом быть.

Кривосудов

Дочь! как! — где вы ее успели полюбить?

Прямиков

В столице, как она у тетушки бывала,
Имел я счастие...

Кривосудов

А тетка это знала?

Прямиков

Я страсти перед ней не думал и скрывать.

Кривосудов

Она с ума сошла! да как же так спущать?

Прямиков

Мне странно: неужель я этим вас обижу?

Кривосудов

Никак; но в первый раз я вас сегодня вижу.
Она же молода; у ней же есть и мать.

Прошу за честь сию спасибо вас принять:
Однако же нельзя так скоро нам решиться.

Прямиков

Я только лишь хотел об этом изъясниться;
Узнать, могу ль себя я хоть надеждой льстить?

Кривосудов

На сей седмице вас потщимся мы решить.

Прямиков

Так вы даете мне надежду, что я буду?..

Кривосудов

Надейтесь, вашего я дела не забуду.

Прямиков

Я с восхищеньем вас, сударь, благодарю!

Кривосудов

Добро; явитеся лишь вы к секретарю.

Прямиков

Зачем к секретарю?

Кривосудов

Он силу в деле знает.
Да, ба! Повытчик тут с делами ожидает.
Мне резолюцию на них потребно дать.

(Берет бумаги.)

Прямиков

Позволите ль мне честь к вам и вперед бывать?

Кривосудов

Добро пожаловать. Я ваш слуга покорный.

Прямиков уходит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Кривосудов и Добров.

Кривосудов

Вот на! какой востряк! о! да какой проворный!
Лишь только на порог — и к дочке уж успел!
Да как сестра моя?.. кто ей на шею сел?
Знать, что волочутся, и не сказать ни слова!

Добров

Да, может быть, сударь, что женишка такова
Хотела приласкать. Ведь с тысячью-то душ
Красавец эдакой хоть бы кому так муж.
Чин подполковничий; через четыре года
Полк тысячный; а бог коли не даст похода,
То с сих двух тысяч душ!.. Позвольте мне сказать,
Преданнейшу слуге, чем он и вам не зять?

Кривосудов

Вот эти молодцы все ветер лишь гоняют;
И родовых наследств беречь они не знают;
А что и говорить о благонажитых!
Кто первый захотел, тот и ощиплет их.
Не знают, что за зверь экстракт и протоколы;
Лишь только разными языки и глаголы,
С своими ж русскими на площади, везде,
Лепечут; а язык прильпе их на суде.
Ты знаешь, нажил я ведь лишь трудом да потом,
Ну, так не жаль ли, брат, как в прах пойдет все мотом?
Такого зятя я хочу себе найтить,
Который бы умел к нажитому нажить.
Да у меня и есть уж некто на примете.

(Кладет бумаги на стол.)

Добров

(берет бумаги и подносит ему)

Три дела тут, сударь, которы по помете
Уж более трех лет не решены лежат:
Пора бы кончить их...

Кривосудов

Да кто же виноват?

Лежат! — вот на! затем, что николи не ходят
Просители ко мне.

Добров

Да, чай, они и бродят
Под окнами, сударь, но чтоб сюда прийтить,
Так не с чем им...

Кривосудов

Так что ж? За ними мне ходить
Прикажешь?

Добров

Нет, сударь, но я за них таскаюсь.
Их прав иск: я нашел...

Кривосудов

Так я и не мешаюсь;
Когда ты что нашел; находка пред тобой.

Добров

Что вот у этого последнею землей
Грабительски его соседи завладели,
И дом зимой сожгли.

Кривосудов

Хозяина, знать, грели.

Добров

А бедных сих дворян в подушный всех оклад
Помещик записал.

Кривосудов

Я был бы очень рад,
Когда б в крестьянску чернь, чтоб носа не взносили,
Всех мелкотравчатых дворян перекрестили.

Добров

А этот, наконец, за поземельный спор
Обманом заведен к помещику на двор,
Обруган там, прибит; домой чуть дотащился,
И в три дни отдал дух.

Кривосудов

Знать, дурно он лечился.

Добров

(в сторону)

Ну! вот и приговор!

(Вслух.)

Да что ж хоть первым двум?..

Кривосудов

Да дела не могу решить я наобум:
Кто прав, кто виноват,— мне это видеть должно.

Добров

Из дела...

Кривосудов

Ничего увидеть невозможно.

Добров

Но внятно говорит тут письменный довод.

Кривосудов

Потребен, слышишь ли? изустный перевод.

Добров

Но дело на письме гласит довольно ясно.

Кривосудов

(вырывает бумаги, бьет об стол и бросает)

Но дело на письме, хоть бей об стол, безгласно.
Да полно пустошью мне голову ломать;
Поди: к обедне мне пора уж поспешать.

Добров

(поднявши бумаги)

Хоть взгляньте...

Кривосудов

Ох! поди, не говори мне боле.

Добров

При белом их, сударь, принес я протоколе;
Лишь подписать.

Кривосудов

Поди.

Добров

Для ангела!

Кривосудов

Поди.

Добров

Для праздника!

Кривосудов

Поди, поди и пропади!

(Выталкивает вон.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов.

Кривосудов

Тьфу! бешеный какой! чуть к горлу не придрался,
И с челобитчиком скорее б развязался!
Лишь только подписать, готов и протокол;

(передразнивает)

Нет, друг мой, да и я ведь также не осел.
Когда все наголо подписывать я буду,
То скоро работáть

(делая, будто жует)

и челюстьми забуду.
Перо, и то в себя чернилы ведь берет:
Так мне ли одному сидеть разиня рот
И, видя под носом летящих куропаток,
Из сотни не схватить одну или десяток?
Прост был бы я и впрямь!

ЯВЛЕНИЕ 8

Кривосудов, Фекла, Наумыч и Архип с подарками в корзинах.

Фекла

Вот, милый муженек,
К нам Праволов прислал Наумыча.

Кривосудов

(надевая перстни, шпагу и проч.)

Дружок!

Здорово. Господин каков твой?

Наумыч

Вас проздравить

Велел с днем ангела, и сим...

(Показывая подарки.)

Фекла

(Архипу)

Изволь поставить.

Наумыч

Поклон вам отдает.

Кривосудов

Благодари его;

Но много так начто?

Наумыч

И! сударь! ничего!

Кривосудов

Но, право, совестно.

Наумыч

Домашне все ведь это.

Фекла

А нам бы все платить наличною монетой.

Наумыч

Неуж? сударыня!

Кривосудов

Но будет ли он к нам

На дружеский обед?

Наумыч

Когда угодно вам.

Кривосудов

Пожалуй, попроси.

Фекла

Мы будем дорогова
Ждать гостя.

Наумыч

Я скажу.

(Кривосудову)

о деле я два слова
Хотел промолвить вам. Соперник прибыл наш...

Кривосудов

Он был уж у меня...

Наумыч

(Фекле, рассматривающей и раскладывающей подарки)

В бутылках эрмитаж.

Кривосудов

Но я его оттер. О деле небылицы
Занес было; но я замял речь.

Наумыч

(Фекле)

Фунт горчицы.

Кривосудов

И с рук сжил.

Наумыч

Сколько ж вам, мой господин, сударь,
Обязан!

(Фекле.)

На роброн атлас.

Фекла

Какой хабар!

Кривосудов

Но как он намекнул, то дело плоховато!

Наумыч

Всё ложно.

(Фекле.)

На кафтан тут бархатец косматый.

(Кривосудову.)

И вы словам, сударь, не верьте.

Кривосудов

Ну! добро;

Посмотрим.

Наумыч

(Фекле)

Флёр цветной невесте на фуро.

(Кривосудову, указывая на подарки.)

На деле мы, сударь, доказываем ясно.

Кривосудов

Добро, добро.

Наумыч

(Фекле)

За нас словцо. Шампанско красно.

Кривосудов

Ужо посмотрим.

Фекла

Да, мой милый! посмотри:
Одной провизии не съесть недели в три.

Кривосудов

(смотря на подарки)

Ба, ба! что вижу впрямь! Да это двор гостиный!

Наумыч

Изволите шутить.

Фекла

(Наумычу)

Обернуто холстиной?

Наумыч

(Фекле)

Швейцарский сыр...

(Кривосудову.)

Так мы надеемся на вас?

Кривосудов

Ну, кланяйся; добро.

Фекла

Обед наш ровно в час.

Наумыч

Наверно будет.

Фекла

Ну, спасибо.

Кривосудов

Ну, спасибо.

Фекла

(провожая Наумыча)

Спасибо.

Наумыч

(возвратясь, Фекле)

Там, в сенях, в кульке провесна рыба.

(Уходит с Архипом.)

Слуга выносит подарки.

ЯВЛЕНИЕ 9

Кривосудов и Фекла.

Фекла

Какой же умница Наумыч!

Кривосудов

Не дурак!

Фекла

И Праволов, какой досужий!

Кривосудов

Не простяк!

Фекла

Как любит он наш дом и как не оставляет!

Кривосудов

Зато и делать уж чего не заставляет!

Фекла

Вот друг, каких теперь в диковинку сыскать!
Все знает наперед, что думаешь сказать;
Все памятует дни: крестины, именины,
Родины...

Кривосудов

Плохо лишь он помнит день кончины!

Фекла

Им живы; кормит нас, и дом наш, и весь скот;
И словом: им живем без нужды, без хлопот.

Кривосудов

Но до хлопот, смотри, чтоб с ним нам не добиться.
Уж стал он несколько тяжел нам становиться.
Я слышу, на него отвсюда вопиют.
Лишь удушим одно,— другое дело в суд;
И сделал для него уж я таких премного,
Из коих и одно б могло, судить коль строго,
Во уголовный суд меня препроводить.
Чтоб лакомством его оскомы не набить!

Фекла

Пустое: ты вершишь ведь все дела чистенько.

Кривосудов

Что черно, как ни чисть, а будет все черненько.

Фекла

Пустое: мы ль одни! всех не переведут.

Кривосудов

А как по жеребью прийдет отведать, тут?..

Фекла

Пустое: знать, с утра ты левой встал ногою,
Что голову набил такою чепухою.
Ты только посмотри, как оборотлив он:
В столице у него, ты знаешь, есть патрон;
И сверьх того еще, приятелей имеет.
Куда ни кинется, везде уж он поспеет.
Так ты, пожалуйста, пустого не страшись;
И на него в делах его ты положись.

Кривосудов

Что делать!

Фекла

Ах! на ум теперь пришло мне кстати,
На Прямикова иск в гражданской ведь палате.

Кривосудов

Так точно.

Фекла

Он о нем давно мне говорил.

Кривосудов

А мне не так давно.

Фекла

Как он со мной судил,
То с стороны его казалось дело свято.

Кривосудов

А я скажу тебе, что очень плоховато;
И я не знаю, как уж тут поворотить.

Фекла

Однако ж, милый мой, ты должен пособить.
Ведь вспомни, как он нам...

Кривосудов

Да помню так, как должно;
Но памятью одной тут пособить не можно.
Тут надобен указ, иль право, иль закон.

Фекла

Законов столько!

Кривосудов

Так.

Фекла

Указов миллион!

Кривосудов

И это истинно.

Фекла

Прав — целая громада!

Кривосудов

Все неоспоримо.

Фекла

Ну! так чего же надо?

Кривосудов

Безумна! надобно такой закон прибрать,
Чем виноватого могли бы оправдать.

Фекла

Да ведь закон прибрать — секретарево дело,
А ваше лишь решить; и я ручаюсь смело,

Что секретарь прибрал закон уж для него.
Из пропасти такой не выбрать одного!

Кривосудов

Да я же не один: ведь у меня есть члены.

Фекла

Вот на, еще! да им и море по колены:
Так много ль надобно их уломать труда!

Кривосудов

Ин быть так; если он спроворит до суда
Всех членов наклонить, то вот те слово свято,
Что уж и я пущусь... хоть дело плоховато!

Фекла

Притом для дочери он не жених, а клад.
А свой ведь своему и поневоле брат.

Кривосудов

Ба! я и позабыл сказать тебе, что снова
Господь нам женишка дарует и другова.
Как на голову снег севодни...

Фекла

Кто таков?

Кривосудов

Он подполковник; дай мне вспомнить... Прямиков.

Фекла

Что с Праволовым?..

Кривосудов

Да, тот самый.

Фекла

И на эту
Весть не дал ты ему ответа прямо?

Кривосудов

Нету.

Фекла

(с жаром)

Как? хочешь нам его на шею навязать?

Кривосудов

Никак: я лишь хотел сперва тебе сказать.

Фекла

Я слышать не хочу; чтоб не было и духу
Его у нас в дому.

Кривосудов

Он нашу дочь-воструху
В Москве уж знал.

Фекла

Как знал?

Кривосудов

Знал у сестры в дому.

Фекла

Возможно ль быть?.. Да я... Да я ей!.. я ему!..

Кривосудов

Спокойся же, мой друг, ведь отказать нам можно.

Фекла

Не только отказать, но заказать тут должно,
Чтоб к нам он ни ногой. Он хочет забежать
И сватовством тебя к себе лишь привязать,
Чтоб в деле ты ему помочь не отказался.
Но не на олухов молодчик расскакался:
Нам Праволов давно знаком; а старый друг,
И по пословице: ведь лучше новых двух.
Не правда ль? миленький! ась?

Кривосудов

Правда присносущна,
Но, кажется, к нему дочь очень равнодушна,
Ей что-то Праволов не по нутру.

Фекла

Так что ж?
Так на нее смотреть? что стар он, не пригож,

Не финтоват, не враль, так дуре и не нравен;
Но ум его уж зрел и кошелек исправен.
Полюбятся они, как лет пять поживут.
Не так ли?

Кривосудов

Точно так. Что за сомненье тут?

Фекла

Ну! так, оставивши пустые, вздорны бредни,
Пойдем; чтоб эдак нам не проболтать обедни.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Праволов и Наумыч.

Праволов

Ну! все ль исправно ты спроворил по наказу?

Наумыч

Исполнил все, сударь, по вашему приказу.

Праволов

Подарки всем судьям из глаза ты на глаз
С поклоном от меня препоручил?

Наумыч

Как раз.

Праволов

И что они тебе на это отвечали?

Наумыч

Что по-судейски им обыкновенно: взяли.

Праволов

Наведался ли, где пристал наш Прямиков?

Наумыч

В трактире.

П р а в о л о в

Хорошо; подьячим там пиров
Приятельских давать нельзя ему: народа.
И день и целу ночь, там тьма без перевода.
Но для запаса ты приставил ли дозор?

Н а у м ы ч

За пятьдесят алтын за ним следит весь двор.

П р а в о л о в

Кто стряпчим у него?

Н а у м ы ч

Кто стряпчим? нет ни духа.

П р а в о л о в

Не может это быть.

Н а у м ы ч

Отрежьте мне пол-уха,
Коли я лгу. Но я в советники ему
Уж подпустил стишка Ловилова Козьму.
Вы знаете, сударь, как он всем в душу вьется:
А я ему шепнул, что если подберется
Он к молодцу и нам откроет в деле что,
То перейдет в карман ему полтинок сто.

П р а в о л о в

Добро. К секретарю отнес ли ты бумагу?

Н а у м ы ч

Отнес; и вейновых чернил большую флягу.

П р а в о л о в

Проворит ли он нам, как честно слово дал?

Н а у м ы ч

Проворит; о! да как! — вовеки не видал
Такого я дельца: в экстракте это дело
Он скомкал так, сударь, что, я ручаюсь смело,
Кто б ни прочел его, хоть лоб будь пядей в пять,
Не может слова в нем ни одного понять.
Ответну речь смешал он так уловкой дивной,

Что смысл изо всего является противный
Всему тому, себя чем оправдает он.
Законов в пользу нам подвел он миллион;
Но этим всем еще не удовлетворился,
И вновь с вчерашня дня в архиву он зарылся.

Праволов

Так ладно все. Теперь и я тебе скажу,
Что около судей удачно ворожу:
Настроил всех под мой гудок; и труд великий
Лишь был мне около проклятого заики:
Все душу перегнуть боится сей провал;
Но, с божьей помощью, я черта уломал.
Другим, как насказал указов, регламентов
Да сунул в банковой тисненых документов,
Так и явился чист; а с ним весь бился день:
Как заикнется, ну! так тут и станет в пень.
Теперь остался мне один лишь наш хозяин;
Ну, как да не возьмет он?

Наумыч

Кто? кто? этот Каин?
Лишь в полный вес.

Праволов

И так уж солон мне...

Наумыч

Как быть?
Вы знаете: когда похлебки не солить...

Праволов

Конечно. Между тем ты не забыл искусно
Промеж листов вклеить то показанье устно,
Что мы с покойника?..

Наумыч

Спроворено уж все.

Праволов

А те свидетели, которых налицо
Нет, уж подставлены ль?

Наумыч

Уж все, сударь, готовы.

Праволов

Да твердо ль внушены? и все ли однословы?

Наумыч

Не разобьются уж они в словах, сударь!

Праволов

А те указики, что дал я, секретарь?..

Наумыч

Все к делу поместил.

Праволов

Итак, уж ладно дело?

Наумыч

Извольте приступать, сударь, к суду вы смело.

Праволов

Благодаря творца, удачно здесь клеим.
Но чтоб в Саратове по стареньким моим
Делам не вышло мне...

Наумыч

А что же вам опасно?

Праволов

Я письма получил: еще не видно ясно...

Наумыч

С которой стороны?

Праволов

Ты помнишь спор за лес?

Наумыч

Ну!..

Праволов

И убитый?

Наумыч

Что ж? неужель он воскрес?

Праволов

Никак: но дело-то умерше воскресает.

Наумыч

Вздор: кто ввойдет?

Праволов

Да черт горами ведь качает.

Наумыч

Нет ни наследничка...

Праволов

Отколь, не знаю, зло;
Но до наместника уж дело-то дошло.

Наумыч

Да у наместника...

Праволов

Приятелей имею;
Но я на них весьма надеяться не смею.
Ведь та беда, теперь не так, как в старину:
Бывало, кто уж раз возьмет твою казну
В замену совести, то уж солгать стыдится;
Теперь хоть от тебя, как прежде, всяк щечится,
Хоть всяк обеими по старине берет,
Но если дело где доходит до хлопот
И ежель туго где прийдет стоять за другом,
То он и с кошельком вильнет направо кругом.
Но что о будущем — о настоящем мне
Здесь нужно хлопотать: с отцом наедине
Я постараюся условиться о деле,
Чтоб скомкать нам его на этой же неделе.
Он тем охотнее решится мне помочь,
Что выдать за меня свою желает дочь.

Наумыч

Но неужель и впрямь, сударь, на ней жениться?

Праволов

Я б должен наперед с ума сойти, взбеситься.
Возможно ль дурочку, в столице лет с шести
Преизбалованну почти до двадцати,
Которая приход с расходом свесть не знает,
Шьет, на Давыдовых лишь гуслях повирает
Да по-французски врет, как сущий попугай,
А по-природному ни здравствуй, ни прощай;
Возможно ли в жену такую взять мне дуру!
С ней разве запереть себя навек в конуру.
Нет, тешатся пускай мать ею да отец;
А я слуга ее, лишь делу бы конец;
Но до того манить мне их женитьбой надо.
Вот на! забыл: сюда, чай, членов всех громада
На именинный пир изволит навалить;
Я всех их наповал хочу перепоить.
А чтобы не довесть хозяев до убытков,
Ступай и разного запаса и напитков,
Как за обед пойдем, сюда ты принеси;
И сам секретаря усильно попроси,
Чтоб был он за меня с хозяином картежить;
А проигрыш его не должен уж тревожить.
Поди; да вот он сам.

ЯВЛЕНИЕ 2

Праволов, Кохтин и Наумыч.

Праволов

(обнимая его)

Здорово, милый друг!

Кохтин

Я вас ища, сударь, обегал город вкруг:
И в уголовной был; там в нижнюю расправу;
На миг к колодничью я забежал приставу;
Оттоль к межевщику, оттуда в магистрат,
Оттоль в смирительный, оттоль сюда; и рад,
Что вас хоть здесь застал. Я радостну новинку...

П р а в о л о в

Какую?

К о х т и н

(протягивая руку)

Тьфу! забыл...

П р а в о л о в

(дает синюю ассигнацию)

Вот, друг мой, на вспоминку.

К о х т и н

Да, да, поймал: она. Да сколько же трудов,
Пока дорылся! Дни...

П р а в о л о в

Ну! без обиняков,
Скажи ее!

К о х т и н

Дни три, поверьте, без засыпу...
Ведь надо было мне бумаг огромну кипу...

П р а в о л о в

Я верю; но скажи.

К о х т и н

Но прежде чем сказать,
Я должен вам...

П р а в о л о в

(дает еще синюю ассигнацию)

Тебе я должен: можешь взять.
Да только лишь скажи.

К о х т и н

Как вы нетерпеливы!
Так я скажу, сударь, что вы весьма счастливы;
И что моим трудом, вдруг после всех забот,
Ваш иск возьмет, сударь, хороший оборот.
А что? не рады ль вы?..

(Наумычу.)

А ты что не хохочешь?

Праволов

(дает еще синюю ассигнацию)

Скажи лишь прямо все; я рад дать, что ты хочешь.

Кохтин

Ну! так скажите ж мне, как при крещенье зван
Был друг наш Прямиков?

Праволов

Начто?

Кохтин

Да как?

Праволов

Богдан.

Кохтин

Зовите ж вечно вы меня Искариотом,
Когда он искони не окрещен Федотом.

Праволов

Какой вздор!

Кохтин

Нет, не вздор: духовной доведу.

Праволов

Да если б он был так и назван на роду,
То много ль из того корысти бы мне было?

Кохтин

Что вдруг ваш ум, сударь, так тупо притупило?
Нет нужды знать, зачем он имя пременил;
Но ныне он Богдан; а я вам доложил,
Что Прямикова сын, в свое, сударь, крещенье,
Федотом назван был: то малое ль сомненье
Тут предстоит, что сей Богдан — не тот Федот,
О чьем наследии ваш иск, сударь, идет?

П р а в о л о в

(обнимая его)

Ах, друг ты мой! дружок! Ах, друг ты мой сердечный!
Я благодарностью тебе обязан вечной.
Ну, как же удружил ты этой новизной!

Н а у м ы ч

(в сторону)

Тьфу! эк он вывернул! — бесовский сын прямой!

К о х т и н

Я вам сказал, что вы обрадуетесь сильно.

П р а в о л о в

Да как в делах твоих проворство изобильно!
В духовной?

К о х т и н

В ней, сударь!

П р а в о л о в

Его отца?

К о х т и н

Отца.

П р а в о л о в

Доеду ж этого теперь я молодца!

К о х т и н

В согласье важного такого документа,
Я тотчас поспешил, не тратя ни момента,
К прошенью вашему прибавку учинить,
Для вас потребно где экстракт перечернить;
И к завтрешнему дню все будет уж готово.
А как и дело все прияло образ новый,
То новенькие я законы приискал
И с делом, кажется, гладенько сочетал.
Но если и еще чего тут недостанет,
То этот все, сударь, указик вам натянет.

(Подает ему бумагу.)

Праволов

Подай, мой друг!

(Прочитав бумагу.)

Ну, так: одно к другому льнет.
Теперь он от меня уже не ускользнет.
Ах! милый ты мой друг! как я тебе обязан!

Кохтин

Готов служить вперед: я к вам душой привязан.

(Потряхает камзольным карманом.)

Праволов

Спасибо; верю я, но вот на этот раз
Прийми, мой друг, еще, пожалуй, за указ.

(Хочет дать ему несколько рублей, но Анна вбегает, слышит последний стих, и деньги остаются в руке Праволова.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Праволов, Кохтин, Наумыч и Анна.

Анна

Казалось: господа приехали.

Праволов

Анюта!
Здорово! не дичись; сторонних нет ведь тута.
Как барышня спала, скажи мне, ночью сей?

Анна

Нехорошо.

Праволов

А что?

Анна

Все чудились вы ей.

Праволов

Мне лестно, что меня она и сонна видит;
Знак, что и наяву весьма не ненавидит.
За эту весть хочу Анюту в первый раз
Я подарить.

(Дает ей те рубли, что у него остались.)

Анна

(не принимая)

Да ведь весть эта не указ;
И я не знаю их.

Кохтин

(представляя, будто что сует в карман кафтанный)

Так знаешь уложенье.

Праволов

Пожалуй же, прийми, за доброе хотенье.

Анна

(не принимая)

Из доброй воли вам хочу желать добра.

Кохтин

(тихо к Праволову)

Вы видите, она не падка до сребра;
Пожалуйте лишь мне, я золотцем подброшу.

(Берет деньги.)

Анна

(в сторону)

Ах! как я лавержет тебе, страмец, взъерошу!

(Вслух.)

Карету слышу я, их надо встретить мне.

(Уходит.)

Праволов

(Кохтину)

Оставь с хозяином меня наедине.

Наумыч берет за руку Кохтина и уходят в другие двери.

ЯВЛЕНИЕ 4

Кривосудов, Фекла, София, Праволов и Анна.

Праволов

Усердно с праздником, сударь, вас поздравляю.

Кривосудов

(обнимая его)

Благодарю весьма: здоровья вам желаю.

Праволов

(к Фекле, целуя ее руку, а потом у Софии)

И вас, сударыня!

Фекла

Мы вдвое должны вас
Благодарить: с утра вы не забыли нас.

Кривосудов

Мне, право, совестно, что вы...

Праволов

Как вам не стыдно?

Фекла

Так много уж для нас...

Праволов

Вот это мне обидно.

Кривосудов

Нет, это слишком уж...

Праволов

Нельзя ль не вспоминать?

Фекла

Вы разоряетесь...

Праволов

Прошу же перестать.

Кривосудов

Но я вперед прошу...

Праволов

Хоть мало пощадите.

Фекла

Так много...

Праволов

Иль меня вы — выжить вон хотите?

Фекла

Никак: вы дорогой и милый гость у нас;
И сердцем рады мы вас видеть каждый час.
Но на один лишь миг... чтобы разоблачиться.

(Уходит и уводит Софию и Анну.)

Праволов

Прошу, сударыня, со мною не чиниться.

ЯВЛЕНИЕ 5

Кривосудов и Праволов.

Во время сего действия Фекла почасту выглядывает из дверей и показывает Праволову, что она дает ему время переговорить с ее мужем. А как тот берет деньги, то она радостные знаки делает, и прочее.

Кривосудов

Прошу ж, друг милый, сесть.

Праволов

Мне совестно в такой,
Как ныне, день скучать...

Кривосудов

Приятель дорогой!
Пожалуй, говори с душою мне открытой.

Праволов

О деле я моем, чтоб лишней волокитой
Не изнурять себя, желал вам говорить.
Соперник мой уж здесь; он станет яму рыть.

Кривосудов

Ну! да коли не прав, так сам падет во ону.

Праволов

Но, может быть, иной поверит ветрогону
И станет иначе о деле уж судить;
Потребно мнениям не дать, сударь, простыть.
Тем паче, что мое так в деле право свято...

Кривосудов

Нет, между нас сказать, так дело плоховато!

Праволов

Вы шутите, сударь! извольте лишь ввойтить,
Вы ясно в деле сем изволите найтить,
Что не наследник он... наследному именью;
Что несомненному подвержено... сомненью
Свидетельство, что дал ему уездный суд;
Что хоть соседы все и присягнули тут,
Но документы где и ясные бумаги,
Не должно там отнюдь уже давать присяги;
И вы б увидели, что с стороны его
Он правится ничем; а, напротив того,
Нашли бы, что мой иск, по купчей, мною взятой...

Кривосудов

Ну, что ни говори, а дело плоховато!
А как велик ваш иск?

П р а в о л о в

Да только лишь село,
От коего земли уж много отошло.
Да маленькие три при оном деревеньки;
Угодья хороши, да мужички бедненьки.
С осмью поставами плотина на реке;
Притом и сенокос и лес в особняке.

К р и в о с у д о в

Я слышал, конский есть заводец там богатый?

П р а в о л о в

Я мог бы услужить...

К р и в о с у д о в

Да, дело плоховато!
Притом?

П р а в о л о в

Три пустоши, хоть меры и большой,
Да только кряж земли уж тут пришел другой.
Еще два озерка да пруд.

К р и в о с у д о в

А скот рогатый?

П р а в о л о в

Имеется; я б мог...

К р и в о с у д о в

Да, дело плоховато!

П р а в о л о в

А! кстати: слышал я, назад тому дней пять,
Что вздумали и вы деревню покупать;
И с выгодой притом?

К р и в о с у д о в

Да, так; была затея.
Отстал.

Праволов

Что ж?

Кривосудов

В долг купить, так заболит и шея;
Наличных же даст бог.

Праволов

Когда сия одна
Причина, то... а как последняя цена?

Кривосудов

Три тысячи.

Праволов

Всего? да это даровое.
Я почитал, сударь, по крайней мере вдвое.
Поверьте мне: я вам советую купить.

Кривосудов

Я б рад; да ежели мне нечем заплатить?

Праволов

Уж это не должно тревожить вашу думу.
Я вам могу служить: я точно эту сумму
Имею, и ее мне некуда девать.

Кривосудов

Нет; я вас не хочу отнюдь обременять.

Праволов

Напротив, вы меня чрез это облегчите;
И неужель меня обидеть захотите?
Вы знаете, я вам друг не с вчерашня дня.
Притом же я почти уже вам и родня:
Вы за меня отдать ведь дочь согласны вашу.

Кривосудов

Но, милый, не вошли еще вы в семью нашу;
А деньги любят счет; и брать на срок взаймы...

Праволов

Да в этом дружески сойдемся с вами мы:
Вы отдадите мне, как лишние случатся.

Кривосудов

Нет; нет.

Праволов

Да у меня они ведь залежатся.
Позвольте ими вам из дружбы услужить.
Вот все тут.

(Дает пакет.)

Кривосудов

О! нет, нет.

Праволов

Итак, вы оскорбить
Намерены меня, когда, сударь, от друга
Вам не угодна уж и малая услуга.

Кривосудов

Да как?

Праволов

Не тратьте слов.

Кривосудов

Нельзя вам отказать;
Но, ей-ей, совестно...

(Берет пакет.)

Праволов

Опять-таки, опять!

Кривосудов

(встает)

Я ж вам расписочку...

Праволов

Мы с вами так уж близки;
И меж друзей, сударь, какие тут расписки?

Кривосудов

Вы вяжете меня доверенностью сей,
Мой милый друг, сильней, чем строгость векселей.

(Целует его.)

Праволов

Ни в малой для сего не будьте вы тревоге.
Но эта, чаю, мне деревня по дороге;
Я б завернул в нее, чтоб распорядок дать
И обстоятельно вам отрепортовать,
Когда б скорей меня отправили отселе.

Кривосудов

Да быть так, уж добро: на этой же неделе.

Праволов

Мне дела на словах нельзя так изъяснить,
Но на бумаге все изволите найтить.

Кривосудов

Ин на бумаге мы увидим все, как должно.

Праволов

Итак, надеяться уже, сударь, мне можно?

Кривосудов

Да прочих членов тож вам должно попросить.

(Делая, будто считает деньги.)

Праволов

Они наклонны все мне право присудить;
Лишь вы б, сударь!..

Кривосудов

Когда уж все они согласны,
Ин уж добро; по мне вы будьте безопасны.
Да слышу, вот валят все гуртом к нам они.

ЯВЛЕНИЕ 6

Кривосудов, Праволов, Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин, Хватайко, Кохтин, Фекла, София. Члены входят в среднюю дверь, а Фекла с дочерью с другой стороны.

Бульбулькин

Хозяину поклон; счастливы, долги дни.

Атуев

Желаю здравствовать; усердно поздравляю.

Хватайко

Здоровы с праздником.

Паролькин

Я счастья вам желаю.

Радбын

И-и я по-по-здра-здра-здра-здравляю вас.

Кохтин

Да ниспошлет господь тьму благ на всяк вам час!

Кривосудов

Благодарю, друзья! жена! проси садиться.

Фекла

Покорнейше прошу.

(К Софии.)

А ты и поклониться
Не смыслишь: все-таки вприсядку.

Бульбулькин

А! и друг
Наш, Праволов, здесь!

Атуев

(к Праволову)

Что? здорово ль?

Праволов

Для услуг.

Паролькин

(к Праволову)

Да что-то не весел?

Хватайко

Ведь ваш он челобитчик.

Все садятся.

Бульбулькин

Ну! проповедь! Прямой поп этот всех обидчик:
Не жди конца, когда о взятках он начнет.

Фекла

А сам ведь и с живых и с мертвых он дерет.

Кривосудов

Родись, крестись, женись, умри, греши иль кайся,
А кошельком за все с ним начисто квитайся.

Паролькин

Да ведь питает он себя от алтаря.

Хватайко

Мы ж из насущного лишь служим у царя.

Радбын

Но пра-прав-право он не без при-чи-чи-чины...

Бульбулькин

Другая проповедь!

Атуев

И тут не жди кончины.

Радбын

До-до-до-води-дит и-и-ино-ногда
Нас пра-пра-правдою до-до-до сты-стыда.

Праволов

(подойдя к Бульбулькину, тихо)

Венгерский антал как?

Бульбулькин

Зелен и хлебом пахнет.

Праволов

(к Атуеву, тихо)

Те своры крымских?

Атуев

Ну, уж, брат! хоть кто так ахнет.

Праволов

(к Хватайку, тихо)

Карета какова, любезный прокурор?

Хватайко

Так гибких в жизнь мою я не видал рессор.

Праволов

(к Паролькину, тихо)

Те с жемчугом часы?..

Паролькин

Прекрасно репетуют.

Кривосудов

А что же нового по городу толкуют?

Паролькин

Не знаю, правда ли, а громко говорят,
Что губернатором к нам будет...

Бульбулькин

Кто же, брат?

Паролькин

Слышнó, что Правдолюб.

Кривосудов

О! упаси владыко!
Вот тут-то, милые, уж в строку каждо лыко:

Правдив, как Страшный суд, безмезден, капотун,
И человечества он общий опекун;
Во всяку входит дрянь; чтоб с просьбой не втесался.

Атуев

Да, право, я его нимало б не боялся:
Пусть губернатор он; что ж? нам он не судья:
Не дую в ус ему, сидя в гражданской, я.

Бульбулькин

Да он как дунет в ус, так, слышь, и с места сдует:
Ведь как в сенат кого вчерне он обрисует,
То покормежный вмиг геральдия пашпорт...

Атуев

Да без суда меня, хотя б он сам был черт,
Не может осудить.

Бульбулькин

Однако как рассудит
За благо выгнать вон, то выйти вон принудит.

Кривосудов

(Атуеву)

Ведь трудно, милый мой, нам прать против рожна!

Хватайко

Послушайте: вот вам другая новизна:
За взятки, говорят, уж велено...

Парользкин

Простите,
Что речь вам перебью. Для бога вразумите,
Как можно взятками попасть в беду? ведь тут
Один для давшего и для принявших суд:
Так черт ли понесет кого-нибудь с доносом?

Хватайко

Ты огорошил нас заботливым вопросом.
Но кратко я на то скажу тебе в ответ:
Ты разве позабыл, что весь издревле свет
Все на авось-либо надежду полагает?

Кривосудов

А что, жена? гостей ведь водка ожидает.
Проси ж.

Фекла

Покорнейше...

Бульбулькин

(к Атуеву)

Ведите.

Атуев

(Бульбулькину)

Должно вам.

Кривосудов

Прошу же, милые мои, не по чинам.

Бульбулькин и Атуев берут под руки Феклу, Хватайко и Парошкин — Кривосудова, Кохтин — Радбына, а Праволов — Софию, и уходят в боковые двери.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Наумыч и Архип.
Вносят корзину с бутылками.

Архип
(поставив корзину)

Тьфу, пропасть! как устал! я думал, надорвуся,
Покуда с ношей сей на лестницу вздеруся.
Ну! барина пока судьи пооберут,
Проклятые, меня безвинно надорвут.
Уж лучше б в яме жить пиявкам сим годилось:
Что б с улицы пустил, само бы к ним вкатилось.

Наумыч

Ну, что ты вопишь, брат? о чем твоя тоска?
О, если б стряпчим был хотя ты полгодка,
То б, верно, проклинать не стал твою судьбину,
Когда б был принужден нагнуть сто раз в день спину;
Верст тридцать обежать по городу пешком
В дождь, слякоть иль мороз и зной бумаг с мешком;
Пред солнцем на поклон не опоздать до члена;
Ждать часик у ворот, хоть грязь и по колена;
И как ни гнали б прочь, а доступ получить;
Указов наизусть сто сотен затвердить;
Иль просидеть с пером тут ночи без засыпу,
А до удушья там в архивну врыться кипу;
Того ласкать, кого душой нельзя терпеть;
От всякого сносить, ко всякому поспеть;
А что несноснее: так целы дни поститься,
И всех перепоить, а самому трезвиться!

Со всем тем, после всех докук, трудов, хлопот,
Как дело иногда бывает в черный год,
В непользу барина свихнется сатаною,
То прийдет тут еще отдуться и спиною,
Вот жизнь! так ты, мой друг, Архипушка, молчи;
Поди и около теленков хлопочи.

Архип уходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Анна и Наумыч расставливают бутылки.

Анна

Ну, как же тянут там!
(Увидя вино и корзину.)
Да! ба! и это ново!
Вино к десерту, знать, иль полднику готово.
(К Наумычу.)
А вы зачем?

Наумыч

Зачем, не спрашивай; а с чем?
Запасец этот я своим принес плечем.
За то меня, когда б была не столько люта,
Ты подарить должна, бесценная Анюта!

Анна

Мне нечем подарить.

Наумыч

Хоть малый поцелуй.

Анна

Тьфу! эдакой наглец!

Наумыч

Пожалуй же, не плюй
В колодезь: может быть, испить ведь доведется.
(Хочет ее обнять.)

Анна

(отпихивая его)

Поди же, отвяжись.

Наумыч

Ну, кто слегка так бьется?
Коли ж скупишься ты... Так я тебе дарю...

(Хочет ее поцеловать.)

Анна

(поцеловав свою руку, дает ему оплеушину)

Ин вот мой поцелуй тебе.

Наумыч

Благодарю.

ЯВЛЕНИЕ 3

Фекла, София, Анна и Наумыч.

Фекла

(входя, видит, как Анна Наумычу оплеушину дала. К Анне)

Что вижу! дерзкая! кто больно так дерется?

Анна

Да он, сударыня, неведь куда несется...
За вашу же я честь,— не вытерпя,— с сердца...
Чтоб он с переднего не заходил крыльца
С подарками.

(Указывая на бутылки.)

Наумыч

(к Фекле)

Теперь, ее измеря пяди,
Я буду заходить, сударыня, уж сзади.

Фекла

(к Анне)

Но, дура, не давай ты воли-то рукам.

(К Наумычу.)

А ты, мой милый друг, Наумыч! ведь и впрямь,
Что прямо лезешь так, то делаешь негоже;
Иному с стороны покажется похоже
На нечто странное, и весть господь на что!

Между этим Анна ставит столик с картами.

Спасибо; но поди, чтоб не увидел кто.
Как из-за столика они десертна встанут
И на простор сюда гуртом уж все нагрянут,
То приходи и ты.

Наумыч уходит.

(к Анне)

А ты поторопися
И стулья для гостей расставь: вот оглянися,
Все идут.

Анна

(в сторону)

Пьяные.

Фекла

(услышав и замахнувшись на Анну)

Знать, хочешь ты румян?

ЯВЛЕНИЕ 4

Фекла, София, Анна, Кривосудов, Праволов, Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин, Хватайко, Кохтин и Наумыч.

Выходят все полупьяные.

Хватайко

Ну! стол! уж прямо стол! Всё вместе, сыт и пьян.

Паролькин

Десерт!

Бульбулькин

Напиточки!

Атуев

Откудова что взято!

Кривосудов

Нет; что-то повар наш сегодня плоховато...

Фекла

Немного запился.

Бульбулькин

Да празднику кто рад,
Тот до света уж пьян.
(К Хватайку.)
А что? не правда ль, брат?

Хватайко.

Пословица не лжет.

Праволов

А тот, кто время тратит,
Она ж ведь говорит, что дорого заплатит.

Хватайко.

К чему словцо?

Праволов

(указывая на карты)

К тому, что множество червей
В колодах сих давно свободы ждут своей.

Паролькин

(к Кривосудову)

Он прав: пора пустить их по зелену полю.
Ну! прокурор! реши колодничью неволю;
Тебе вступиться долг.

Кривосудов

Изволь, мой друг, изволь!
Кто как?

Праволов

(раздает карты)

Мы наберем: я с вами в рокамболь,
Советник в помощь вам.
(Указывая на Бульбулькина, который берет карту.)

Паролькин

А кто ж в заповедную?
Я банка не мечу.

Праволов

Добро; и вас обдую:
Я делаю вам банк. Наумыч! ты мечи;
(дает ему ассигнации)
Да, знаешь, пяль глаза и всячески щечи.

Фекла

А кто ж со мной в пикет?

Праволов

Сударыня, простите;
Вы нашу партию ведь окончать хотите.
Я к вам.
(Кривосудову.)
А за себя, чтоб вас не разлучить,
Позвольте моего мне друга посадить.
(Указывая на Кохтина.)

Кривосудов

По мне вы как хотя.

Бульбулькин

А я и рад размену.

Кривосудов

Какую ж нашей мы игре поставим цену?

Праволов

Я по пяти рублей; а меньше николи.
(К Кохтину.)
Садись, мой друг, но лишь, пожалуй, не соли.

Бульбулькин

Да годовой оклад с нас эдак сбрить изволишь
В три пули, ежели да нам не помирволишь.

Кривосудов

Не горячись: а то и впрямь как раз бобыль.

Бульбулькин

Я рад бы; но когда пожалует шпадиль;
Она не документ: не выбросишь из дела.

Все садятся; посредине в ломбер играющие. На одной стороне Фекла с Праволовым, а на другой играющие в банк. Близ Феклы на канапе София, которая потом, сыскав тут книжку, читает.

Наумыч

Да что же на столе наличного нет мела?

Хватайко

А много ль в банке-то наличных?

Наумыч

Сотни три.

Праволов

Наумыч! не ударь ты в грязь лицом, смотри.

Паролькин

Как ни смотри, ни зги в две талии не взвидит.

Атуев

А я боюсь, что он вельми нас всех обидит.

Хватайко.

Снимайте: полно вам пороть-то дребедень.

Фекла

А мы по старине? по четверце поэнь?

Праволов

Когда угодно вам...

Фекла

И также все с рефетом?

Праволов

Начто, сударыня, и спрашивать об этом.

Кривосудов

Жена! рефетом ты не замори гостей.

Фекла

Ах! кстати ль! Софьюшка! ну, встань почародей,
И пуншик изготовь.

София

Ах! я ведь не умею.

Фекла

Какая ты и впрямь!

(К Анне.)

А ты что пялишь шею?
Ну, двинься же хоть ты.

Хватайко

Нет, дама не везет.
Так атанде; авось мне вывезет валет.
Тьфу, пропасть! соника: и этот вон из кона!

Кривосудов

Вот штраф за то, что ты идешь против закона,
И в запрещенную игру...

Хватайко

Да, видно, нам
В нее играть судьба, с поры той, как Адам
В нее наследное все проиграл именье.

Бульбулькин

Ха, ха, ха, экой вздор! какое заключенье!
Вот в мнениях твоих всегда подобный вздор
Ты предлагаешь нам, почтенный прокурор!
Ну, от кого, скажи, наследие Адаму?

Хватайко

Да от кого-нибудь, а надобно ж...

Паролькин

Тьфу! даму
Я, слушая ваш вздор, как олух, прозевал.

Праволов

Позвольте, чтобы я за прокурора стал.
И я готов теперь представить вам урода,
Который без отца, без племени, без рода
Наследие берет: а именно таков
Точь-в-точь соперник мой, молодчик Прямиков.

Бульбулькин

Ну, докажи же нам; то быть так, всем собором
Пожалуем тебя мы нашим прокурором.

Атуев

(вполголоса)

Эк он объехал след!

Паролькин

(вполголоса)

Ей-ей, не без ума.

Хватайко

(вполголоса)

Великий тут скачок, хоть линия пряма!

Радбын

(вполголоса)

От Пря-Прямико-кова до-до Ада-дама?

Паролькин

Насилу наконец мне выиграла дама.

Праволов

(оборачивается к ним; а между тем Фекла подбирает карты)

Охотно; и на ваш я посылаюсь суд.
Покойный Прямиков, и нет сомненья тут,
Имел лишь одного во всю свою жизнь сына,
Которого уж нет; скора была кончина.

Где точно умер он, вам не могу сказать;
Сколь ни желал, того не предуспел узнать.
Но звался он Федот; так вписан в родословной,
И даже у отца так назван и в духовной.
Сей, напротив того, зовется уж Богдан;
Итак, вы видите, что явный тут обман:
И что чрез хищное, неправедное средство
Федотово к себе Богдан прибрал наследство.

Наумыч
(Хватайку)

Вы лишний уголок...

Бульбулькин
(Праволову)

Прямой ты прокурор!
Отдать я должен честь.

Хватайко
(Бульбулькину)

Кто я? да я не вор.

Бульбулькин
(Хватайку)

Льнет разве и к тебе?

Хватайко

Не гну и пальца даром.

Наумыч
(Хватайку)

Берете шутку вы с таким, как правду, жаром.

Радбын

Ра-разве Бо-Богдан не-не Фе-Фе-Федот?

Атуев

Ты видишь, тут сбылось: Федот-де, да не тот.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те ж и Прямиков.

Праволов

(увидя входящего Прямикова)

Что ж он Богдан, то хоть у самого спросите:
Да, кстати, вот он сам.

Хватайко

Черт просит.

Прямиков

(Кривосудову)

Извините,
Что дружескую я беседу помешал.
Я с праздником, сударь, поздравить вас желал
И вам, сударыня, отдать мой долг.

Фекла

Садиться

Прямиков целует руку Софии и садится возле нее.

Прошу. Сюда, прошу ко мне переместиться.

Прямиков

Мне хорошо и здесь.

Кривосудов

Как вас, сударь, зовут?

Прямиков

К чему вопрос? Богдан.

Праволов

(вполголоса)

Лгу ль я?

Хватайко

(вполголоса).

Тут ясный суд.

Прямиков

А вижу... я было сперва и не приметил.
Здесь кстати моего соперника я встретил,
Мы можем на словах вам дело объяснить.

Кривосудов

Но мы словесных дел не можем ведь судить.

Прямиков

Я не суда прошу, а только рассужденья.

Бульбулькин

Да до суда нельзя открыть судейска мненья.

Прямиков

Но правду открывать вам не запрещено.

Кривосудов

Да не келейно так в дому.

Прямиков

Не все ль одно,
Где вы ее, сударь, и как бы ни сыскали?
Но сверьх того, когда б вы истину узнали,
То бы неправого могли вы устыдить
И с ним меня, сударь, без тяжбы примирить.
Я в правости моей на суд ваш полагаюсь.

Кривосудов

Но я, сударь, в дела чужие не мешаюсь:
На то ведь совестный лишь установлен суд.
Мирить на свете всех ему лишь вверен труд.

Наумыч
(вполголоса)

Мирится; стало быть, не прав.

Хватайко
(вполголоса)

Не прав, конечно:
Кто за свое пойдет мириться?

Кривосудов

Я сердечно
Рад миру; но, сударь, я, право, вам не лгу:
В чужие я дела мешаться не могу.
Вы в совестный бы суд пошли.

Прямиков

Я рад идтить;
Но милости его не мог уговорить.

Праволов

В суд совестный, сударь, вы, знать, затем спешите,
Что снисхожденье в нем к себе сыскать хотите;
А я, безмездие и истину любя,
Так правым в иске сем, по чести, чту себя,
Что спорного всего наследства и именья
Достать я не хочу отнюдь из снисхожденья;
Но, чтобы чистым мне пред целым светом быть,
Законом лишь его желаю получить.

Бульбулькин

Когда бы стали все судящиесь мириться,
Начто б казне тогда другим судам платиться?
А плату брав, судить должны мы как ни есть,
Чтоб хлеба царского по пустякам не есть.

Прямиков

Когда же вы судить хотите непременно...

Праволов

Я прав; хотя судить пред целою вселенной.

Прямиков

То в кратких я словах...

Кривосудов

Да на бумаге мы...

Хватайко

Ах! кто б избавил нас от этой кутерьмы?

Паролькин

Нелегко принесло!

Прямиков

Вам объясню все дело;
И если что не так, сказать он может смело.

Праволов

Но ябеде, сударь, отнюдь, я не учен.
Что ж я неправедно имения лишен,
То мой поверенный законами вам теми...

Наумыч

(вскоча с места)

Готов вам доказать пред каждым и пред всеми.

Прямиков

(к Праволову)

Не с ним, а с вами я беседовать желал.

Праволов

Я неуч в ябедах. Уже вам раз сказал.

Прямиков

Но изъясняться с ним и подло мне и низко;
Вам так же, как и мне, ведь ваше право близко.

Праволов

Вам ближе лих оно.

Прямиков

Мне ближе! мне? а как?

Праволов

А так, что в ваших все имение руках;
А с правом я моим лишь по судам таскаюсь.
Моим живете вы,— а я лишь разоряюсь.

Прямиков

Но я согласен вам теперь же все отдать,
Лишь право мне свое извольте доказать.

Праволов

Я вам твержу, сударь, что ябеды не знаю.

П р я м и к о в

(несколько горячо)

Стократ вас менее ее я понимаю.
Не ябедничать здесь, а правду говорить...

П р а в о л о в

Я вижу, вы меня готовитесь бранить;
Но я вам уступлю из уваженья к дому.

П р я м и к о в

(с горячностью)

Не брань, а истину...

Ф е к л а

Да этому содому,
Как вижу я, отнюдь не будет и конца.

(К Прямикову.)

Дом отперт мой, сударь, ведь не для наглеца:
Я не стерплю, чтоб кто гостей в нем и словами...

П р я м и к о в

Безвинно виноват, сударыня, пред вами.
Я почитаю вас и почитаю всех.
Но слов ему сказать хочу не больше трех,
И не о деле сем, поверьте мне, божуся.

(Праволову, отведя в сторону.)

Послушайте.

П р а в о л о в

Ну, что? нимало не боюся.

П р я м и к о в

(вполголоса)

Бояться нечего: я то хочу сказать,
Что ябеды тебе не стану запрещать;
Как хочешь каверзи, вывертывай указы,
Стерплю и плутни все, и ябеды пролазы;
Но если в доме сем дерзнешь ты дочь любить,
И если вздумаешь ее ты мужем быть,
То я тебе божусь, что эту тяжбу нашу

Решу тем, что тебя как черта окарнашу;
И по миру пущу без носа, без ушей.
Порука сабля в том; поверь, пожалуй, ей;
Она не шутит ведь. Ну, помни ж.

Праволов

Не забуду.

Прямиков

Помехой пиршеству я вашему не буду.
Покорный всех слуга,
(к Софии)
а особливо ваш.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Те ж, выключая Прямикова.

Бульбулькин

Какой же бешеный наглец!

Фекла

Какая блажь!

Хватайко

(Праволову)

Да что тебе, мой друг, на память он оставил?

Праволов

Так, ничего: просил, чтоб я себя избавил
От нарастающих и суетных хлопот.

Бульбулькин

Впрямь, видно, богом дан тебе, брат, сей Федот:
Хлопочет о тебе, как друг.

Праволов

Да вы шутите...

Кривосудов

Бет мой...

Кохтин

И этот ваш! для бога пощадите.
Я в пух ощипан.

Бульбулькин

А! чужой ведь щиплем пух.

Праволов

Да чаще каски-то хватай, сердечный друг!

Кохтин

Высокородный всё грандиссимо хватает.

Паролькин

(Праволову)

Душеприсяжный твой кругом нас обирает.

Праволов

Да так и надлежит.

(К Наумычу.)

Но, кстати; ты бы встал.

(Кривосудову.)

Позволите ль, чтоб он нам пуншик сработал?
Он мастер.

Кривосудов

Хорошо.

Бульбулькин.

И впрямь; а то красотка
Нас как на водопой...

Наумыч

(подошед к Анне)

Вот там в корзине водка.

Фекла

Капот.

Праволов

Так истинно.

Кривосудов

Да кто ж?

Праволов

Да я капот.

Бульбулькин

Вот это сработал проклятый все Федот.

Радбын

(к Хватайку, который подсматривает карты)

Что ты, ты кар-кар-кар...

Хватайко

(зажимая ему рот)

Ну, полно же ты каркать.

Паролькин

Пора, Наумыч! слышь; покинь ты с ней балакать.

Кривосудов

Что ж, Анна! впрямь, куда ты так от нас ушла?
Ты б пуншу нового стаканы поднесла;
А мы б тебе сполать.

Фекла

(Анне)

Поди ж поторопися.

Во все это время Анна подносит пунш и вино гостям, по частым знакам Феклы; а гости постепенно пьянеют.

Атуев

А, а! доехали!

Праволов

Что?

Паролькин

(показывая на Наумыча)

У него спросися.

Наумыч

Да что; беда, сударь, и я уже капот.

Праволов

Смелей: лови секурс.

(Бросает кошелек.)

Бульбулькин

Вот это все Федот.

Праволов

Да вам Федот лишь смех; а мне уж с сим Федотом...

Кривосудов

Но что ж? коли и впрямь каким-нибудь комплотом
Богдан Федотово имение заел,
Так есть на это ведь закон.

Кохтин

Уж я велел
Прибрать и вынесть все.

Кривосудов

Я чаю, в уложенье?..

Кохтин

Есть множество, сударь!

Паролькин

И также в учрежденье?..

Кохтин

Имеется.

Бульбулькин

Нельзя, чтоб не гласил указ...

Кохтин

Гласят, и многие.

Хватайко

Ясней всего Наказ
Об этом говорит, в статье той, где... об этом...

Атуев

Вот темна пароли.

Паролькин

Туз на ряду с валетом.

Кривосудов

Ведь тоже к этому закон идет и тот,
Где за поступок лжив?..

Кохтин

Идет, сударь! идет.

Бульбулькин

И если регламент да согласить с Наказом...

Кохтин

То сходно будет все с помянутым указом.

Хватайко

Ну! так чего ж? и вам весьма короткий суд.

Кривосудов

Федота в сторону; Богдан, конечно, плут;
И должно, отобрав Федотово именье,
Отдать кому есть след. Мое такое мненье.

Бульбулькин

И я то ж мню.

Атуев

И я.

Паролькин

И я.

Радбын

И-и-и я.

Хватайко

С столь общей мыслию согласна мысль моя.

Праволов

Благодарю вас всех.

Кривосудов

Законы все отчасти
Клеятся.

Анна

(вполголоса, собирая на полу карты)

Станем же и мы клеить масть к масти.

Кривосудов

Что ж пуншу?

Фекла

Анна! что ж? проворней подноси,
И чаще и кругом; да милости проси.

Бульбулькин

Мы скоро у нее уж милости попросим.

Кривосудов

Когда б кто песенку...

Паролькин

Да лучше карты бросим:
Не стала дама везть.

Атуев

Ты тяжело кладешь.

Кривосудов

(Хватайку)

Любезный прокурор! Ты хорошо поешь:
Запой нам.

Хватайко

Рад душой; да голоса-то нету.

Кривосудов

Ну! как-нибудь.

Бульбулькин

Мы все пристанем для комплекту.

Хватайко

(поет)

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять.
Начто ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

Все повторяют: «Брать, брать, брать».
София, заткнув уши, уходит.

Кривосудов

Ей, браво! хорошо!

Хватайко

Ведь сам сложил словца.

Бульбулькин

Да по работе как уж не узнать творца?

Хватайко

(поет)

Бери, большой тут нет науки;
Бери, что только можно взять
Начто ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать?

(Размахивая руками.)

Все повторяют: «Брать, брать, брать». А Наумыч: «И драть».

Ведь без указа нам не стать
Пословицы ломать,
Котора говорит: что взято,
То свято!

Все повторяют: «То свято!»

Кривосудов

(поет)

Но надо, чтоб уйти прижимки
И чтоб не оплошать,
Перчатки-невидимки
На миг не скидавать.

Хватайко

(поет, и все аккомпанируют)

Бери, большой тут нет науки... *(И прочее.)*

Кохтин

Но под шумок-ат я без бета, как без шляпы.

Паролькин

(Наумычу)

Да, слышь, укороти вот эти хищны лапы;
Ты доберешься так и до последних крох;
Уж в проигрыше я почти что сот до трех.

Наумыч

Да наши деньги ведь из вашего кармана...

Бульбулькин

Вы вспомните лишь им Федота иль Богдана,
То счастие тотчас возьмет к вам оборот.

Паролькин

Поди с Федотом прочь: ему, слышь, не везет;
И хлап уж проиграл. Так к даме я пригнуся
Еще хоть раз.

Атуев

Постой: а я так уцеплюся
За хлапа.

Наумыч

(по знаку Праволова делает талию фос)

Хлапа я что хлопну, то убью.

Паролькин

Фальшива талия. Ну, заплати ж мою...

Атуев

Мои две пароли.

Хватайко

Мне за туза с транспортом.

Радбын

И ба-ба-банк чи-чист.

Паролькин

Насилу с этим чертом
Мы сладили.

Праволов

А что, схватили?

Паролькин

Наконец.

Встают и попивают. Наумыч им подносит.

Кохтин

Такой же и моей игре, сударь, венец.
Бессчетно проиграл.

Праволов

Итак, спустил я много!
Но как быть? не всегда щечиться из чужого.
(Смеется.)

Фекла

Не так-то много: вот почти и ничего.

Праволов

Да так, сударыня, четыреста всего.

Встает он и Фекла.

Фекла

Да что же, Анна, ты на стены зазевалась?
Носи кругом; уж ты совсем избаловалась.

Бульбулькин

Насилу вот и мы последнее берем;
Конец.

Встают и они.

Праволов

А сколько же считается на ком?

Бульбулькин

Почти что на тебе весь счетец остается:
Мне двадцать восемь приз.

Кривосудов

Мне сорок доведется.

(К Бульбулькину.)

С вас восемь.

Бульбулькин

Так.

Праволов

Ну, я довольно просолил.

(Платит Кривосудову и Бульбулькину.)

Извольте ж проигрыш.

Кривосудов

Да я бы погодил.

Праволов

Нет; я люблю платить: ведь денежка счет любит.

(Платя Бульбулькину, вполголоса.)

Мой проигрыш никто, я чаю, не раструбит.

Бульбулькин

(вполголоса)

Никто, никто.

(К Кривосудову, вслух.)

А с вас по старым сколько я?..

Кривосудов

(вынимая записную книжку)

Сочтем тотчас: при мне записочка моя.

Праволов

(к Атуеву)

Я в деле лишь на вас надежду неизменну...

Атуев

(насилу стоя на ногах)

Надейся на меня как на Кремлевску стену.

Праволов

(к Паролькину)

Могу ли в деле я на вас?..

Паролькин

(облив руку пуншем)

Хоть согрешу,
Пусть высохнет рука, коли не подпишу.

Праволов

(к Радбыну)

На вас надеяться я как на друга стану.

Радбын

(указывая на товарищей, попивающих и поющих: «Бери...»)

Уж от-от-от-от них я не от-от-отстану.
(Выпивает стакан.)

Праволов

(к Бульбулькину)

Позволите ль на вас надежду в деле класть?

Бульбулькин

Скажи секретарю. А он что мне подаст...

Кохтин подает ему бокал, а он берет его и выпивает.

То я хоть этими обеими руками...

Праволов

(к Хватайку)

Я вас меж лучшими моими чту друзьями,
И вашей помощи всех более ищу.

Хватайко

Свахляют пусть они. А я уж пропущу.
(Выпивает стакан.)

Праволов

(к Кривосудову)

На вас я в деле уж...

Кривосудов

Да дело-то худенько!
Ведь штраф пятьсот рублей; так надо бережненько!..

Праволов

(делает в сторону знак неудовольствия, ласково)

Когда случится что, я их плачу за вас;
Надежны будьте.

Кривосудов

Так: но лучше бы в запас...
(Делает, будто деньги считает.)

Праволов

Так я их поутру пришлю в сохранность вашу.

Кривосудов

(указывая на членов, поющих: «Бери...»)

Ин быть так: с ними уж я не порозноглашу.

Праволов

(Кохтину)

У всех теперь уж я настроил дело в лад.
Ты помощь окажи. А это на — в заклад.
(Дает ассигнации.)
Могу ль надеяться?

Кохтин

(подставляя карман кафтанный)

Извольте положить — ся.

Праволов

(ко всем)

Однако не пора ль с хозяином проститься?

Бульбулькин

Пора; покойна ночь!

Атуев

Прощайте; уж пора.

Хватайко

Слуга ваш.

Паролькин

Сладка сна!

Радбын

Пора-ра нас с двора.

Гости уходят, обнявшись и припевая: «Бери, бери...» — а Фекла и Анна под руки отводят Кривосудова.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

София в спальном платье и Анна.

Анна

Зачем, сударыня, вы так раненько встали?

София

Я не могла всю ночь очей сомкнуть с печали!
Несносный Праволов всю ночь мечтался мне.
Покою от него мне нет уж и во сне!

ЯВЛЕНИЕ 2

София, Прямиков и Анна.

Прямиков

Не ждал я счастия так рано тут вас встретить.

София

(в сторону)

Ах! если б слез моих он не успел приметить!

Прямиков

Да что! мне кажется, вы грустны? — вы в слезах!

София

Нет: так; так, ничего.

Прямиков

А слезы на глазах!
О чем грустите вы? сударыня, хоть взгляньте...

Анна

(Прямикову)

Вот барин с барыней к нам идут: перестаньте,
Сударь!

ЯВЛЕНИЕ 3

Кривосудов, Фекла, Прямиков, София и Анна.

Прямиков

Простите мне столь ранний мой приход.
Желанье вам служить меня, сударь, ведет.
Все ваше позабыв ко мне жестокосердье,
Я поспешаю вам не лестное усердье,
Привязанность мою на деле изъявить;
И хоть вас, может быть, могу и огорчить
Сей откровенностью; однако же решился
Сказать, что от друзей вчера я известился
О предстоящей вам опасности: сенат,
По разным жалобам, на вас вошел в доклад;
И если вы, сударь, умедлите взять меры,
То не хорошего...

Фекла

(отпихивая Кривосудова)

Какие же химеры!
Какие пустяки! Отколь нанес вестей?
И кто к нам в дом просил непрошеных гостей?
Неведь зачем, неведь откудова ввернулся.
Служивый, батюшка! иль ты ума рехнулся,
Что с вздором эдаким втесался ты в наш дом?
Отколь в головушку твою такой содом,
Сумбур и ералаш вселился, мой родимый?
Или нельзя ворот проехать наших мимо?
Иль на тебя нашел благой не в пору час?

Прямиков

За искренность мою не ожидал от вас...

Фекла

Да с искренностью сей тебя мы к нам не ждали,
С чего тебе об нас вдруг хлопоты припали?
Откудова, бог весть, зачем влетел в сенат;
Отколь взял жалобы, куда вошел в доклад;
Какие меры брать, аршинны иль саженны?

(Размахнув руками.)

Прямиков

Напрасно на меня вы столько раздраженны;
Я мнил...

Фекла

Пожалуй, ты, сударь, что хочешь мни;
Но с дрянью к нам такой вперед не загляни.

Кривосудов

(к Фекле, становясь между ею и Прямиковым)

Но, милый мой дружок, престань же горячиться,
И дай порядочно без жару мне спроситься...

Фекла

(отпихивая Кривосудова)

О чем тут спрашивать? ведь тут один расспрос,
Один допрос: зачем в наш дом господь занес?

Прямиков

Для вашей пользы я...

Фекла

Трудился бесполезно.

Прямиков

Любя ваш дом...

Фекла

Прошу так не любить любезно.

Кривосудов

(становясь между Феклою и Прямиковым)

Но дай, жена, хоть слов...

Фекла

(отпихивая Кривосудова)

Да что уж тут болтать?
Пожаловал к нам в дом затем, чтоб нас ругать.

Прямиков

Возможно ль мне ругать!

Фекла

Да как же не ругаешь?
И жалобами нам и всем ты попрекаешь.
Какие жалобы? и жаловался кто?
Когда, как, почему, кому, где и за что?

Прямиков

Когда изволите, я покажу вам ясно...

Фекла

Показывать ты мне изволишь тут напрасно,
Где нечего, хоть будь указка показать.
Да что противу нас кто может доказать?
Кого мы без суда имения лишили?
Кого не по словам закона разорили?
Кого?..

Кривосудов

(становясь между Феклою и Прямиковым)

Позволь, жена, мне только слова три...

Фекла

(отпихивая Кривосудова)

В дому лих я вольна; в суде ты, знай, смотри.

Прямиков

Но я...

Фекла

Но ты, кто ты? голубчик! я не знаю,
Не знала и вперед знать вечно не желаю.
Приехал клеветать!

София

Ах, нет! не клеветать
Он, матушка!..

Фекла

Что? что? тебе какая стать,
Безумная, в дела сторонние мешаться,
За незнакомого против меня вступаться?
Вот по-заморскому нам воспитали дур!
Ты б знала свой филе вязать, строчить тамбур,
Стучать на кляузах иль гарпой утешаться,
А не туда, куда не ведаешь, мешаться.
Поди ж, безумная, в каморку уплетись;
И, слышь, мне на глаза день целый не кажись.

София уходит.

Анна
(к Фекле)

Напрасно на нее...

Фекла

И ты туда ж, скотина!
Знать, около ушей свербит твоя личина.
Я всею пятерней ее пощекочу;
И скверный твой язык тотчас укорочу.
Негодна! сгибни в миг за барышней твоею;
Или ты слышала? я всею пятернею...

Анна уходит бегом.

Прямиков

Мне жаль, сударыня!..

Фекла

И мне, сударик, жаль,
Что в дом наш суется не звана всяка шаль,
Затем, чтоб эдаки нам причинять досады.

Прямиков

Так я оставлю вас.

(Уходит.)

Фекла

Весьма мы будем рады.

ЯВЛЕНИЕ 4

Кривосудов и Фекла.

Фекла

Насилу с рук сжила! какой же он востряк!
А на тебя, сударь, наехал, знать, столбняк.
Стоишь, как словно пень: не шевелишь языка;
Все стряпай за тебя от мала до велика.

Кривосудов

Ну, хорошо же ты настряпала теперь:
По шее чуть его не вытолкнула в дверь.
Ну, было ли за что так сильно рассердиться?
Он, может быть, и впрямь хотел нам подслужиться,
А ты, не расспрося, откуда, кто таков?..

Фекла

Вздор; я узнала ведь, что это Прямиков;
И что он лишь затем в дом наш и завернулся,
Чтобы пустых его ты бредней ужаснулся,
И Праволову бы в решенье изменил.
Но плохости твоей он умысл сочинил.
Проведал, видно, он, что ты трусливой роты.

Кривосудов

Хоть это и пустяк, однако без заботы
С делами нашими, жена, не можно жить:
Чему не должно б, иногда то может быть.
Ты знаешь, ведь и заячие уши
Рогами назовут, то пойдут уши тпруши.

Фекла

Вот трусость ты свою сам назвал пустяком,
А в тот же самый миг явился русаком;
Но, старое дитя, скажи мне, как не стыдно
Вдруг струсить от того, что ложно очевидно?
Отколь молодчику известен стал сенат?
Откуда знать ему, что он вошел в доклад?
И как, не рассудя сперва, не рассмотряся,
Идти докладывать, уму не доложася?
Да и докладывать о чем? скажи, родной!
Дела твои текут своею чередой,

Как и везде: так тут о чем и доложиться?
Ведь всей святой Руси в доклад не поместиться;
И с этой стороны спокойся; так о чем
Еще? о взяточках? — так мы лих не берем:
А принимаешь лишь, что нас принять неволят.

Кривосудов

Жена, я уж сказал: не вечно, слышь, мирволят.
Не все двуличную дает расправу суд;
Ино ведь взятками приемы назовут,
И так как...

Фекла

Нет лих, нет; не назовут, божуся.
Да как не видишь ты, тому вот я дивлюся,
Что сим враньем тебя лишь хочет он отвесть
От Праволова?

Кривосудов

Но, жена, как тут да есть...

Фекла

Нет ничего; а что и есть, то все пустое.

Кривосудов

Что ни на есть...

Фекла

Ну, слышь: нет ничего.

Кривосудов

Такое...

Фекла

Такого ничего, слышь, нет.

Кривосудов

То будешь ты...

Фекла

Пока я буду что; а это пустоты.

Кривосудов

Виною...

Фекла

Ин быть так; но этой новизною,
Пустыми страхами и вздорной чепухою,
Пожалуй, перестань мне голову ломать.
Иль хочешь ты меня и с света уж согнать?

(С жаром.)

Кривосудов

Ну, ин добро, мой друг, не стану, успокойся.
Я лишь боюсь...

Фекла

(зажимая ему рот)

Еще! пожалуй же, не бойся
Того, что вертопрах нарочно с ветра врет.
Да вот Наумыч к нам с секретарем идет.
Пожалуй же, мой друг, для страха ты пустова
В их деле не скриви уж данного раз слова.
Припомни, что он друг, и как всегда он нам...

Кривосудов

Добро; ну!

ЯВЛЕНИЕ 5

Кривосудов, Фекла, Кохтин и Наумыч.

Наумыч

Господин мой приказал мне вам
Поклон отдать, сударь, нижайший с сим пакетом.

Кривосудов
(распечатывает письмо)

Ассигнации падают, Фекла отпихивает всех и сама подбирает.

Что это?

Наумыч

Он в письме сем пишет вам об этом.

Фекла

Знать, проигрыш?

Наумыч

Никак, сударыня, а штраф,
Когда не будет он в своем процессе прав.
Так в нем уверен он!

Кривосудов

Он пишет и о деле.

(К Кохтину.)

А что же? ведь на сей хотели мы неделе...
Я думаю, экстракт до этих пор готов?

Кохтин

Сегодня подписал его уж Прямиков.

Кривосудов

Прибавил что-нибудь?

Кохтин

Нет, он просил убавить;
Но я не захотел его тем позабавить.

Кривосудов

Законы?

Кохтин

Приискал и все поставил в ряд.

Кривосудов

Так чтоб не волочить, уж можно и в доклад?

Наумыч

Нижайше просим мы без дальной проволочки...

Кривосудов

(к Кохтину)

Добро; ты к слушанью сегодня ж без отсрочки
Представь. Лиха беда нам выслушать; а там
В минуту приговор.

Кохтин

(подавая бумагу)

Когда угодно вам,
Сударь, осмелюся нижайше доложиться...

Чтоб время выиграть и меньше вам трудиться,
Я предварительный журналец начернил;
С законами его и с делом согласил,
Найпаче же, сударь, с вчерашним общим мненьем.

Кривосудов

Торопишь дело ты уж с лишним поспешеньем.

Наумыч

Мы просим вас, сударь, не отлагать в даль суд:
Железо ведь, пока лишь горячо, куют.

(Делает, будто деньги считает.)

Кривосудов

(берет бумагу)

Ну! да добро: подай; увидим.

(Читает.)

«Приказали...

(Читает тихо — а потом громко.)

И Праволова иск формально оправдали,
В согласье для сего изданных точных прав».

(К Кохтину.)

Их нет.

Кохтин

Я в протокол их всех впишу, собрав.

Кривосудов

Ин быть так, хорошо; возьми.

(Подает бумаги Кохтину.)

Наумыч

Мы всенижайше
Благодарим, сударь, за изволенье ваше;
И барин мой вам ввек не может отслужить
Всего, чем вы его изволите должить.
Но смею ль я еще покорное прошенье...

(К Кохтину.)

Не в гнев.

(К Кривосудову.)

Тут малое, сударь, есть упущенье:
Не упомянуто отнюдь о пожилых.
Мы вправе требовать по крайней мере их.
Что мы убытчились в сем иске по премногу,
То ведомо, сударь, вам и всеведцу богу.

Кривосудов

(Кохтину)

Да что же? дело б впрямь уж сделать нам с концом.

Кохтин

Исправлю все, сударь, единым я словцом.

(На спине Наумыча пишет и читает.)

«А как толь долго он, не пользовавшись оным...»

(К Кривосудову.)

Именьем сиречь.

Кривосудов

Ну! прибавь еще, законным.

Кохтин

(пишет и читает)

А Наумыч между тем подает ему украдкою ассигнации.

«Законным... многие убытки в сей процесс...»

Кривосудов

И незаконные.

Кохтин

(пишет и читает)

«И незаконны нес;
То оные искать с Богдана Прямикова...»

Кривосудов

Пиши взыскать.

Кохтин

(пишет и читает)

«Взыскать... или с его другова
Именья, истцу сим предоставляет суд».
Законы подведу я после.

Кривосудов

И все тут.

Наумыч

Нижайше мы, сударь, благодарим.

Кривосудов

(Кохтину)

Подите;
И это набело переписать велите.

Кохтин

(Наумычу)

Ты регистратору отдай лишь моему;
Да чтоб не показал отнюдь он никому.

Наумыч

Как раз исполню все. Слуга ваш всепокорный.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Кривосудов, Фекла и Кохтин.

Кривосудов

(к Кохтину)

А ты, послушай-ка. Слух, может быть, и вздорный
Пронесся, будто бы противу нас сенат
Мудреный некакий недавно взнес доклад,
О взятках, о делах, решенных здесь неправо.

Кохтин

Вот на! какой же дух на нас донес лукавый?

Кривосудов

Я этого всего не мог разведать вдруг.
Но ты по истине скажи мне, милый друг,
Какое дело мы оплошно так решили,
Чтоб внутренности всей наружностью не скрыли?
Я — так ни одного припомнить не могу.

Кохтин

(потирая спину)

Хоть исповедаться, не помню, не солгу.

Фекла

Да этому и быть не можно.

Кривосудов

Ах! помилуй,
Жена, оставь ты нас: мы лучше знаем силу
В делах, чем ты.

Фекла

Нет лих; не хуже знаю я.
Ведь что где, как принять, забота лишь моя;
Но пусть на месте гнев господень покарает,
Когда десница весть, что шуица хватает.

Кривосудов

(Кохтину)

Послушай-ко: теперь вспадает мне на ум.
Ты помнишь ли, какой великий вышел шум
О векселе, что я велел на обороте
Подчистить?

Кохтин

Ах, сударь, в напрасной вы заботе:
Подчистил я один. Ответчик в спор вошел.
На истца своего он подозренье взвел,
Что надпись он скоблил о вексельной уплате;
А по законам вы решили спор сей кстати,
К уничтожению сей вексель присудя.

Фекла

(Кривосудову)

Так что ж? ты виноват тут столько ж, как и я.

Кохтин

Притом не вексель мы ведь, сударь, подскоблили:
Бумагу чистую.

Фекла

Так чем вы согрешили?
Бумагу чистую неужли грех скоблить?
Великая беда!

Кривосудов

Добро! ин так и быть.

Кохтин

Приходит нечто мне еще на помышленье.
Вы тяжбу помните за Простина именье;
За кое Праволов, совсем сторонним быв
И имя Простина в процессе позабыв,
Условясь хитростно, искал на Чужпродава,
Который не имел тож никакого права
К сему имению; — а мы, не разобрав,
Чье спорное село, без дальних всех расправ,
В отлучку Простина, тем сей процесс решили,
Что тяжущимся двум чужое присудили,
Которое они делят уж пополам.
Что Простин возгласит, не понимаю сам.

Кривосудов

Пускай он возгласит теперь уж что захочет.
Когда он о себе так мало сам хлопочет,
Так что за нужда нам о нем тут хлопотать?
Судьи мы. Долг наш есть лишь только то и знать,
Что на бумаге нам представят на сужденье.
Как сметь нам знать самим, что спорное именье
Не тяжущимся двум, тебе принадлежит?
На это надобен какой-нибудь нам вид;
А без того решим, без дальних всех рассказов,
Процесс меж двух сторон по строгости указов,
Когда же оба спор лишь о чужом вели,
Как быть!

Фекла

Зло сильно так возникло на земли,
Что спорит о чужом один, где два лишь спорят;
Так дивно ли, когда два о чужом завздорят?

Кохтин

Какое диво тут?

Фекла

Да полно, все пустяк.
Ведь испугался он пустых насущных врак,
Которые ему дошли от Прямикова.

Кохтин

Как? эта грозна весть от этого пустова
Враля к вам принеслась? ну! уж правдива весть!
Он запугать лишь вас хотел чем ни на есть.

Кривосудов

Нет, этим он меня ничуть не запугает,
Но всячина, мой друг, на свете ведь бывает.
Довольно простоты на кажда мудреца;
А умудряет бог иного и слепца.

Кохтин

Но этого, сударь, не умудрил, божуся.

Фекла

Да что! ты трус какой!

Кривосудов

Я, право, не боюся;
Ты видела, что я уж написать велел:
Делец, голубушка, познается от дел.

Фекла

А тут теперь без дел проходит только время...

Кохтин

На шее у меня дел целое беремя...
Когда вам нужды нет меня здесь удержать,
То б я пошел велеть скорей переписать.

Фекла

(Кривосудову)

Пусти его, мой друг.

Кривосудов

(Фекле)

Ох! как ты уж пристала!

(Кохтину.)

Ну! ин поди. Но слышь, чтоб нам не ждать журнала.

Кохтин уходит.

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов и Фекла.

Кривосудов

Жена! довольна ль ты? смотри, я подаюсь;
Но, истину сказать, я, ей-же-ей, боюсь.

Фекла

Ты все-таки одно: привык всего пугаться.
Ведь не ходить и в лес, когда волков бояться.

Кривосудов

Хоть не боялся я до сей поры волков,
Но чем ведь дальше в лес, тем боле найдешь дров:
Ино чтоб не зайтить в таку глухую пущу!

Фекла

Сегодня ты с утра лишь пустошь мелешь сущу.
Похмелье, знать, еще в головушке шумит.
Пойдем-ка; гданская там водочка стоит
На шкафике моем, близ твоего взголовья;
Так чарочку хлебни для доброго здоровья,
И чтоб из головы напрасный вышел страх.

Кривосудов

Пойдем; дела ломать впрямь трудно натощак.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Анна и Добров.

Добров

(видя разброшенные бутылки и прочее)

Ба, ба! да это что? Что за трактирна стойка?
Как вижу, тут была изрядная попойка,
И не пирушечка, а полновесный пир.
Какой расстроенный бутылочный ранжир!
Знать, речками везде текло вино и пиво,
И не оскудевал сей чан пуншеточивый.
Скажи, как клюковки все гости налились?

Анна

Что называется: до положенья риз.
По лестнице к крыльцу уж не сошли, спустились;
И чадом вейновым так сильно зарядились,
Что не опомнятся, я думаю, дни в три.

Добров

Не так сплошные они богатыри:
Верь, что хоть напролет всеночну пропуншуют,
Проспавшись, как ни в чем, вновь мертву чашу дуют;
И что, не клюнувши и чарки и другой,
В суд ни один из них не ступит и ногой.
Да, кажется, почти и время им сходиться.

Анна

Ахти! так надобно и мне поторопиться
Следы вчерашнего присутствия прикрыть,
И Бахусов кагал в судейску превратить.

(Она поливает комнату, взяв стакан из стола.)

Добров

Напрасные труды, не токмо что простые,
Но целый хоть ушат разлей воды святые,
То ябедничьих здесь не смоешь ты проказ.
Послушай: окрещен кто уж в чернилах раз,
Тот черн останется, хоть мой во Иордане.

Анна

Да это не вода: остался пунш в стакане.
Пусть пьет судейское питье судейский пол.

Добров

Резон!

Анна

Прошу помочь поставить к месту стол.

Добров

(ставит с нею стол посредине)

Охотно.

Анна

А куда девать бутылки?

Добров

Строем

Поставя их под стол, суконцем сим прикроем.
Ведь множество оно привыкло прикрывать
И не таких грехов!

Анна

А как? прошу сказать.

Добров

Вот как: когда судья желает, чтоб чье дело
Лет несколько на свет господний не глядело,
То он его кладет под красное сукно;
А там — спокойна ночь; лежи и прей оно.

Анна

Добро ж; поставим их под скромно покрывало;
Но лишь боюсь, чтоб все тут цело устояло.

Добров

То правда, что нельзя наверно утвердить:
Судейское чутье исправно.

Анна

Так и быть;
Хозяин будет сам сидеть на карауле;
Ведь видит с кресел он, что крадет кто на стуле?

Добров

Не завсегда: ино он смотрит лишь на то,
Не надзирает ли за ним со стула кто?

Анна

Мудрен свет! но мы всё порядком учредили:
Когда б, как этот стол, так чисты судьи были!

Добров

Потише: берегись; вот к нам валит весь суд.

Анна

(уходя)

Что вижу, правде мат они теперь дадут.

ЯВЛЕНИЕ 2

Кривосудов, Бульбулькин, Атуев, Паролькин, Радбын, Кохтин и Добров.

Кривосудов

Прошу пожаловать.

Атуев

Нет; вам вперед довлеет:
Вы нам глава.

Бульбулькин

Ну! впрямь глава сия умеет
Хоть чью бы ни было головушку вскружить,
Когда путем кого захочет угостить;
Как я ни скромничал и как ни укреплялся,
Но, ей, не помню, как с вчерашним днем расстался.

Кривосудов

Изволите шутить.

Паролькин

Подите с шуткой прочь.
Я из кареты вон не вылез целу ночь;
Так ноги спутал мне ваш этот пунш проклятый.

Кривосудов

Нет, нет! я угощал вас, право, плоховато;
И ужин позабыл.

Бульбулькин

Да можно ль было есть?
При винах эдаких уж ужина не в честь.

Радбын

Воль-но же вам не по-по-по-ви-но-но-ваться;
Я вам го-говорил: пора-ра убираться.

Кривосудов

Но, милые мои, не час ли заседать?

Садятся.

Бульбулькин

Извольте, я готов теперь дела ломать.

Паролькин

Не поломаешь всех; скопилось их довольно.

Кривосудов

Повытчик! ну! возьми, читай реестр настольный.

Добров
(*читает*)

«Корнета Скудова иск за наследный дом,
Отнятый у него секретарем Драчом».

(*Говорит.*)

Уж третий год лежит в повытье это дело.

Кривосудов

О! мимо: пусть лежит еще три года смело,
Авось-либо тогда решим его судьбу.
Он домом смел назвать пребедную избу.

Добров
(*читает*)

«Иск вексельный Луки Ссудихина, майора,
На Володимира Хватайка, прокурора».

Кривосудов

Ах, мимо! поскорей, скорей брось этот вздор:
Помилуй, нам всего нужнее прокурор.

Добров
(*читает*)

«Через опекуна прошенье Бедняковых,
О выкупе двух сел наследственных отцовых,
На подполковницу Чужхватову, вдову
Ирину...»

Кривосудов
(*Доброву*)

С делом сим я после призову.

(*Членам.*)

Реченная, друзья, скажу меж нас, вдовица,
Наместнику она ведь внучатна сестрица:
Он жалует ее; — так, знаете — вперед!..

Бульбулькин

Ну, береженого и бог ведь бережет.

Кривосудов
(*Доброву*)

Ну!

Кохтин

(вырывает реестр у Доброва и читает, перевернув несколько листов)

«Иск асессора Ефрема Праволова
На подполковника Богдана Прямикова».

Кривосудов

Вот это кстати бы сегодня разобрать.

Бульбулькин

Добро.

Радбын

Хо-хорошо.

Паролькин

И впрямь.

Атуев

(Кохтину)

Вели подать.

Кохтин

(Доброву)

Там это на столе лежит оно особно.

Кривосудов

(Доброву)

Поближе; внятнее читай.

Добров

(читает)

«Экстракт подробный.
Своею жалобой асессор Праволов
Изобразил: майор покойный Прямиков,
Скончавшись, все свое наследное именье,
Которому всему подробно означенье
Приложено при сем, ближайшему родне
Оставил по своей покойной же жене;
А именно, Фоме майору Чужпродаву.
Сей, по наследственну и по законну праву,

Именье оное все истцу уступил
И крепость на суде, как должно, утвердил.
Законный срок прошел, и спора не явилось.
Когда ж просителю за благо рассудилось
Во обладание имений тех ввойтить,
Чтоб с них законные доходы получить,
То некакой Богдан, названье Прямикова,
Не предъявя к тому предлога никакова,
Взяв, сыном сам себя родным его назвал,
И истцу оных всех имений не давал...»

Кривосудов

Приметьте.— Не давал.

Бульбулькин

Ну, не давал, вестимо.

Кривосудов

Как это зло могло законом быть терпимо?

(К Доброву.)

Читай.

Добров

(читает)

«Хотя ж тогда проситель этот спор
Разрушил, доказав, что Прямиков-майор
Имел лишь одного во всю свою жизнь сына,
Федота, коего скора была кончина...
Затем, что оного нет более в живых.
Но не уважа суд доводов таковых,
Имение за сим Богданом же оставил
И нескольких дворян в том присягнуть заставил,
Что Прямикова сей Богдан законный сын
И всем имениям наследник лишь один.
Проситель, таковым обиженный решеньем,
С вторичным жалобным на то вступил прошеньем.
Когда ж и тут ему суд в праве отказал,
То апелляцию до срока он прислал,
В которой наконец доказывает ясно,
Что Прямикова с ним духовная согласно
Федота одного за сына признает;
А о Богдане в ней ниже полслова нет,
Которым именем ответчик сей зовется;

В чем на свидетелей он беспристрастных шлется,
На подпись собственну по всем делам его,
На совесть чистую Богдана самого,
И даже на его майорские патенты.
А как где письменны найдутся документы,
Там действовать уже присяги не должны...»

Между тем члены, нашед бутылки под столом, одну ногами повалили.

Бульбулькин[1]

Ин память вечная ему.

Паролькин

И в добрый час.

Атуев

Эк спрятали куда остаточный запас.

Паролькин

Пошарь-ка, нет ли карт: так мы б переметнули.

Бульбулькин

Будь сыт тем, что вчера с Наумыча вы сдули.

Паролькин

Да ты не видел ведь, как даму я пригнул:
Десятком рубликов за банк перешагнул.

Кривосудов

(Доброву)

Постой-ка.

(К членам.)

Кстати тут весьма приведены
Патенты штабские. Тут имя ведь прямое...
Так что он ни толкуй, уж, верно, все пустое.
Вот важный пункт!

Бульбулькин

И впрямь.

---

[1] Следующие шесть стихов произносятся одновременно с чтением Доброва, начиная с его слов: «Затем, что оного нет более в живых». *(Ред.)*

Кривосудов

(Доброву)

Ну! дале.

Добров

(читает)

«Не должны;
А как судом они неправедно даны,
То должно их почесть в сем деле за неважных;
А присягателей всех за кривоприсяжных:
Богдану ж с сей поры указом запретить
Чужое прозвище бесправно впредь носить;
А Прямикова все имения и села
Отдать просителю...»

Кривосудов

Тут явна правость дела.

Бульбулькин

Как солнце ясное.

Паролькин

Прав без обиняков.

Атуев

Да ведь на истину не много надо слов.

Кривосудов

Тут правда сущая во всех словах приметна.
Но что-то возвестит нам сторона ответна?

Добров

(читает)

«А Прямиков Богдан перед судом сказал
На все сие: хотя проситель показал,
Что за кончиною майора Прямикова
И сына-де его постигла смерть роднова,
Но утвердить сего он, истец, не успел
Ни чрез свидетелей, ниже из гласных дел,
Сколь совесть ни ломал, сколь в ябеде ни рылся;
А, напротив того, лишь только в суд явился,
То ясно доказал...»

Кохтин

(вырывая бумаги у Доброва)

Но ты стал бормотать.
Подай мне: слушай же, и научись читать.

Кривосудов

И впрямь прочти-ка ты, а то он так невнятно...

Бульбулькин

Коли уж что читать, так должно аккуратно.

Кохтин

(невнятно читает, кашляя, останавливаясь, и прочее)

«А Прямиков Богдан перед судом сказал
На все сие хотя. Проситель показал,
Что за кончиною майора; Прямикова
И сына-де его: постигла смерть роднова,
Но утвердить сего он истец не успел
Ни чрез свидетелей ниже; из гласных дел
Сколь совесть ни ломал сколь: в ябеде ни рылся
А напротив того...

(Тут останавливается, харкает, сморкает нос.)

лишь только в суд явился
То ясно доказал он, Прямиков Богдан,
Присягой двадцати; соседственных дворян,
Что Прямикова он родной сын и законный,
Что Чужпродав-майор. Совсем ему сторонний
И матери его был токмо просто: кум.

(Останавливается, нюхает табак.)

Кривосудов берет табак из его табакерки,— а он за то ему кланяется, продолжает читать и, возвыся немного голос, бормочет.

Что как ему отнюдь не вспало и на ум,
Чтоб кто-нибудь его мог продавать. Именья
Когда он был в чужих краях для обученья
То ябед плутовских, уступок и бумаг.
Через поверенных, тем меньше, на словах
Оспорить он. Не мог за двести миль; и боле
Что возвратясь в свое отечество оттоле,
И с двух сторон нашед; зажженное войной

Он долгом счел служить; и жертвовать собой
По замиренье ж...

(Тут останавливается, оборачивает листы, чешет голову, оправляет камзол.)

В дом отцовский возвратяся
Узнал что ябеда ему в родню: вплелася
В число покойников: давно его причла
И точное его наследье: продала —
Что тут презрев ее, все низкие ехидства
Крючки, законностей, пролазы и бесстыдства
На правости своей:

(Останавливается, пока окончат члены разговор свой, а тогда оканчивает чтение, возвыся голос при самом конце.)

себя он утвердил,
И хищникам; своих наследств не попустил.
В чем супротиву лжи и ябедничья кова
Священного; себе законов ждет покрова».

Во время сего чтения Радбын тотчас задремлет; потом Бульбулькин, Атуев и Паролькин встают и выходят на авансцену[1].

Бульбулькин

(вполголоса)

Ну, мастер, признаюсь, наш секретарь читать,
Хотя б подслушал черт, не мог бы разобрать.

Паролькин

Пусть мелет он; а мы подумаем о деле.
Из гвардьи отпускной сюда на сей неделе
Вельми молоденький пожаловал барчук;
Пуста головушка, но с золотцем сундук.
Мы можем, приглася его в свою беседу...

Бульбулькин

А как да не пойдет на удочку?

---

[1] Последующий текст до ремарки: «Садятся»,— произносится одновременно с чтением Кохтина. *(Ред.)*

Паролькин

Подъеду
К нему, поверь, с такой я ловкой стороны:
Уж змейки от меня к нему подпущены.
Лишь вы бы...

Атуев

Ба! да кто? не мой сосед ли это,
Что позлащенною всем хвастает каретой?

Паролькин

Тот самый.

Атуев

Ну! так всех сокровищ ты его
Не ведаешь!

Паролькин

Ужли? а именно чего?

Атуев

Красотка у него; да знаешь ли? прекрасна!

Паролькин

Поди прочь: знать, душа уж к ней твоя пристрастна:
Я видел, и не раз: ничуть не хороша.
Подденем кошелек: в нем больше барыша.

Бульбулькин

Ой! ой! вы, молодежь! ну, долго ль вам проказить
И то за кошельком, то за красоткой лазить?
Пора бы вашу жизнь уж вам остепенить.

Паролькин

А что ж прикажешь ты начать нам делать?

Бульбулькин

Пить.

Садятся.

Кривосудов

Эк вздоры!

Паролькин

Дребедень!

Атуев

Сумбур!

Бульбулькин

А штиль надут!

Радбын

Ни мы-мы-мысли нет; ни смы-мы-мысла тут.

Кохтин

Ни ссылки на указ.

Кривосудов

Какие те указы?
Ты видишь, тут одни пустые лишь рассказы,
Запутанная речь и бранные слова.
Ей, у меня от них вскружилась голова.
Пусть лучше бы он врал по-чудьски иль богемски.

Кохтин

Однак уездный суд и также верхний земский,
Решение на сих резонах утвердя
И спорное ему именье присудя,
Соперника его согласно обвинили.

Бульбулькин

Знать, пышные слова им головы вскружили.

Кривосудов

Но вы как мыслите о сем, мои друзья?

Бульбулькин

Коль правду вам сказать, так вот что мыслю я:
Что плут Богдан.

Атуев

Ей, так.

Кривосудов

И я такого ж мненья.

Радбын

То-точно так.

Паролькин

В том нет и малого сомненья.

Кривосудов

Так Праволова вы согласны оправдать?

Бульбулькин и Паролькин

Согласны.

Атуев

И весьма.

Радбын

Уж та-ки-ки-ки быть.

Кривосудов

Люблю я эдаку согласну мыслей встречу.
Так резолюцию в сей силе я отмечу?

Бульбулькин

Когда угодно вам.

Кривосудов

(написав, отдает бумагу Кохтину)

Возьми же; да поди,
Все это поскорей как надо расплоди;
И принеси журнал, чтоб подписать успели.

Кохтин, а за ним Добров уходят.

Бульбулькин

Ну! над проклятым сим мы делом попотели!

Кривосудов

Так можно отдохнуть.

Все встают.

Паролькин

(смотря на свои часы)

Двенадцатый уж час.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те ж и Хватайко.

Хватайко

Желаю здравствовать. Не потревожу ль вас?

Кривосудов

Никак: любезный гость; спокойно ль ночевали?

Хватайко

Я думаю, как все: как улеглись — не знали.

(Вполголоса.)

В передней Праволов своей судьбины ждет.
Вы не забыли ли его?

Кривосудов

Нет, милый, нет.
Уж дело все с концом: согласно мы решили.

Хватайко

Ай да спасибо вам! Вот прямо удружили!

Бульбулькин

Когда б скорей журнал...

Кривосудов

Да я ведь уж велел.

Паролькин

А вот и секретарь.

ЯВЛЕНИЕ 4

Те ж и Кохтин с журналом.

Кохтин

(отдавая бумагу Кривосудову)

В минутную поспел.

Бульбулькин

Ну, впрямь спроворил вмиг.

Кривосудов

(подписывая)

Итак, перекрестяся.

Бульбулькин

(подписав)

Эк живо подмахнул!

Атуев

(подписывая)

И я, благословяся.

Паролькин

(Радбыну, который хочет читать бумагу)

Да ну, пожалуй, нас читаньем не смеши:
Еже писах, писах.

Радбын

(подписав, Паролькину)

Так на ж, ты пи-пиши.

Паролькин

(подписав, отдает бумагу Кривосудову)

Вот подчеркнул и я.

Кривосудов

Бумага и готова.

(К Кохтину.)

Возьми.

Хватайко

Так можно уж позвать к вам Праволова?

Кривосудов

(Кохтину, который отворяет дверь)

Охотно; прикажи.

Хватайко

Ну, как же эта весть
Обрадует его! судя как ни на есть,
А дело тысяч в сто.

ЯВЛЕНИЕ 5

Те ж и Праволов.

Праволов

Слуга ваш всенижайший.

Кривосудов

И мы усердные...

Бульбулькин
(потрепавши Праволова по плечу)

И скромны слуги ваши.

Хватайко

(Праволову)

Какой тебе, мой друг, сегодня снился сон?

Праволов

К чему вопрос такой?

Атуев

(Праволову)

Ты знаешь ли, ведь он
Снотолкователем недавно учинился.

Хватайко

(Праволову)

Вчерашним пуншевым ты чаном окатился
Во сне, наверное?

Праволов

А может быть, и так.

Паролькин

А это, говорят, хороший будто знак.

Праволов

Я благодарен вам за доброе значенье.

Бульбулькин

За потерпенье ведь дает бог и спасенье.

ЯВЛЕНИЕ 6

Те ж и Добров.

Добров

(несет два пакета и отдает их Кривосудову)
С почтамта лишь сейчас они принесены.

Кривосудов

Посмотрим, нет ли-то какой в них новизны?
(Распечатывает и отдает Хватайку один пакет.)
Судебно око ты; пожалуй, потрудися.

Хватайко
(развернув бумагу)

От приказали ведь?

(Читает.)

«А как в сенат стеклися
Из разных главных мест, правлений и судов,
Репорты, коими асессор Праволов
В поносных ябедах, злодейственных беспутствах,
В разбоях, грабежах и даже душегубствах
Довольно приличен...»

(К Праволову.)

Кой черт! смотри-ка, брат!
(Читает.)

«Довольно приличен, то для того сенат
Присутственным местам всем сим повелевает
Строжайший обыск...»

Праволов

Ох! кровь в жилах замерзает.

Хватайко

(читает)

«О Праволове сем повсюду предписать;
И где найдется он, сковав, под стражу взять
И крепко содержать до нового указу».

Правслов

Погиб я!

Хватайко

(К Праволову)

Вот те на! какую же проказу?..

Праволов

(падая на колени и подняв вверх обе руки, между коих записная книжка видна)

Да что уж говорить! не погуби, спаси.

Хватайко

Да ты возможного, голубчик, лишь проси.
Ведь тож и у меня спина-то щекотлива.

Праволов

Пропал навеки я! о хищность нечестива!

(Бежит вон.)

Хватайко

(бежит за ним)

Куда? постой, вернись! Чтоб он куда не сгиб.

ЯВЛЕНИЕ 7

Кривосудов, Бульбулькин, Атуев, Паролькин, Радбын, Кохтин и Добров.

Атуев

Я вне себя!

Паролькин

Кой черт!

Кривосудов

Меня как гром ушиб.

Бульбулькин

Мне кажется, я пьян.

Радбын

Ек-ек-ек-еко диво!

Кривосудов

Да как с ним эдак вдруг незапно, несчастливо!
Я не сберусь с умом. Но дай-ка нам прочесть.

(Берет другой пакет.)

И эту вещь. Очки; тут что-нибудь да есть.
О чем сенату к нам писать, и столько много?

(Читает вслух.)

Вот на! «Гражданскую палату всю... и строго...»
Ахти! пропали мы!

(Роняет из рук бумагу и падает в кресла.)

Бульбулькин

За что? перекрестись!

Атуев

Неужли впрямь?

Паролькин

Господь, господь с тобой, очнись.

Радбын

Ек-еко диво!

Кохтин

Ну, пришло и нам, знать, круто!

Подымают бумагу и все, сбежавшись, читают.

Добров

(в сторону)

Крутили ведь и вы!

Кривосудов

О скорбь! о горе люто!

ЯВЛЕНИЕ 8

Те ж, Фекла, София и Анна.

Фекла

Что за беда у вас? о чем так сильный крик?

Кривосудов

Пропали мы!

Фекла

(Кривосудову)

Да как? ну ж! поверни язык.

Кривосудов

Погибли, говорю, ну! сгибли да пропали!

Фекла

(к Бульбулькину)

Да как?

Бульбулькин

Погибли так, как ввек не погибали.

Фекла

(К Паролькину)

За что?

Паролькин

За то, что нам пришел прямой уж мат!

Фекла

(к Атуеву)

Взбешусь: скажите мне...

Атуев

Уж все сказал сенат.

Фекла

(к Радбыну)

Сенат! ахти! и впрямь: да что же вам оттуда?

Радбын

Ввек-ек-ек-екого не ждал я чу-чу-чуда!

Фекла

(к Кохтину)

Хоть ты мне растолкуй.

Кохтин

Да толк тут не далек:
За бабушкин, знать, грех нас всех попутал бог.

Фекла

(к Доброву)

Хоть ты...

Добров

О том вся скорбь, что вздумалось сенату
Нас в уголовну всех препроводить палату.

Фекла

Ахти мне! да за что?

Кривосудов

Да то-то и беда,
Что осудили нас без всякого суда.
Ну, льзя ли, по одним доносам лишь злословным,
Велеть нас всех судить порядком уголовным?
За взятки, якобы, за толк кривой в делах
Законов будто...

Фекла

Как? как? на пустых словах
Сенат уверился? Сенат нас обвиняет?
Да кто ж нам взятки дал? кто нас изобличает?
Без права, без суда честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорять, страмить нас, убивать!
Да что? зачем ему мешаться в эти вздоры?
В одном лишь разве здесь суде засели воры?
И к нам не дьявол ли занес стол красный в дом?
Прочь с ним отсель,— я все поставлю кверху дном.

Опрокидывает стол; все члены и Кохтин разбегаются; под столом увидя бутылки, Фекла Кривосудову, с радостью.

А кто принес?

Кривосудов

Никто. Остатки, знать, вчерашни.

ЯВЛЕНИЕ 9

Кривосудов, Фекла, София, Анна и Добров.

Фекла
(свернув руки, стоит)

Ахти! беда! беда!

Кривосудов

Твои вот это шашни:
Через тебя и я, и весь мой дом погиб.

Фекла

Через меня? да ты сидел в суде, как гриб,
Как истукан, как пень, как олух, как осел,
Как рохля; в жизнь твою ты двух концов не свел.

Кривосудов

Сведи же ты теперь.

Фекла

Сведи! еще бормочет;
И он же голову еще вскружить мне хочет!
Слышь, не дразни; а то...

(Бросается к нему.)

София

Ах, матушка! я вас
Прошу...

Фекла
(Софии)

И ты туда ж? поди с моих ты глаз.

Кривосудов

Да не тони ее; она беды не знает,
Что уж ее жених в остроге заседает.

Фекла

Кто?

Кривосудов

Праволов.

Фекла

Ахти! За что?

Кривосудов

Сенат велел
Сковать; и скован уж: так, стало, не без дел.

Фекла

Ахти! пришла беда! ахти мне! умираю.
(Падает в обморок.)
София и Анна бросаются ей помогать.

ЯВЛЕНИЕ 10

Те ж и Прямиков.

Прямиков

Простите мне, сударь, что смелость принимаю
Прийти к вам; ваше я несчастие узнал;
Жалея искренно, за первый долг считал
Спешить утешить вас и разделить печали.
(К Фекле, пришедшей в себя.)
Хотя вы на меня немного пороптали,
Сударыня! но я надеждой льщуся той,
Что, сами оправдя теперь поступок мой,
Усердья моего почувствуете цену.

Кривосудов

Вы счастья нашего узнали перемену?

Прямиков

Но чувствований я моих не пременил;
И вам готов помочь колико будет сил.
Счастлив, когда б мои услуги предуспели
Склонить вас, чтобы вы с приятностью глядели
На нежну страсть мою.

Фекла

Вы много чести нам...
Я, право, вас стыжусь. Когда угодно вам...
С моей я стороны согласна всей душею.

Кривосудов

И я тож; да и вы, я чай, согласны с нею.

София

Ах! признаюсь, что мне он не противен был.

Кривосудов

(соединяя их руки)

Ну! дай же бог! чтоб он тебе был вечно мил!

Прямиков

(целуя руки Софии)

Какое счастие!

София

Какая перемена!

Кривосудов

Теперь моя печаль немного облегченна.

Анна

Авось-либо и все нам с рук сойдет слегка.

Добров

Впрямь: моет, говорят ведь, руку-де рука;
А с уголовною гражданская палата,
Ей-ей, частехонько живет запанибрата;
Не то, при торжестве уже каком ни есть,
Под милостивый вас поддвинут манифест.

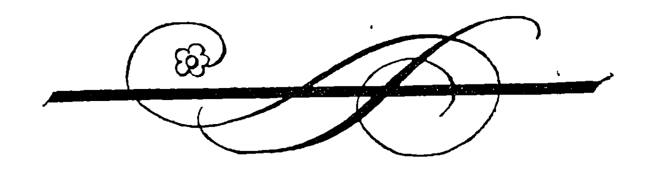
Кривосудов

Ну! что ни говори, а дело плоховато!

Анна

Жить ябедой и тем: что взято, то и свято.

СТИХОТВОРЕНИЯ



САТИРА
ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Кто сколько ни сердись, а я начну браниться;
С бездельством, с глупостью людской мне не ужиться,
Везде продерзостный беспутство кажет вид;
Бесчестие в чести, из моды вышел стыд.
Почти с кем ни сойдусь, с кем речь ни начинаю,
Или невежество, или порок встречаю.
Куда ни кинь, так клин: тот честен, так глупец;
Другой умен, так плут, ханжа, обманщик, льстец;
И, словом, в свете сем так редки Аристиды,
Как гладкие стихи в творце Телемахиды.
В приказе некогда расправы я искал,
В котором *Бестолков* судьею заседал.
Бесспорно, *Бестолков* был честен, благороден,
Ни правых обвинить, ни взятки брать не сроден,
Был добрый человек и мне служить хотел,
Но сделать мне добра, к несчастью, не умел.
Жена его умна и мне б помочь умела,
Но я был не по ней, могла, да не хотела.
Что ж делать? искони таков уже сей свет:
Не глупость, так порок в нем первенство берет:
Надутов в знать вошел — так всех пренебрегает,
Завистов чином мал — так знатных презирает,
И хочет, предприяв ничьих заслуг не чтить,
Иль всем равнять себя, иль всех с собой сравнить.
Казну обворовав, обворовав соседов,
И вором на суде изобличенный *Вредов*,
По милости людей, которых обокрал,

Избавился столба и ссылки миновал;
Теперь боярам брат, деревни покупает
И тех каретою своею в грязь толкает,
Которых по миру таскаться он пустил.
А я, чтоб я таких уродов не журил?
Чтоб, видя глупости одних, других пороки,
Я стал молчать? нет, нет; скорей, отсроча сроки,
Не станет ростовщик на росты росты драть,
Скорей подьячие не станут взятки брать,
Скорей по-людски жить и мыслить *Чуднов* станет,
Чем правдой мой язык их уличать устанет.
Послушай каждого: уверит и *Ролет,*
Что совести своей внаем не отдает
И правосудием он торговать не смеет,
Вредить, обманывать, лукавить не умеет;
Хоть доброй славой нищ, да честностью богат,
И, словом, верь ему, он наших дней Сократ.
Но сколько тягостно быть честным, каждый знает:
Долг добродетели нас часто принуждает,
Корысть свою забыв, пожертвовать другим
Покоем, временем, имением своим,
Что часто нам самим напасть иль вред наводит;
Так верных в том иной расчетов не находит;
Но чтоб другим своих пороков не казать,
За добродетель их умеет выдавать.
И все на свете сем, как в вольном маскераде,
Не в обычайном им, не в свойственном наряде,
Закрывшись масками, подложный кажут вид,
Пока еще не весь в них истребился стыд.
«Ах, здравствуй, душенька! ну! как ты поживаешь?
Я так тебя люблю; а ты нас покидаешь!
Да что-то грустен ты? скажи, любезный друг!
Скажи мне, что могу я для твоих услуг?
Я всем готов... Постой, твой кошелек в кончине,
Я еду выиграть, так если в половине
Ты хочешь быть со мной, то я тебе божусь,
Что сотнею-другой с тобою поделюсь».
Вот так *Щечилов* мне усердно предлагает
Обворовать меня, он дружески желает
Затем меня игрой продать другим плутам,
Чтоб с ними разделить мой вексель пополам.
Учености надев личину дерзновенно,

Самхвалов хочет всех насильно, неотменно
Уверить о своем и знанье и цене;
Он, качества свои хваля наедине,
Упорно в том себя нередко уверяет,
Что он и то, о чем в свой век не слышал, знает;
Но, пухлым слогом вздор стараясь заглушить,
Принудил дураков себя премудрым чтить.
Пиитом *Чуднов* быть взяв на себя обузу,
Неволею свою летать заставил музу,
Свой мелкомысленный славенско-русский бред
За образец ума и вкуса выдает;
Но он бы с *Мевием* со временем сравнялся,
За пышной мыслию когда бы не гонялся
И не старался бы, желая вверх парить,
В стихах своих Луну зубами ухватить.
Ну что ж? пускай его никто не понимает;
Читатель ничего иль мало в том теряет;
Его несносный бред, прельщающий глупца,
Не столько пагубен, как сладка речь льстеца.
Злохват бежит ко мне, прижав к груди, целует
И благодетелем и другом именует;
Клянется, что он всем пожертвовать мне рад,
И клятвами острит коварной злобы яд;
Он рвется, мучится, отчаяньем мятется,
Пока конца моей напасти не дождется.
Драч совесть выдает свою за образец;
А *Драч* так истцов драл, как алчный волк овец;
Он был моим судьей и другом быть мне клялся,
Я взятки дать ему, не знав его, боялся;
Соперник мой его и знал и сам был плут,
Разграбив весь мой дом, позвал меня на суд.
Напрасно брал себе закон я в оборону:
Драч правдой покривить умел и по закону;
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота;
Меня ж разграбили, меня ж и обвинили
И вору заплатить бесчестье осудили.
Я не окончил бы, когда б хотел я счесть
Пути, которыми людей проводит лесть.
Сей трусит предо мной, а за глаза поносит;
Тот друга моего затем лишь имя носит,
Чтоб как при случае меня обворовать;
Другой затем, что я могу ему достать

Тот чин, которого добиться он желает;
Иной министр меня лишь для того ласкает,
Что в нем дела мои и разум почтены;
Другой не для того, но для моей жены.
Тот от меня занять, тот поживиться хочет,
И всяк на счет чужой лишь про себя хлопочет.
Теперь не так уж глуп, как в старину был свет;
Предубеждения и нравы древних лет
Из моды вывелись, равно как их наряды;
Друг другу услужить, помочь друг другу рады,
Бывало, праотцы теперешних отцов.
(С свечою поискать теперь таких глупцов.)
Во все сердца уже проникло просвещенье;
В том славу полагать, в чем было поношенье,
Бесчестье и порок согнать с лица земли,
Быть правыми во всем два средства мы нашли:
Одно — людской молвы себя превыше ставить;
Другое — всяко зло в хороши толки плавить.
Тот всеми по делам бездельником почтен,
Напрасно, говорит, я светом осужден,
Молву людскую я и толки презираю,
Довольно, что я сам себя честным считаю.
От общепринятых тот правил отступив
И философии свой разум посвятив,
Отечеством своим вселенну всю считает,
А порознь каждого щечит и обирает.
Хотя уже теперь рачительной рукой
Восстановя в своем владении покой,
Екатерина путь к нестройствам заградила,
Злодеям суд творя, злу жало притупила,
Дает нам способы друг другу помогать
И цену каждого достоинств отличать:
Со всем тем, сколь она о благе ни печется,
Злодейство рушится, а глупость остается.
Монархиня легко могла попрать Луну,
Монархов примирить, искоренить войну,
И легче б силою вселенну покорила,
Чем из числа людей глупцов искоренила.
Она науками России жизнь дает,
И, воспитанием распространяя свет,
Под сению своей художества покоит,
Искусству, разуму покровы, храмы строит
И мрак невежества, и хищность, корень зла,

Из всех подвластных ей пределов прогнала;
Счастливит нас, хранит, покоит, просвещает;
Но глупости ничто, никак не истребляет:
Науки возросли, художества цветут,
Родятся авторы, а глупость тут как тут.
Как в ниве, многими удобренной трудами,
Проникнув, плевелы промежду колосами,
Неспелый повредя, глушат созрелый плод;
Так вольный в свет себе глупцы позволя вход,
Не быв посеяны, растут и созревают,
Дают худой пример и знанья затмевают.
Иные, чтоб себя пред светом отличить,
Усердием своим стремятся помрачить
Дела монархини, воспев их недостойно,
Нелепым голосом и низко и нестройно.
Я, сам моложе быв, их смелостью польщен
И дерзким сделаться примером поощрен,
Желая поместить себя в их вздорном лике,
Стихами слабыми и на чужом языке
Екатеринины пел славные дела;
Тогда как их уже давно перевела
Не на один, на все земных племен языки
Молва, гласящая царей дела велики.
Итак, без воли муз я славить то желал,
О чем весь свет греметь насилу успевал.
О! если бы тогда какой наставник строгий
Внушил мне, сколько дух и разум мой убогий,
Ко прославлению великих дел ея,
Что всуе глас крепить усердьем тщился я;
Что мне ее дела и имя в свете славить
Так кстати, как бы горсть воды в Неву прибавить,
О, сколько б я его теперь благодарил:
Он из числа глупцов меня бы искупил.
Но если б вздумало правление уставом
Глупцов принудить быть всегда в рассудке здравом,
То, верно б, я и весь ослиный их собор
Совсем сошли с ума, ему наперекор.
Закон—преграда злым, спокойство утверждает,
От сильного руки бессильных защищает;
Злодейство может он карать, искоренить,
Но глупостей людских не в силах истребить.
Так что ж? не должно ли изыскивать стараться,
Чем с глупостью глупцов принудить бы расстаться?

Пиитов научить без смысла не греметь
И веру теплую к рассудку возыметь?
Но можно ли каким спасительным законом
Принудить *Мевия* мириться с Аполлоном?
Не ставить на подряд за деньги гнусных од
И рылом не мутить кастальских чистых вод?
Толпа несмысленных и мерзких рифмотворцев,
Слагателей вранья и сущих умоборцев,
Со всем семейством их, не убоясь судов,
Напутав кое-как и прозы и стихов,
В свет могут их пустить без пошлин, без окладу,
Уму, читателям и музам на досаду.
Злодеям казнь грозит и строгости суда;
Презрение и стыд — бездельникам узда;
А делать глупости всяк может без препоны.
Когда ж духовные и светские законы
Не могут правами власть глупости унять,
Так что ж осталося? — ей зеркало казать,
В которое взглянув, себя бы устыдилась.
Сатира, кажется, на то лишь и родилась,
Чтоб в лицах с глупостью порок изображать
И корень их и власть во нравах истреблять,
Колючей шуткой ум и сердце исправляя.
Итак, когда глупцы, стихи сии читая,
Похожими себя в иных местах найдут,
Да не винят меня за беспристрастный суд:
Я, правдою внушен, пишу ее уставы.
Глупцы, бездельники, свои испортя нравы,
Не должны на меня за то одно восстать,
Что я пороки их старался исправлять;
Я им добра желал; а если и восстанут
И, рассердясь, меня ругать за правду станут,
То, презря с твердостью неправедный их гнев
И снисхождением их буйство одолев,
За наглую их брань не стану я сердиться;
Я не с людьми хочу, с пороками браниться.

ОДА НА НАДЕЖДУ

Леса, влекущие к покою!
Чертог любви и тихих дней!
Куда вы с прежней красотою
Сокрылись от моих очей?
Вас та же зелень украшает;
Но мне того уж не являет,
Чем дух бывал прельщаем мой:
Везде меня тягчат печали;
Везде, где прежде восхищали
Утехи, счастье и покой.

О рок! о судия жестокий!
Неумолимый царь времен!
Доколе буду слез потоки
Я лить, тобою осужден?
Доколе, в сердце скорби кроя,
Я буду прежнего покоя
Искать, в злосчастии стеня?
Иль бед моих окончи время,
Или уж всех напастей бремя,
Собрав, повергни на меня.

В терпенье мудрый познаваем,
Несчастьем испытуем он;
Но где сверьх меры мы страдаем,
Там тщетен мудрости закон:
Рожденная надежда с нами,
Доколь хоть тихими стопами
К концу напастей нас ведет;

Еще рассудок помогает:
А в ком надежда исчезает,
Под косу смерти тот течет.

С юнейших лет жестокой власти
Уже я бремя ощущал
И начал чувствовать напасти,
Как скоро чувствовать я стал;
Но днесь оне прешли пределы.
Сбери, о рок, острейши стрелы,
Стремись мне ими грудь пронзать;
Не убоюсь грозы напрасной:
Сразив меня рукою властной,
Ты слаб мой дух поколебать.

Ты слаб! ах, нет; сей мысли верить
Есть ложной льстить себя мечтой.
Я мог душою лицемерить
Пред всеми, но не пред собой.
Я мог страстей таить волненье,
Скрывать на сердце огорченье
И скорбь в груди запечатлеть;
Но, душу скрыть от всех умея
И ею вне себя владея,
Внутри себя не мог владеть.

Страдал,— и скорби остро жало,
Таящеесь в груди моей,
Тем глубже сердце уязвляло,
Чем больше крылось от очей.
Печаль, являюща отраду,
Подобна пагубному яду,
Который, в лестном виде сна,
Коварну смерть уготовляет.
Конец терпенья предваряет
Души притворна тишина.

Ручей, который с гор стремится,
Сверкает, пенится, ревет,
Сквозь дебри роется, мутится
И камни быстриной несет,
Не столько в ярости опасен,
Как ток, который тих, безгласен,

Подмывши брег, притворно спит;
Он бездну тишиной скрывает:
Тот рвенье чувств изображает,
А сей — отчаяния вид.

Еще не свершены печали
И луч надежды не исчез,
Пока стенанья не престали
И ток не осушился слез:
Но коль и сих отрад лишенно,
Несчастьем сердце удрученно
Таит в себе жестокость бед,—
Се час ужасный наступает:
Унынье душу омрачает,
А вслед отчаянье течет.

Но, внемля истины уставам,
В печалях должно ль унывать,
И должно ль счастия отравам
Свое спокойствие вверять?
Надежды должно ль нам лишаться,
Томить себя, стенать, терзаться,
Когда преходит все как прах?
Когда для нас и горесть люта,
И час, и каждая минута
К блаженству будущему шаг?

Почто ж, коль в свете все пременно,
Почто печальми дух тягчить?
Быть может, что судьбой смягченной
Мне суждено и в счастье жить;
Быть может, что спешит уж время,
Когда напастей тяжко бремя
Она, отторгнув от меня,
На место их щедрот рукою
Устроит дни мои к покою,
В блаженство горесть пременя.

Надежда, смертных утешитель!
Ты будь моих подпорой сил:
В тебе единой вседержитель
Спокойство наше утвердил.

Твой глас несчастных уверяет,
Что рок те бедствия скончает,
Которых бремя их тягчит;
А в счастии ты в том порука,
Что никогда уж с ним разлука
К напастям нас не возвратит.

А вы, леса! где грусть я крою,
Простите мне, что я посмел
Теснящею меня тоскою
Встревожить тихий ваш предел.
Несчастье вы мое внимали.
Когда же рок, прогнав печали,
В которых дух мятется мой,
Пошлет мне прежне благоденство,
Тогда прийду к вам петь блаженство
И тем ваш усладить покой.

ОДА НА РАБСТВО

Приемля лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою;
И, соглася с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной:
Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою.

А ты, который обладаешь
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злого их навета!
Соделай, да владыки света
Внушат мою нелестну речь;
Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь подъемлют
Тобою им врученный меч.

В печальны мысли погруженный,
Пойду, от людства удалюсь
На холм, древами осененный;
В густую рощу уклонюсь;
Под мрачным, мшистым дубом сяду.
Там моему прискорбну взгляду
Прискорбный все являет вид:

Ручей там с ревом гору роет;
Унывно ветр меж сосен воет;
Летя с древ, томно лист шумит.

Куда ни обращу зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих;
Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них.

Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастие народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! судьбе угодно было,
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь.

Так древле мира вседержитель
Из мрака словом свет создал,—
А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей;
Где нет любезныя свободы
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,

Несчастий полну чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
И зляе смерти жизнь влекут.

Насилия властей страшатся;
Потупя взор, должны стенать;
Подняв главу, воззреть боятся
На жезл, готовый их карать.
В веригах рабства унывают;
Низвергнуть ига не дерзают,
Обременяющего их;
От страха казни цепенеют
И мыслию насилу смеют
Роптать против оков своих.

Я вижу их, они исходят
Поспешно из жилищ своих.
Но для чего с собой выводят
Несущих розы дев младых?
Почто, в знак радости народной,
В забаве искренной, свободной
Сей празднуют прискорбный час?
Чей образ лаврами венчают
И за кого днесь воссылают
К творцу своих молений глас?

Ты зришь, царица, се ликует
Стенящий в узах твой народ.
Се он с восторгом торжествует
Твой громкий на престол восход.
Ярем свой тяжкий кротко сносит
И благ тебе от неба просит,
Из мысли бедство истребя;
А ты его обременяешь:
Ты цепь на руки налагаешь,
Благословящие тебя.

Так мать, забыв природу в гневе,
Дитя, ласкающеесь к ней,
Которое носила в чреве,
С досадой гонит прочь с очей;
Улыбке и слезам не внемлет;

В свирепстве от сосцей отъемлет
Невинный, бедственный свой плод;
В страданье с ним не сострадает;
И прежде сиротства ввергает
Его в злосчастие сирот.

Но ты, которыя щедроты
Подвластные боготворят!
Коль суд твой, коль твои доброты
И злопреступника щадят,
Возможно ль, чтоб сама ты ныне
Повергла в жертву злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
И мыслей чужда ты суровых;
Так что же? благ не скрыла ль новы
Под мнимым гнетом бедствий сих?

Когда, пары и мглу сгущая,
Светило дня свой кроет вид,
Гром, мрачны тучи разрывая,
Небесный свод зажечь грозит.
От громкого перунов треска
И молнии горящей блеска
Мятется трепетна земля;
Но солнце страх сей отгоняет
И град сгущенный растопляет,
Дождем проливши на поля.

Так ты, возлюбленна судьбою
Царица преданных сердец,
Взложенный вышнего рукою
Носяща с славою венец!
Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твоея лучами,
Как бурным вихрем, разобьешь;
И к благу бедствие устроя,
Унылых чад твоих покоя,
На жизнь их радости прольешь.

Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериг постыдно сложишь бремя
С отчизны моея драгой.

Тогда, о лестно填 упованье!
Прервется в тех краях стенанье,
Где в первый раз узрел я свет.
Там, вместо воплей и стенаний,
Раздастся шум рукоплесканий
И с счастьем вольность процветет.

Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою;
Тогда, вослед правдивой славы,
С блаженством твоея державы
Твое я имя воспою.

СКАЗАВШЕМУ ОБО МНЕ: «В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ УРОДА»

Не грубостью твоей меня ты огорчаешь,
Но ласки, *Стиховраль,* несносны мне твои:
За что меня в твое семейство ты вмещаешь!
Ну, пусть я и урод, да не твоей семьи.

*

Недавно вздумалось *Героду*
В две строфы сделать оду,
И только лишь о том
Герод наш суетится,
Чтобы своим ее наполнить всю умом;
Посетуйте о нем:
Бедняжка разорится!

*

Напрасно *Стихобред* сказал,
Что братом уж давно осла я почитал:
Я, право, побожуся,
Что в жизнь осла и не видал,
А в правде сей пошлюся
На *Стихобреда* самого:
Пускай он скажет сам, где видел я его?

ОДА НА ИСТРЕБЛЕНИЕ В РОССИИ ЗВАНИЯ РАБА ЕКАТЕРИНОЮ ВТОРОЮ, В 15 ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ 1786 ГОДА

Красуйся, счастлива Россия!
Восторгом радостным пылай;
Встречая времена златые,
Главу цветами увенчай;
В порфиру светлу облекися;
Веселья миром умастися.
Да глас твой в песнях возгремит,
Исполнит радостью вселенну:
Тебе свободу драгоценну
Екатерина днесь дарит.

О дар божественныя длани!
Дар истинных богоцарей!
Достойных вечной сердца дани,
Достойных мира алтарей!
Российские сыны! теките,
Усердья жертвы принесите:
Мы с ними той к стопам падем,
Чья нас десница восставляет,
Оковы с наших рук снимает
И с вый невольничий ярем.

С времен, в забвении лежащих,
Наш род был славен на земли.
Везде с молвой побед гремящих
Российски лавры возросли.
Не там лишь, где восшедша Феба,
Текущего по своду неба

И в понт сходяща виден свет;
Но там, где бог сей не сияет,
Завесы звездной не вскрывает,
Где вечно мрачна ночь живет.

Среди такого блеска славы,
Побед, которым нет числа,
Во узах собственной державы
Россия рабства дни влекла.
Когда чужую цепь терзала,
Сама в веригах унывала
И не рвала своих оков;
Но раболепными руками
Упадших пред ее ногами
Царей брала под свой покров.

Теперь, о радость несказанна!
О день, светляе дня побед!
Царица, небом ниспосланна,
Неволи тяжки узы рвет;
Россия! ты свободна ныне!
Ликуй: вовек в Екатерине
Ты благость бога зреть должна:
Она тебе вновь жизнь дарует
И счастье с вольностью связует
На все грядущи времена.

Обилие рекой польется
И ризу позлатит полей.
Глас громких песней разнесется,
Где раздавался звук цепей.
Девиц и юнош хороводы
Выводят уж вослед свободы
Забавы в рощи за собой;
И старость, игом лет согбенна,
Пред гробом зрится восхищенна,
С свободой встретя век златой.

Развязанными днесь крылами
Орел российский воспарит
Над гордыми его врагами;
С высот их выи поразит;
Обвившись пламенем перуна,

В Эвксине из руки Нептуна
Трезубый жезл исторгнет он;
В дальнейшие врагов пределы
Пошлет молниеносны стрелы
И раздробит сарматский трон.

Лети, пернатых царь! взносися,
Главой касайся небесам;
Над кровом вечности спустися;
Внеси в ее священный храм
Священный лик Екатерины.
Бессмертных дел ее картины
Там изваянны на стенах;
Да узрят веки отдаленны,
Колико времена блаженны
Текут в подвластных ей странах.

А ты, которая свободу,
Как животворный свет, даришь!
Знай, что российскому народу
Ты вечну цепь принять велишь:
Мы прежде власти покорялись;
В плену днесь кротости остались,
И стали пленнее стократ:
Твои щедроты бесконечны,
Сии сердец оковы вечны,
И дух свободы покорят.

В потомстве благодарны россы,
Наследники времен златых,
Воздвигнут в честь твою колоссы,
Блестящи славой дел твоих.
В них кроткий образ изваянный,
Рукою правды увенчанный,
Святиться будет в род и род:
И время, кое все сражает,
Бессмертну косу изломает
Об памятник твоих щедрот.

СТИХИ НА ПЕРЕВОД «ИЛИАДЫ» Г. КОСТРОВЫМ

Седьм знатных городов Европы и Ассии
Стязались; кто из них Омира в свет родил?
Костров их спор решил:
Он днесь в стихах своих России
Отца стихов усыновил.

ОДА НА СМЕРТЬ СЫНА

Доколе рок свирепый станет
Меня бичом напастей гнать;
И по частям когда престанет
Мое он сердце раздирать?
С любезным братом разлученье
И друга верного лишенье
Едва оплакать я успел,
Се вновь жестокая судьбина
Велит мне смерть оплакать сына,
Что в гроб мою надежду свел.

Отцы и матери несчастны!
Моею тронуты тоской,
Прийдите, ваши души страстны
Да сострадают днесь со мной.
Слезами стих сей оросите
И горести моей простите,
Коль ваши раны обновит:
Лишенный сил средь волн ревущих,
За ближних ухватясь плывущих,
Спастися гибнущий спешит.

А вы, родители счастливы!
Внемлите скорбну песнь сию.
Коль души в вас чадолюбивы,
Восчувствуйте печаль мою.
Взглянув на ваших чад любезных...
Не пожалейте токов слезных
Над плачущим отцом пролить.

Да бог вас не лишит отрады!
И да возмогут ваши чады
До гроба вам весельем быть!

Мое веселие прервалось,
И сына моего уж нет.
О сердце, кое им прельщалось,
Претерпевай всю лютость бед.
А вы, утех лишенны очи!
Покройтеся завесой ночи;
Или в источник горьких слез
Неиссякающ превратитесь;
Надеждою отрад не льститесь:
Луч радости моей исчез.

Исчез; и навсегда сокрылся
Во гробе сына моего.
Увы! навеки я лишился,
Вовек не узрю уж его.
О сын мой! ты, как нежна роза,
Свирепством раннего мороза
Сраженная, поблек, увял;
Как цвет, листов не распустивший,
Одну зарю лишь только живший,
Иссох и полдня не видал.

Уже ты на меня не взглянешь,
Улыбкой нежной осклабясь,
И рук умильно не протянешь,
В объятья матери просясь;
Не будешь, нас ко всем ревнуя,
Играя с нею и целуя,
Мое ты имя затвержать;
Не будешь, сидя между нами,
Твоими нежными руками
Ты наши выи сопрягать.

И мне, покрыту сединою,
Подпорою не будешь ты.
Согбенный старости рукою,
Несносны жизни тяготы
Один я понесу, стоная;
И, к долу седину склоняя,

Проткнусь без помощи жезла.
Тогда, печалью изнуренный,
Паду, бедами удрученный,
Под игом лет, болезней, зла!

Паду, как ветхая обитель,
На столб опершая чело,
На кой, природы разрушитель,
С косою время налегло
И сильной мышцею сломало.
Пал столб, и зданье затрещало;
Потрясши дряхлою главой,
Обрушилося, развалилось,
С лицом земли уже сровнилось
И скоро порастет травой.

Безумен, кто себя на бренный
Надежды якорь обопрет!
Как жезл сей, сверху изощренный,
На нем возлегшу длань пробьет,
Так нам надежда изменяет.
О сын мой! над тобой рыдает
Отец твой, льстившийся лишь тем,
Что ты сомкнешь его зеницу,
Что хладную его гробницу
Омоешь теплых слез ручьем.

Но я твои закрыл днесь очи,
Я твой последний вздох приял;
Под кров сходяща вечной ночи
Потоком слезным омывал.
Я заступ движущей насилу
Рукой изрыл тебе могилу
И хладный прах твой в ней покрыл
Землею, смешанной с слезами;
Усыпал я ее цветами
И дуб трилетний посадил.

Как древо то, так я, несчастный,
К гробнице приклонюсь твоей.
Заря, и дня светило ясно,
И звезды, спутницы ночей,
Меня найдут у сей могилы.

Там вопль мой, горестный, унылый,
Мой сын, тебя ко мне зовет;
Но ты молчишь, о тень драгая!
Лишь эхо, стон мой повторяя,
Со мною томно вопиет.

Не узрю я тебя, доколе
Прядется паркой жизнь моя.
Увы! не возвращает боле
Нам гроб добычи своея
И гласу горести не внемлет.
О сын мой! смерть тебя отъемлет
От томныя груди моей,
Не дав тебе познать утехи,
И чрез забавы, игры, смехи
Вкусить приятства жизни сей.

Приятства! — нет; о сын любезный!
Я обольстить тебя хотел,
В судьбине смертных, скорбной, слезной,
Никто прямых приятств не зрел.
Всяк должен дань платить печали.
Где смертны счастия искали,
Там встретило их ждуще зло.
Блаженство твердое, прямое,
В младенчестве земли, златое
С собою время унесло.

Так ты, мой сын, счастлив неложно,
Что жил времен один лишь миг;
Что, жизнью не томясь тревожной,
До тихой пристани достиг,
Поспешным пренесен зефиром.
Покойся днесь, покойся с миром,
Любезная, дражайша тень!
Завидую твоей я доле,
Жалея, что не в смертных воле
Последний ускорить наш день.

Но о твоей, мой сын, разлуке
Уже я боле не грущу;
Не предаюся горькой скуке,
И на судьбину не ропщу.

С отрадой жду я тех мгновений,
Когда рок цепь моих мучений,
В источник благ переменя,
Из бедствий жизнь мою искупит,
Когда с тобою совокупит
На лоне вечности меня.

Теперь уж я твою гробницу
Не возмущу моей тоской;
И, сев на ней, мою зеницу
Потщусь не омочить слезой.
Но солнцу, ставшу над горами,
Я поспешу твой гроб цветами
Устлать и миром оросить.
Творцу, на месте сем священном,
Я буду в сердце восхищенном
Хвалений жертву приносить.

Тут часто ночь меня застанет.
При свете бледныя луны
Мой дух там воскрыляться станет
К пределам вечной тишины
И в мыслях созерцать вселенну,
Душой всесильной оживленну.
Там, может статься, тень твоя
Мне будет меж дерев мечтаться;
И там я буду научаться
О цели жизни моея.

ОТВЕТ РАФАЕЛА ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

Рафаел Санкцио Урбинский,
За Стикс отшедший на покой,
Мурзе Орды Киргизской, Крымской,
Каракалпацкой, Золотой,
А подлинно какой, не знает,
Здоровья, счастия желает
И просит сей принять ответ
На то посланье длинновато,
Которое Эрмий крылатый
Ему на сей доставил свет.

Мурза! сто тридцать повелений,
Предписанных тобою мне,
Признаться, удивили тени,
Живущи в здешней стороне:
Казалось им то очень странно,
Что так слегка и столь пространный
Ты вздумал мне урок задать.
Над коего и сотой долей,
Поверь, со всею доброй волей,
Пришло бы в пень Апеллу стать.

Ты, видно, думал, что не диво
Изобразившим вещество
Изобразить достойно, живо
И непостижно божество;
Что как воображенью слово,
Так краской мастерство готово
Высоку мысль глазам казать;
И как ума паренья скоры,

Так кисти смелые узоры
И чувствам образ могут дать.

Но нет, Мурза! не так не трудно,
Как то себе мечтаешь ты,
Всех прелестей собранье чудно
Искусно слить в одне черты;
Чтоб душу ангела небесна
Представила краса телесна.
Мы солнце видим каждый день;
Однако вся искусства сила
Изобразить сего светила
Одну подобья может тень.

Не так легко «над полвселенной
На сорок токмо двух столбах
Престол поставить вознесенный,
В осьми смотрящийся морях;
Так ноги распростерть орлины,
Чтоб сжал одною зев он львиный,
Другой рога луны сгибал;
И написать, как гром горящий,
В деснице кроткой, злым грозящий,
Гремел из уст, но не сражал».

А ты хотел, чтобы все дива,
Которы нам ты возвестил,
Чтоб опись славных дел архива
В одну картину я вместил!
Хоть знал я тщетное желанье,
Но все употребил старанье
Тебе сколь можно угодить;
И так пустяся наудачу,
Чтобы решить твою задачу,
Я предприял ее дробить.

Сперва, созвав в совет согласный
Весь живописный наш синклит,
Фелицы твоея прекрасной
Решился я представить вид;
А чтоб исполнить чудно дело,
Юноны сановитой тело

Минервиной главой свершил;
И, прелестьми трех граций нежных
Покрыв, о чреслах белоснежных
Кипридин пояс обложил.

И восхищался... как, пред мною
Представши, бей каких-то орд,
Под шапкой, бритой головою
И длинными усами горд,
Спросил: кого изображаю?
«Фелицу».— «Как, ее? — я чаю,
Что бредишь ты,— брось кисти прочь,
И труд, мой друг, оставь напрасный:
Ее ли образ то прекрасный?
Он сходен с ним, как с полднем ночь».

Сказал и с гневом удалился.
Приветством удивлен таким,
Я речь завесть поторопился
О чудной сей Фелице с ним.
Догнав его: «О бей почтенный! —
Сказал,— оставим несравненный
Фелицын вид; позволь спросить
Совета, как бы кисть счастлива
Могла сего осьмого дива
Хоть подвиги изобразить?»

«Хоть подвиги? — не трудно дело
Затеял ты в уме своем!
Хотя б вас сто над ним сидело
Весь век, вы встали бы ни с чем.
Для рам обширной толь картины
Мал лес всей здешней палестины;
А где взять красок и кистей?
Опомнися, тебе ль пристало
Явить нам ясное зерцало
Великих дел царевны сей?

Над всеми царствами вселенной
Она возносится как кедр
Над тростью гибкой, униженной,
Чуть выросшей из влажных недр.
Державный скипетр простирает:

На царства там граждан венчает;
В подданство царствы здесь берет;
Тут в брань текущи зря державы,
Претить потоки лишь кровавы,
И суд и мир им подает.

Се гром и треск ее перуна,
Страшилища владык земли,
С полнощи грянув, дом Нептуна
В Средземном понте потрясли.
Там гидр она в волнах сжигала;
Луну надменну затмевала
Крылами своего орла;
И, царств не возмутя покою,
В предел свой сильною рукою
Пространно море вовлекла.

Но слова ли возможет сила
Явить в величии своем,
Как мрак полнощи просветила
Она премудрости лучом?
Как с подданных сняла оковы,
В них души поселила новы,
И как, где труд свой не свершен
За прагом гроба оставляла,
Она там счастье засевала
Для жатвы будущих племен.

Но что! по всей вселенной ныне
Гремят дела ее одной;
И на пространной сей холстине
Насилу кистию златой
Писать их слава успевает;
То как рука твоя дерзает
Подъять толь непомерный труд?
Оставь, мой друг, не суетися;
Кому дивится свет — дивися:
А кисть и краски спрячь под спуд».

Премудрого сего совета,
Мурза! отнюдь не презрю я.
Итак, Фелицына портрета,
Ниже картины дел ея,

Тебе доставить не намерен.
Когда ж ты в способах уверен
Те чуда живо написать,
То кисть и краски пред тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что живо так умел сказать.

ЧИЖИК

Милый чижик желтобокий!
Кверху, друг мой, не взлетай,
Не клади гнезда высоко,
Но в густой траве свивай.
Ты взгляни, как ястреб гладный
Над тобой уже парит,
Как, твоей он крови жадный,
Кохти на тебя острит.

Вырос илем над горою;
Но там, зной ли дышит,— жжет;
Буря ль налетит с грозою,—
Ломит ветви, листья рвет.
А в долине ива мшиста,
Бури не боясь, стоит.
Там струя, катяся, чиста
В жарки дни ее поит.

Так зачем и мне крушиться,
Что вельможей не рожден?
Тот пусть ищет век томиться,
Кто тщеславием вскружен.
Я же низменной стезею
От мирских сует уйду.
Труд деля с драгой семьею,
Счастье в бедности найду.

НЕВЕРНОСТЬ

Поля, леса густые!
Спокойствия предел!
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел.
Судьбы моей премену
Теперь я вам пою:
Лизетину измену
И верность к ней мою.

В глазах ее всечасно
Любви огонь блистал;
Казалось, так же страстно
И дух ее пылал.
Но взор младой Лизеты
Стремился лишь пленять.
Ах! как в такие леты
Уметь уж изменять!

Приятны разговоры,
Улыбка, страстный вид
И самы нежны взоры —
Все в ней притворно льстит.
Но все в ней прелесть нова!
Ах! пусть она б была
Или не так сурова,
Или не так мила.

Лесок, где я тоскую,
Где счастье зрел мое!

Напомни мне драгую —
Я все люблю ее.
Ее неверность знаю,
Тьму горестей терплю;
Всечасно ей пеняю,
А все ее люблю.

НА СМЕРТЬ ЮЛИИ

Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина.
Выходит из-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Петь скорбь, объявшу дух.
Прийди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

У хладной сей могилы,
Под тенью древ густых,
Услышь мой вопль унылый
И вздохов стон моих.
Здесь Юлии любезной
Прах милый погребен.
Я лить над ним ток слезный
Навеки осужден.

Подобно розе нежной,
Ты, Юлия, цвела;
Ты в жизни сей мятежной
Мне друг, мне все была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать
Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон:

Слезами омоченной
Немеет лиры звон.
Безмолвною тоскою
Сильняй теснится дух:
Прийди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг!

ОДА НА СЧАСТИЕ

Весна приятна возвратилась;
Блестящу росу пьют поля;
Зеленым бархатом покрылась
И тысячьми цветов земля;
Оделись листием дубравы;
Кусты и благовонны травы
Нам испаряют аромат;
С гор зеркальны струи катятся,
И в рощах хоры птиц гнездятся,
Поющи новы дни отрад.

Взойду на холм — мой взор веселый
Везде довольство, негу зрит:
В долу спокойно бык дебелый
Близ стада тучного лежит;
Там бодрый конь, поднявши гриву,
И хвост, и выю горделиву,
Играет вкруг своих подруг.
Тут козы брань ведут, резвяся;
Там паствой овцы насладяся,
Блеяньем наполняют луг.

Везде, и в воздухе сем чистом,
По всей поверхности земли,
В полях, в лугах, в лесу тенистом,
Зефиры радость разнесли.
Весны влияния отрадны
И звери ощутя зложадны,
Питают нежный жар в крови,
Приятным чувством умягченный;

И все, вновь в мире оживленно,
Дань платит счастью и любви.

Все дань любви и счастью платит!
Лишь человек из тварей всех
Часы в заботах, в скуке тратит,
От общих уклонясь утех.
Несытых вечно полн желаний,
В кругу пустых надежд, мечтаний
Проводит он и ночь и день;
Простых, природных благ чуждаясь,
Сует в дедале заблуждаясь,
Хватает счастья токмо тень.

Один посевы оставляет
И плуг наследный от отцов;
В меч острый рало превращает
И в буйстве ищет лишь — врагов.
Обманут гласом ложной славы,
Собратий ток лиет кровавый
И старцев и сирот разит;
И льстится, обагряя длани,
Что кровь пиюще поле брани
Ему лавр вечный возрастит!

Другой, стада продавши тучны
И дом рожденья своего,
Где с детством игры неразлучны
Всю жизнь лелеяли его;
Жену оставя безотрадну,
Чтобы корысть насытить жадну,
Изменным вверился зыбям;
Он плач родных сухим зрит оком,
И вод в волнении жестоком
Лишь злато льстит его очам.

Иной, лишь в пиршествах, забавах
Все счастье света заключив
И неги в сладостных отравах
Здоровье, душу истощив,
В вихрь роскоши себя ввергает;
Он средства лишь изобретает

От самого себя бежать;
Летяще невозвратно время
Он силится, как тяжко бремя,
Тщетою праздной погублять.

Но на различных сих дорогах
Страстьми влекомый человек
По кратковременных тревогах
Златый обресть мечтая век,
В отрадном, в истинном покое
Возможет ли сыскать прямое
Блаженство жизни своея?
Ах, нет! — чем к цели он скорее
Течет, тем от него быстрее
Цель удаляется сия.

С какими бедствами, трудами
Стяжаний ищет он драгих!
Скопляются они веками —
Единый миг уносит их.
Честей и знатности степени
Как легки исчезают тени;
Кто плевлы сеет — их и жнет.
Прельщенна видами пустыми,
Душа не насладится ими:
Прямого счастия в них нет.

О счастье! всех страстей пружина!
Всех мыслей, чаяний, трудов,
Желаний всех, о цель едина!
Прийди, поведай, где твой кров?
Скажи нам, где ты обитаешь?
На троне ли в венце сияешь,
Иль поселилось в шалашах;
Или, оставя человека,
На крыльях золотого века
Взлетев, живешь на небесах?

Обремененный нищетою,
Презреньем общим посрамлен,
Раб ропщет: для чего судьбою
Рабом он в свет произведен?
Он, пышностью вельмож прельщаясь,

«Блажен,— гласит,— кто, наслаждаясь
Богатством, дней число своих
Числом забав, пиров счисляет!
Он век моих утех вмещает
В один своих веселий миг!»

«Я властью вознесен и славой,—
Речет монарх,— я смертных бог.
Я сильною моей державой
Врагов моих стер гордый рог.
В забавах, в неге утопаю;
Но счастия не обретаю
Ни средь побед, ни средь пиров.
Спокойство от меня уходит;
Спокойство в хижине находит
Последний раб моих рабов».

Когда ж своею в свете частью
Никто не удовлетворен,
Так неужель нам путь ко счастью
Стеною вечной прегражден?
На то ль от бога жизнь прияли,
Чтоб, жертвой будучи печали,
Кляли мы жизни каждый час?
Никак — источник совершенства,
Он сотворил нас для блаженства,
Блаженство сотворил для нас.

Виновны мы, что, льстясь мечтами
И блеском призраков пустых,
Живущее блаженство с нами
Стяжать желаем чрез других;
Что вечно токмо в чуждой доле,
То в хижине, то на престоле,
Обресть надеемся покой;
И, ослепленные пристрастьем,
Весь век свой гонимся за счастьем,
Нося его всегда с собой.

Познай, о человек! сколь смежно
С тобою благ струя течет,
И как сама десницей нежной
Своих питомцев к ней ведет

Премудра, щедрая природа,
Что совесть чистая, свобода,
Здоровье и насущный хлеб
Довлеют к твоему покою.
Будь с ними счастлив сам собою
И дар благослови судеб.

А если бог, чтоб безмятежну
Украсить жизнь венцом отрад,
Пошлет тебе супругу нежну,
Правдива друга, добрых чад,
О, счастлив, счастлив ты не лестно!
Для чувств любови сердце тесно
Ты в недра дружества пролей
И, чужд мирских сует, наветов,
Блаженством сих драгих предметов
Удвой твоих блаженство дней.

Удвой; но, ах! с приумноженьем
Сих счастия узлов драгих
Стократ мучительным язвленьем
Коварно жало скорбей злых
Грозит, о смертный! нам всечасно:
Какое сердце толь бесстрастно,
Толь твердо, жестко может быть,
Чтоб близких так души залогов
Болезнь, печаль и смерть без вздохов,
Без ропота могло сносить?

Увы! возможно ль капель слезных
Не уронить с унылых вежд,
Воззрев на прах детей любезных,
На гроб приятнейших надежд?
Слезами не омыв зеницу,
Воссесть на хладную гробницу
Иль друга, иль драгой жены;
И не терзаться над могилой,
Где жизни, уж навек постылой,
Все радости погребены?

Несчастный! в скорби сей сердечной,
Приди; дай руку мне; пойдем;
Пред троном благ, любви предвечной

С повиновением падем;
И из-под праха глас умильный
Возвысим: да рукой всесильной
Стесненно сердце укрепит!
Печалей да смягчит грызенья;
Противу горестей стремленья
Да ниспошлет нам веры щит!

О вера! глас творца вселенной,
Святейший луч его лучей,
Отрада жизни угнетенной,
Душевна здравия елей!
Оставь небесную обитель:
Снийди; будь вождь нам, просветитель;
Наставь нас, что доколе мы
Вериг не сбросим тела страстна,
Не можем света, нам причастна,
От сродной нам отторгнуть тьмы.

Что жизни в дебри сей терновой
Мы странствовать во мгле должны;
Что там — за ней — день светит новый;
Что смертные преселены
В то обиталище святое,
Вкушают счастие прямое
И радость полной чашей пьют;
От смерти к вечности избранны,
Венцом нетленным увенчанны,
Небесной жизнию живут.

Но здесь одна лишь добродетель
Источник неисчерпных благ;
Отрад чистейших нам содетель.
В болезнях, в нищете, в бедах
Она печали услаждает
И равномерно сочетает
Себя с владыкой и с рабом.
Ни тать, ни враг, стихии злобны
Ее похитить не удобны:
В сердцах она свой зиждет дом.

Воззрим на мужа благотворна:
Что сладостней его отрад?

Улыбка нежна, непритворна
Им воскормленных чуждых чад,
Признательна слеза вдовицы,
Исторгнутых из рук убийцы
Благословение сирот,
И вздох отрадный старца нища —
Какая сердцу сладка пища!
Какий утех бессмертный плод!

Возмогут ли болезнь, гоненья,
Печаль и сонм напастей злых,
Средь толь приятна восхищенья,
Не притупить всех жал своих
И на стезях колючих, тесных
Лишить его утех небесных,
Восторга нежного сердец,
Когда за жизнью скоротечной
Ему священна вера вечный
Готовит радости венец?

О вера! уст твоих уроки
Ослабший дух мой подкрепят,
С тобой и горести жестоки
Меня теперь уж не сразят.
Убожество, болезнь и бедство,
Как человечества наследство,
С терпеньем буду принимать;
И в тишине, средь мала круга
Любезных чад, жены и друга,
Блаженство временно вкушать.

А если б хоть на миг судьбину
Несчастных мог я усладить,
Хоть вздох, хотя слезу едину
Скорбящего остановить
Иль мокру осушить зеницу,
О, сколь всещедрую десницу
Творца благословил бы я!
С какой отрадою сердечной
У прага жизни бесконечной
Предел бы жизни зрел сея!

Прийди ж, весна! как ты цветами
Пестришь поверхности полей,
Так дружества, любви венками
Я путь моих усыплю дней.
В тенистых рощах заблуждаясь,
Природы красотой пленяясь,
Невидимых небес красу
В ней, как в зерцале, зреть я стану
И льститься, что хоть здесь увяну,
Но плод бессмертный принесу.

КАРТОН

ПОЭМА, ТВОРЕНИЕ ДРЕВНЕГО КАЛЕДОНСКОГО БАРДА ОССИЯНА, СЫНА ЦАРЯ ФИНГАЛА

События веков протекших!
Деяния минувших лет!
Воскресните в моих вы песнях.

Журчание твоих, о Лора, чистых струй
Прошедша времени мне память возвращает.
Приятен слуху моему,
О Гермалат, твоей дубравы шум унылый!
Не видишь ли, Мальвина, ты
Скалы, вереском осененной?
Три ели от ее низвесились чела;
У ног излучиста долина зеленеет.
Там, нежну вознося главу,
Красуется цветок душистый.
Уединенно там растет седый волчец
И белыми, на ветр летящими власами
Зеленый устилает луг.
Два камня, вросшие до половины в землю,
Подъемлют мшистые главы.
Пужливая отголь в ночи уходит серна:
Она там призрак бледный зрит,
Священное сие всегда стрегущий место.
Два славны воины, Мальвина,
Лежат в ущелье сей скалы.

События веков протекших,
Деяния минувших лет!
Воскресните в моих вы песнях.

Кто сей, грядущий к нам из дальных чуждых стран
Среди своей несметной рати?
Морвенски знамена предшествуют ему;
В густых его кудрях играет легкий ветр;
Спокойный вид его войной не угрожает
Он тих, как луч вечерний,
Сквозь тонки западны светящий облака
На злачную долину Коны.
Но кто, как не Фингал, Комгалов храбрый сын,
Владыка, подвигами славный?
Он радостно холмы отечественны зрит
И тысяще велит воскликнуть голосам:

«Народы дальныя страны!
На ратном вы кровавом поле
Фингалом в бег обращены.
Сидящий на златом престоле
Владыка мира слышит весть
О гибели несметных воев:
В очах его пылает месть.
Ко сонму избранных героев
Стремя укорну, грозну речь,
Хватает он отцовский меч,
Лежащий на златом престоле.
Народы дальныя страны!
На ратном вы кровавом поле
Фингалом в бег обращены».

Так бардов сонм воспел, входя в чертоги Сельмы;
Несметно множество светильников драгих,
Отъятых у врага, средь сонма возжигают.
Готовится огромный пир,
И ночь в веселье протекает.
«Но где же Клесамор? — спросил Фингал державный,—
Где Морны верный брат, в день радости моей?
Уныл, уединен,
Он дни свои влачит в долине шумной Лоры.
Но се я зрю его: он с холма к нам нисходит,
Подобен быстрому коню,
Гордящемусь своей и силой и красой,
Когда по шуму легка ветра

Товарищей своих он слышит издалече
И бурно на скаку
Блестящу возметает гриву.
Да здравствует наш друг, могущий Клесамор!
Почто так долго ты отсутствовал из Сельмы?»
И так воскликнул Клесамор:
«Фингал со славой возвратился!
Такою славою Комгал
Венчался в юности на бранях;
Мы часто преходили с ним
Чрез быстрые струи Каруна
В страну иноплеменных чад;
Наш меч не возвращался с боя
Не обагренный в их крови;
И мира царь не веселился.
Но почто воспоминаю
Времена сражений наших?
Уж глава моя дрожаща
Сединою осребрилась;
Дряхлая рука отвыкла
Напрягать мой лук упругий,
И уж легкое насилу
Я копье подъемлю ныне.
О, когда бы возвратилась
Радость, дух мой ожививша,
При любезном первом взгляде
На прекрасную Моину,
Белогруду, светлооку,
Нежну чужеземну дщерь!»
«Повеждь нам,— рек Фингал могущий,—
Печали юности твоей.
Уныние, как темна туча,
Сокрывша солнца светлый вид,
Мрачит твою стесненну душу.
Все мысли смутны днесь твои
На берегах шумящей Лоры.
Повеждь нам скорби юных дней
И жизни твоея печали».
«В мирно время,— отвечает Клесамор ему,—
Ко балклутским плыл стенам я белокаменным.
Ветр попутный, раздувая паруса мои,
Внес корабль мой во спокойну пристань Клутскую.
Три дни тамо Рейтамир нас угощал в пирах;

Там царя сего я видел дочь прекрасную.
Медочерпна чаша пиршеств обходила вкруг,
И Моину черноброву мне вручил отец.
Грудь сей девы пене шумных волн подобилась;
Взоры пламенны равнялись с блеском ясных звезд,
Мягки кудри — с чернотою перьев ворона.
Страстью мне она платила за любовь мою,
И в восторгах мое сердце изливалося.
Но внезапно к нам приходит иностранный вождь,
Восхищенный уж издавна ее прелестьми.
Ежечасно речь строптиву обращал он к нам.
Часто в полы извлекая свой булатный меч,
«Где? — гласил он,— где Комгал днесь пресмыкается?
Сей могущий, храбрый витязь — вождь ночных бродяг.
Знать, стремится он к Балклуте с своим воинством,
Что так гордо подымает Клесамор чело».
«Знай, о воин! — вопреки я отвечал ему, —
Что мой дух своим лишь жаром вспламеняется:
Хоть от храбрыя дружины удален теперь,
Но без страха и средь тьмы врагов беседую.
Велеречишь ты, заставши одного меня;
Но мой острый при бедре меч сотрясается:
Он стремится возблистать теперь в руке моей.
Замолчи же о Комгале, мрачный Клуты сын!»
Воскипела буйна гордость,— мы сразилися;
Но он пал моей десницей. Брани громкий звук
Лишь раздался на вершинах тока клутского,
Копей тысячи блеснули супротив меня.
Я сражался,— супостаты одолели нас,
Я пустился на шумящи волны клутские;
Над зыбями забелелись паруса мои,
И корабль мой рассекал уж море синее.
К брегу притекает скорбная Моина;
Взор ее прелестный слезы орошали;
Ветры раздували косы распущенны.
Вопль ее унылый издали я слышал;
В горести старался возвратиться к брегу;
Но восточны ветры, паруса раздравши,
Унесли корабль мой в бездну океана.
С той поры злосчастной я не видел боле
Ни потока клутска, ни драгой Моины.
Во стенах Балклуты жизнь она скончала.
Тень ее воздушну я, несчастный, видел,

Как она во мраке тишины полнощной
Вдоль шумящей Лоры близ меня неслася.
Вид ее печальный был луне подобен,
Сквозь несомы бурей облака смотрящей
В ночь, когда нам небо сыплет снег пушистый
И земля безмолвна в мраке почивает».

«Пойте, барды! — рек Фингал,—
Пойте, в песнях возносите
Блеск Моининых красот;
Чрез пространство шумных вод
Легку тень ее зовите.

Пусть она на сих брегах
С сонмами красавиц нежных,
Живших средь героев прежних
В славных древности веках,
Пусть на светлых, безмятежных
Здесь почиет облаках.

Пойте, барды! возносите
Блеск Моининых красот;
Чрез пространство шумных вод
Легку тень ее зовите.

Я видел сам огромные балклутские башни;
Но пусты уж, оставлены их теремы были.
Пожрал огонь с оградою высокие кровы.
Народа глас не слышался, и стремленье Клуты
С стези своей свратилося твердых стен паденьем.
Седой волчец сребристу там главу возносит,
И мох густый колеблется дыханием ветра,
Из окон лишь пустынны выглядывают звери,
Сквозь мрачный лист в развалинах разросшегось терна.
Уж пусты днесь прекрасные чертоги Моины,
Вселилося безмолвие в дому ее предков.
Возвысим песнь уныния, воздохнув, оплачем
Страну иноплеменную, опустевшу ныне:
Единым лишь мгновением она пала прежде;
И нам, уже стареющим, скоро пасть приходит.
Почто ж, о сын крылатых дней, почто зиздешь башни?
Сегодня ты любуешься с теремов высоких,
А завтра, вдруг налетевши, пустынные ветры

В разваленных сенях твоих засвистят, завоют
Вокруг полуистлевшего щита славных предков.

Но бурный ветр пускай ревет;
Дней наших славы не убудет:
В полях сражений ввек пребудет
Десниц победоносных след,
А в песнях бардов — слава наша.
Возвысьте громкой арфы глас;
Да вкруг обходит празднеств чаша,
И радость да живет средь нас.

Когда, о царь златых лучей,
И твой свет некогда увянет;
Коль некогда тебя не станет,
Гордящеесь светило дней,
Коль временно твое блистанье,
Как жизни преходящей цвет,
То славы нашея сиянье
Лучи твои переживет».

Так пел Фингал в своем восторге;
И бардов тысяща вокруг,
Склонившись на своих престолах,
Внимали голосу его.
Он сладок был, как звуки арфы,
Весенним ветром приносимы.
Любезны были, о Фингал,
И пение твое и мысли!
Зачем я не возмог наследить
Приятств и сил твоей души?
Но ты в героях беспримерен;
Сравниться кто возмог с тобой?

Всю ночь пропели мы, и утро
В веселии застало нас.
Уж гор седых главы взносилися верх туч;
Уже приятно открывалось
Лазурное лицо морей;
И се, поднявшись, белы волны
Вращаются вокруг скалы сей отдаленной.
Из моря медленно подъемлется туман,
Приемлет старца вид
И вдоль безмолвныя долины сей несется.

Не движутся огромны члены
Призрака страшного сего,
Но нека тень его несет поверх холмов;
Остановясь над кровом Сельмы,
Разлился он дождем кровавым.
Один Фингал лишь зрел ужасный призрак сей;
Тогда ж он предузнал своих героев смерть,
Безмолвен возвратясь он в свой чертог огромный,
Снимает со стены тяжелое копье,
И уж звучит броня на раменах его.
Вокруг его встают все витязи Морвена,
Друг на друга они в безмолвии глядят,
И на Фингала все свой обращают взор.
Они в чертах его зрят яростны угрозы
И гибель их врагов в движении копья.
Вдруг тысяча щитов покрыли перси их,
И тысяча мечей булатных обнаженны,
Чертоги осветя, сверкают уж в руках.
Раздался в воздухе оружий бранных гром,
Недвижны ловчих псы ужасный вой подъемлют.
Безмолвно все вожди теснятся вкруг царя:
Всяк, взоры устремя на грозный взор Фингала,
Наносит на копье нетрепетную длань.
«Морвенские сыны! — царь к сонму так вещает,—
Не время пиршеством нам прохлаждаться ныне.
Се туча брани к нам, как бурный вихрь, летит,
И с нею алчна смерть парит над сей страною.
Я видел некую Фингала дружну тень,
Пришедшу возвестить наветы сопротивных:
На брег сей сильну рать шумящи шлют моря.
Из волн вознесшийся, я зрел неложный знак,
Морвенским берегам опасностью грозящий.
Да сильное копье всяк воин вознесет;
Да препояшутся булатными мечами
И, предков шлемами приосенив главы,
Железною броней покроют рамена;
Се буря брани к нам летит; и вскоре, вскоре
Глас смерти лютыя услышим над главой».
Фингал перед челом неустрашимой рати
Течет, как некий страшный вихрь,
Летящий пред грядой молниеносных туч,
Когда они, на мрачном небе
Простершися, пловцам предвозвещают бурю.

На злачный Коны холм восшедши, стала рать.
Морвена дщери зрят ее из низких долов,
Подобную густой дубраве.
Они предвидели младых героев смерть;
Взирали с ужасом на море;
Белеющимися волнами
Тревожились они,
Приемля их за отдаленны
Ветрила чуждых кораблей,
И токи слезные лились по их ланитам.
Восшедшу солнцу над волнами,
Вдали узрели мы суда,
Как моря синего туман.
Приближились они, и браноносных воев
На берег извергают.
Меж ими виден был их вождь,
Подобно как елень в средине стада серн.
Насечен златом щит его;
Бесстрашно шествовал он к Сельме;
За ним его могуща рать.
«Улин! — так рек Фингал,— навстречу чужеземцу
Теки и предложи во мирных словесах,
Что страшны мы на ратном поле;
Что многочисленны врагов здесь наших тени;
Что чужды витязи, на пиршествах моих
Осыпанны честьми, и в отдаленных царствах
Оружие моих великих кажут предков:
Иноплеменники, дивясь, благословят
Морвенских всех друзей: зане слух нашей славы
Наполнил целый мир, и даже в их чертогах
Мы потрясли владык земли».
Улин отшел. Фингал, склонившись на копье,
Броней покрыт, взирал на грозна супостата
И тако размышлял о нем:

«О, как ты сановит и красен,
О сын лазуревых морей!
Твой меч — как огненосный луч;
Копье твое — высока сосна,
Пренебрегающая бурю;
Твой щит — как полная луна;
Румяно юное лицо
И мягки вьющиеся кудри.

Но, может быть, герой падет;
И память с ним его увянет.
Млада вдова на волны взглянет
И токи теплых слез прольет.
Ей дети скажут: «Лодка мчится;
Конечно, к нам несут моря
Корабль балклутского царя».
Она вздохнет и сокрушится
О юном витязе драгом,
Что спит в Морвене вечным сном».
Так Сельмы царь вещал, когда певец морвенский
Улин приближился к могущему Картону.
Он перед ним поверг копье
И мирну возглашает песнь:

«О чадо моря отдаленна!
Прийди на пиршестве воссесть
Царя холмистого Морвена
Или спеши копье вознесть.
В веселье дружелюбна пира,
Вкушающи с ним чашу мира,
Приемлют знамениту честь:
На славу в их домах хранятся
Оружия сих стран царей;
Народы дальны им дивятся
И чтят Фингаловых друзей.
Зане мы с предков славны были;
Все облаки, весь воздух сей
Теньми противных населили
И гордого царя земли
В его чертогах потрясли.
Взгляни ты на поля зелены,
Могилы камни зри на них,
Из недр возникшие земных,
Травой и мохом покровенны:
Все гробы наших то врагов,
Чад моря и чужих брегов».
«Велеречивый мирный бард! — ему возразил Картон,—
Иль мечтаешь ты разглагольствовать с слабым воином?
Ты приметил ли на лице моем бледный страха знак?
Иль надеешься, вспоминая мне гибель ратников,
Смерти ужасом возмутить мою душу робкую?
Но в сражениях многочисленных отличился я;

И в далекие царства слух о мне простирается.
Не грози ты мне; и не здесь ищи робких слабых душ,
Чтоб совет им дать пред царем твоим покоритися.
Я падение зрел балклутских стен; так могу ль воссесть
В мирном пиршестве сына лютого того воина,
Чьей десницею устлан пепелом дом отцов моих?
Я младенцем был и не знал, о чем девы плакали;
С удовольствием клубы дыма зрел, восстающие
Из твердынь моих; со веселием озираяся,
Зрел друзей моих, убегающих по вершинам гор.
Но младенчеству протекающу, как увидел я
Мох, густеющий на развалинах наших гордых стен,
При всхождении утра слышался мой унылый вздох,
И в тени нощной токи слез моих проливалися.
Не сражуся ли, я вещал друзьям, с вражьим племенем?
Так, о мирный бард, я сражуся с ним: отомщу ему!
Пламень мужества днесь в душе моей возгорается».
Вокруг Картона рать стеснилась;
Все извлекают вдруг сверкающи мечи.
Как огнен столп, средь их стоит их сильный вождь,
В очах его блестит слеза;
На память он привел падение Балклуты;
Но вдруг скопившееся в душе негодованье
Воспламенило гнев его.
Он яростны кидает взоры
На холм, где наша сильна рать
Во всеоружии блистала;
И, наклонившися вперед,
Казалось, угрожал Фингалу.
«Идти ли мне против героя? —
Так сильный размышлял Фингал,—
Препнуть ли мне шаги его,
Пока он славой не покрылся?»
Но барды будущих веков
Рекут, воззрев на гроб Картона:
«Фингал со тысящми героев,
Против Картона ополчась,
Едва возмог решить победу».
«Никак, о бард времен грядущих,
Ты славы не затмишь моей!
С сим юным витязем сразятся
Отважны воины Морвена;
Я буду зреть сраженье их;

Когда Картон восторжествует,
Тогда, как быстрый Коны ток,
Фингал на битву устремится.
Кто хощет из моих героев
Идти во сретенье врагу?
Несметна рать его на бреге,
И страшно острое копье».
Стремится в бой Катул, могущий сын Лормара,
И триста воев соплеменных
Последуют его стопам.
Но длань его слаба в сражении с Картоном:
Он пал; рать в бег обращена —
Коннал возобновляет битву;
Но преломил копье, и, в узы заключен,
Картон преследует его бегущих воев.
«О Клесамор! — вещает царь,—
Где сильныя руки копье?
Без гнева можешь ли во узах зреть Коннала,
На Лорском берегу с тобой живуща друга?
Восстани во броне блестящей,
Сподвижник моего отца!
Да ощутит балклутский витязь
Морвенских мужество сынов».
Сотрясая грозно кудри, Клесамор в броне восстал
И, щитом своим покрывшись, гордо на врага идет.
Юный воин на скале сей, терном покровенной, став,
Созерцает величаву поступь витязя сего.
Он любуется весельем грозным старцева лица
И той силой, что сберег он под маститой сединой.
«Устремить ли мне противу старца,— так он размышлял,—
Необыкшее двукратно наносить удар копье;
Или старость пощадити, мирны предложа слова?
Сановит и вид и поступь, стан его еще не дряхл.
Есть ли то супруг Моины, есть ли то родитель мой?..
Часто слышал я, что шумный брег он Лоры обитал».
Так он рек. И Клесамор уж сильное копье стремит.
На щите своем недвижном сей удар сдержал Картон.
«Умащенный сединами витязь! — он вещал ему,—
Иль ты сына не имеешь, кой бы твердым мог щитом
Своего отца покрывши, ратовать против меня?
Нежная твоя супруга света дневного не зрит,
Иль рыдает над гробницей чад возлюбленных своих?

Средь царей ли восседаешь? Много ль славы будет мне,
Если ты моей рукою в ратном подвиге падешь?»
«Будет слава знаменита,— отвещает Клесамор,—
Отличился я в сраженьях, но о имени моем
Ввек в бою я не поведал. Сдайся, сдайся, и тогда
Ты узнаешь, что на многих битвах след прославлен мой».
«Не сдавался никому я,— гордый возразил Картон.—
Сам я также на множайших бранях поразил врагов;
И впреди еще, я чаю, больша слава ждет меня.
Юных лет моих и силы, старец, ты не презирай;
Верь, крепка моя десница, твердо и копье мое.
Уклонися с поля брани к сонму ты друзей своих
И оставь сраженье младшим витязям Морвенских
стран».
«Ты презрел меня напрасно,— отвещает Клесамор,
Уроня слезу едину,— старость не трясет руки.
Я могу еще взносити острый славных предков меч.
Мне ль бежать в глазах Фингала, друга, столь любезна
мне?
Нет, о воин! с поля брани в жизни я не утекал.
Возноси копье дебело; стой и защищай себя!..»
Оба витязя сразились, как две бури на волнах,
Спорящи о царстве моря. Юный воин воспрещал
Сильному копью разити старца, ратующа с ним:
Все в враге своем Моины зреть супруга он мечтал.
Он копье его ломает, острый исторгает меч;
И, схватя, уже стремится узами отяготить;
Но тут предков нож извлекши, зря открытый бок врага,
Клесамор внезапно раной смертною разит его.
Фингал, зря падшего Картона,
Стремится, возгремев броней.
В присутствии его безмолвна стала рать.
Все взоры на царя вперились.
Звук шествия его подобен шуму был,
Предшествующу грозной буре:
Спустившийся ловец внимает и спешит
В ущелии скалы сокрыться.
Картон нетрепетным лицом Фингала ждет.
Из ребр его стремится кровь.
Он зрит идущего героя,
И лестная надежда славы

Бодрит великий дух его.
Но побледнели уж румяные ланиты;
Густые кудри распустились;
На голове трепещет шлем;
Телесные его изнемогают силы;
Но не теряла сил душа.
Фингал зрит кровь сего героя,
И, занесенное остановя копье,—
«Смирися, царь мечей! — вещает он ему.—
Я вижу кровь твою, ты силен был в сраженье,
И славы блеск твоей не истребится век».
«Не ты ль тот знаменитый царь,—
В ответ ему Картон вещает,—
Тот огнь, перун тот смертоносный,
Колеблющий владык земли?
Но как могу я усумниться?
Подобен ведь он току гор,
Стремящемусь в долину с ревом;
Подобен быстрому орлу,
Парящему над облаками.
Увы! почто же не возмог
С царем морвенским я сразиться?
Моя бы память песней бардов
В веках грядущих пронеслась.
Ловец сказал бы, зря мой гроб:
«Он ратовал против Фингала...»
Но ах! безвестен пал Картон:
Над слабым истощил он силу».
«Никак; ты не умрешь безвестен,—
Ответствовал ему Фингал,—
Несчетны барды стран моих:
Их песни в вечность раздадутся.
Сыны грядущих лет услышат
О славных подвигах твоих,
Когда вокруг горяща дуба
Всю ночь препроводят во пенье
Деяний прежних славных дел.
Ловец, сидящий на лугу,
Свистание услыша ветра,
Подымет очи — и увидит
Скалу, где ратовал Картон.
Он, к сыну обратясь, укажет
Места, где витязи сражались:

«Там, аки быстрая река,
Сражался сильный царь Балклуты».

Радость процвела на лице Картона.
Томные глаза он к Фингалу взводит
И вручает меч бранноносной длани:
Хочет: да висит в царском чертоге;
Да хранится ввек на брегах Морвена
Память храбрых дел витязя балклутска.
Брань перестает; барды мир воспели;
Рать стеснилась вся около Картона:
На копья вожди в горести склонились
Воле и словам внять его последним:
«Я исчез, о царь Морвена,
Средь цветущих дней и славы.
Чуждыя страны гробница
Восприемлет днесь остаток
Древня рода Рейтамира,
Горесть царствует в Балклуте;
Скорби осеняют Ратмо.
Воскреси ж мою ты память
На брегах шумящей Лоры,
Где мои витали предки,
Может быть, супруг Моины
Там оплачет гроб Картона».
Речь сия пронзила сердце Клесамора:
Слова не промолвив, он упал на сына.
Мрачно и безмолвно войско вкруг стояло.
Ночь пришла; багрова вверх луна восшедши,
Лишь лучом кровавым поле освещала.
Рать не шевелилась, как густа дубрава,
Коей верх спокойный дремлет над Гормалом
В ночь, когда умолкнут ветры и долину
Темным покрывалом омрачает осень.
Три дни по Картоне мы струили слезы;
На четвертый вечер Клесамор скончался.
Оба почивают, милая Мальвина,
В злачной сей долине близ скалы кремнистой;
Бледно привиденье гроб их охраняет.
Там, когда луч солнца на скалу ударит,
Часто ловчий видит нежную Моину.
Там ее мы видим: но она, Мальвина,
Не подобна нашим девам красотою;

И ее одежды сохраняют странность.
Все она уныла и уединенна.
Сам Фингал слезами гроб почтил Картона.
Повелел он бардам праздновать всегодно
В первы дни осенни день его кончины.
Барды не забыли повеленья царска
И хвалу Картона часто воспевали:
«Кто тако грозен восстает
Из океана разъяренна
И на утесист брег Морвена,
Как буря осени, течет?

В его деснице смерть зияет;
Сверкает пламень из очей;
Как скимн, он берег протекает.
Картон то, сильный царь мечей.
Враги пред ним падут рядами;
Гоня их, быстрыми шагами
На ратном поле он летит,
По трупам низложенных воев,
Как нека грозна тень героев.
Но там он на скале лежит.
Сей дуб, до облак вознесенный,
Стремленьем бури низложенный.
Когда восстанешь ты, Картон?
Когда сквозь мрак твоей гробницы
Проникнет светлый луч денницы
И крепкий твой разгонит сон?

Из океана разъяренна
Кто тако грозен восстает
И на утесист брег Морвена,
Как буря осени, течет?»

Так пели барды в день печали;
С их сладким пением я глас мой съединял,
Душевно сетовал о смерти я Картона:
В цвету он юности и сил своих погиб.
А ты днесь где, о Клесамор,
В пространстве воздуха витаешь?
Твой сын успел ли уж забыть
Руки твоей смертельну рану?

И на прозрачных облаках
Летает ли с тобою он?
Но солнечны лучи я ощутил, Мальвина!
Оставь меня; да опочию.
Во сновиденье, может быть,
Предстанут мне сии герои.
Уже мне кажется, я слышу некий глас.
Картонову гробницу солнце
Привыкло освещать;
Я теплотой его согреюсь.

«О ты, катящеесь над нами,
Как круглый щит отцов моих!
Отколе вечными струями,
О солнце, блеск лучей твоих
Чрез праг востока истекает?
Где дремлешь ты во тьме ночной;
И утро где воспламеняет
Светильник несгорающ твой?

Ты шествуешь в твоей прелестной
И величавой красоте:
Усеявшие свод небесный
Сокрылись звезды в высоте.
Холодная луна бледнеет
И тонет в западных волнах;
Ты шествуешь одно,— кто смеет
С тобою течь на небесах?

Дубы вихрь бурный низвергает,
И гор слякается хребет;
Поднявшись, море упадает;
Луна теряет срочный свет:
Красот твоих не изменяешь,
Светильник дня, лишь ты един:
Ликуя, путь свой протекаешь,
Небес могущий исполин!

Когда полдневный свет мрачится
И тучи молния сечет;
Когда за громом гром катится
И тверду ось земли трясет;

Из грозных облак возникаешь
Ты, мир даруя небесам;
Дыханье ветров запрещаешь;
Смеешься буре и громам.

Но, ах! вотще для Оссияна
Сияют днесь твои красы:
Всходя из синя океана,
Златые стелешь ли власы
По светлым облакам летящим,
Коснешься ль западных зыбей,
Ложася в понт лучом дрожащим,
Не зрит он красоты твоей.

Но, может быть, времен влеченью,
Как нас, тебя подвергнув, рок
На небе быстрому теченью
Лучей твоих назначил срок;
И может статься, в тучах бурных
Почивши сном в последний раз,
Забудешь путь небес лазурных
И утра не услышишь глас.

Ликуй же, пламенно светило!
Ликуй днесь в красоте твоей.
Дни старости текут уныло:
Луне они подобны сей,
Смотрящей сквозь раздранны тучи,
Когда над холмом мгла лежит
И странник, вшедши в лес дремучий,
От стужи на пути дрожит».

ДРУЗЬЯМ МОИМ

Тринадцать лет уже прошло,
Как чувство дружбы вас связало.
Хоть быстро время и текло,
Но счастие при вас стояло;
И, легки крылушки прижав,
Любовь при вас же оставалась;
Цепями вас она сковав,
Сама к вам ими приковалась.

Останься ж тут навек, любовь!
Ты где б и сколько б ни летала,
Толь милого приюту вновь
Себе нигде бы не сыскала.
А время! ты лети быстрей:
Хоть все, унося, ты ничтожишь,
Но счастия моих друзей
С собою унести не можешь.

РАЗЛУКА

Ясна ночь: небес светила
Ярко в синеве блестят;
Лишь одна луна уныла
Полсокрытый кажет взгляд.
Что ж, луна, зачем закрыла
Полкрасы ты своея? —
«Ненавистна тень затмила
Солнце, кем сияю я».

Игр веселость оживила
Дев прекрасных хоровод;
Сашенька одна уныла
Горьких слез потоки льет.
Сашенька! зачем же скукой
Ты томишь свой нежный дух?
«Скорбной удален разлукой,
Кем живу, мой милый друг».

Не навеки заграждает
Тень сиянью солнца путь;
И луна уж поспешает
Полным к нам лицом взглянуть.
Сашенька! не будь уныла,
Не томи твой нежный дух;
Ведь не смерть вас разлучила;
Возвратится милый друг.

КРАСАВИЦЕ

Зачем, как мотылек,
С цветочка на цветок
Анакреон беспечно
Весь век свой пролетал?
«Такой, как ты, конечно,
Он розы не сыскал».

ОДА НА СМЕРТЬ ПЛЕНИРЫ

Где от горести унылой,
Где спастись от лютых бед?
Нет в живых Плениры милой!
Милый друг! тебя уж нет!
Где от скорби ни скрываюсь,
Все в мечтах с тобой встречаюсь;
В смертну погруженный сень,
Зрю твой гроб, вопль слышу слезный.
Все в глазах твой вид любезный
Носится, дражайша тень!

Тень дражайшая! смягчися;
Возвратись хотя на час;
Хоть на миг остановися
И подай в последний раз
Белизной блестящу снежной
Руку, что с улыбкой нежной
Простирала к другу ты.
Но, увы! ты отлетаешь;
Дух мой в горесть погружаешь,
В мрак унылой пустоты.

Тщетно слез струя катится;
Не смягчает скорби злой.
В сердце кровь остановится,
Как лишь гроб представлю твой.
В душу мне он ужас сеет.
Все в глазах моих мертвеет.
Каждый милый мне предмет
В виде кажется увялом.

Смерть надгробным покрывалом
От меня скрывает свет.

В рощу ль скроюся густую,
Осень уж ее мертвит.
На жену ль взгляну драгую,
Смертный одр пред ней стоит.
На детей воззрю ли милых,
Вижу в них сирот унылых.
Сам, скитаясь меж гробов,
Мрачной, кажется, стезею,
Тенью предводим твоею,
Опускаюсь в смертный ров.

Вслед за скорбной сей мечтою
Скорбная летит мечта:
Вижу духом пред собою
Те печальные места,
Где теперь супруг твой страстный,
Удручен судьбой злосчастной,
Медленны часы влачит;
Где, от всех уединенный,
Мрачной мыслью отягченный,
С горестью один сидит.

Там он зрит перед собою
Скорбный вид мгновений тех,
Как, взмахнувши смерть косою,
Вкруг твоей постели всех
Ближних и друзей стеснила;
Как, прощаясь, ты вперила
На него померкший зрак;
К небу подъяв взор, вздохнула
И глаза навек сомкнула
На драгих тебе руках.

О, почто же всем любезный,
Всех любящий человек,
Ближним, обществу полезный,
Кончит быстротечный век?
А злодей, как ястреб гладный,
Только крови ближних жадный,

В нечестивый путь течет
Средь утех, увеселений,
Без забот и огорчений
Сладкий, долгий век живет?

Но что жизнь? — в родах — мученье;
В детстве — раболепства гнет;
В юности — страстей волненье;
В мужестве — труды сует.
Старость — возвращает в детство;
Смерть — рождения наследство.
Вот что жизнь! — се нива зол.
Сеет смерть и пожинает;
Землю в гроб преобращает,
Гроб — во мрачный свой престол.

Что ж скорбим, что в свет отселе
Спешно перешел наш друг?
Здесь в ее прекрасном теле
Обитал небесный дух.
Сердце верою дышало.
Каждо чуждой скорби жало
И ее пронзало грудь.
Дружество с любовью нежной
В дебре жизни сей мятежной
Ей прокладывали путь.

Верь, мой друг, и скорбь отрыни;
Верь, что слез твоих предмет
Из сей мрачныя пустыни
В вечный преселилась свет.
Что теперь твоя супруга
Верх земного темна круга,
На лиющих свет кругах,
В радость облачась, играет
И с отрадою взирает
На лежащий в гробе прах.

Верь, что миг тот, нам плачевный,
Как померк в ней свет очес,
Очи ей открыл душевны
Зреть незримый свет небес;
В ров как гроб ее спускали,

На воздушных поднимали
Ангелы ее крылах,
Персть как с заступа ссыпалась,
Благодать преизливалась
На нее в златых лучах.

Верь и не скорби душою
О потере дорогой.
Радуйся: небес стезею
Уж она вошла в покой
В радужном венце победы.
Но от горныя беседы,
Как взойдет на холм луна,
В ризы скрывшися нетленны,
Прийдет в час уединенный
Утешать тебя она.

О, сниди, наш друг небесный!
Влей отраду в томну грудь.
К хижине моей безвестной
Ты легко приметишь путь;
Изваянный лик твой милый
Я поставлю над могилой,
Скрывшей прах отца, детей.
Там, сим видом привлеченна,
Снидешь друга зреть смущенна
И мелькнешь в душе моей.

Гроб, где прежде взор мой бренный
Лишь пустыню находил,
Днесь мне зрится населенный
Сонмами небесных сил.
В них мне будешь ты мечтаться
И пред всеми отличаться
Лунно-видной белизной,
Как сияла между нами —
Нежных прелестей чертами
И душевной красотой.

ОДА НА ТВЕРДОСТЬ ДУХА

Как в устье пристани глубокой,
Вознесшись к облакам, скала
Стоит, и бури рев жестокой,
Сверканье молний вкруг чела,
И волны презирает яры,—
Перуна пламенны удары
Изрыли весь ее хребет;
Но опаленну грудь громами
Она, уперши в понт, волнами
Тревожить пристань не дает,—

Так муж, судьбой определенный
Отечества оградой быть,
Враждою ковы соплетенны
Как слабу разрывает нить.
Душой неколебим в гоненье,
О злобе, зависти, о мщенье,
О самой смерти небрежет.
Грудь тверду злобе представляя
И жизнь всем бедствам подвергая,
Хранит отечество от бед.

Бесплодно подлость, лесть, измены,
Сокрытны спутницы вельмож,
Как смертоносные сирены,
Сплетают ядовиту ложь;
Враги открыты тщетно злятся,
На пагубу его стремятся;
И всуе рок его разит:
Как черви, тех ногой он давит,

Сим — крепость мышц противуставит,
Судьбе — терпенья твердый щит.

Кому отечество вручило
Весы суда, защиты меч
Или правления кормило,
Тот должен путь опасный течь,
О личной пользе не радея;
В враге лишь общества злодея
Он должен видеть своего.
В душе того, кто долгу жертва,
Как собственность, так личность мертва;
Народно благо — жизнь его.

Он щит судьбою утесненным,
Покров безгласных вдов, сирот;
Рукой неправды угнетенным
Подпора тверда и оплот.
Против врагов, идущих боем,
Отечеству с драгим покоем
Стяжанье, жизнь свою дарит.
Падет ли средь кровавой рати,
И мертв, в сердцах твоих собратий
Любовь к отечеству живит.

Такие в сонме россов были
Пожарский, Минин, Филарет:
Ярем сарматский сокрушили
Они под лаврами побед.
Но те, что за отчизну пали,
Не больше ль благоназидали?
Хоть *Курций* жертвой Риму был,
Но *Регула* неколебима,
Пример его к спасенью Рима,
На остры гвозди положил.

Теки ж,— и коль поставлен роком
В столпы отечества, крепись.
Орел! в парении высоком
Спуститься долу берегись.
Продерзкий рог сломи строптивых
И знай, что на путях правдивых

Коль муж великий и падет,
В потомстве с славою восстанет.
Венок лавровый не увянет,
Но ввек на гробе процветет.

Муж, доблестьми превознесенный,
Из пепла вновь себя родит;
Как злато, в горне искушенно,
Лучом сугубым возблестит.
И ни вражда, что мир тревожит,
Ни ржа времен затмить не может
Нетлеющих его доброт.
В сердцах он памятник воздвигнет,
Что храма вечности достигнет,
Священ потомству в род и род.

ОДА НА УНЫНИЕ

Дни отрадны! где сокрылись
Ваша светлость и красы?
Мраком горести затмились
Прежни ясные часы.
Все в глазах моих постылый,
Томный принимает вид:
Скорбь в душе моей унылой
Чувство радости мертвит.

Как приятно расцветало
Утро юных светлых дней!
В полдень облако застлало
Жизни горизонт моей.
Мрак вокруг меня сгустился;
Туча двинулась с грозой;
Вихрь столбом до облак взвился;
Гром раздался над главой.

Смертных жизнь! о, сколь ужасен
Зол прилив твой и отлив! —
В счастье вздремлешь безопасен,
А проснешься несчастлив.
Так, средь нег, среди покою
Бездна мне открылась бед.
Горесть острою косою
Дней моих посекла цвет.

Луг весенний украшая,
На заре цветок расцвел;
Ароматами дыхая,
Лакомых манит он пчел.

Мотылек на нем садится,
С бабочкой резвясь драгой;
И прохожий веселится
Раннею его красой.

Но внезапно червь презренный
Подъедает корешок:
Вянет стебль и лист зеленый,
Клонит голову цветок,
Блекнет, сохнет и мертвеет.
Странник изумленный стал,
Удивляется, жалеет:
«Что толь рано он увял?»

Так и я в тоске томлюся;
Душу тяжка скорбь гнетет;
Но куда ни оглянуся,
Сострадающего нет;
И любови сердце жадно
К чьей груди ни приложу,
Всюду токмо чувство хладно
Иль измену нахожу.

О! когда б я мог мгновенно
В дикий пренестись предел,
Где бы лес дремучий, темный
Ввек людских следов не зрел,
Где б не стлался дым жилищный,
Ловчих клик не слышен был,
Где б лишь зверь скитался хищный
И в пещерах с бурей выл!

Тамо, на скале кремнистой,
Подмываемой волной,
Сев под сосной мрачной, мшистой,
Я бы глас унылый мой,
Вопль, стенанье безотрадно
С стоном бури съединял
И бесчувственностью хладной
Никого не упрекал.

Но куда б ни тщился скрыться,
Скорбь везде пойдет вослед.

Где ж возможно защититься
От гнетенья лютых бед?
Где, как не в земной утробе?
Мир есть трудный, скорбный путь;
В тесном токмо, в мрачном гробе
Мы возможем отдохнуть.

Поспеши ж, о смерть отрадна!
Тронься горестью моей;
Пусть твоя десница хладна
Очи мне смежит скорей.
Ты, сыра земля, смягчися,
Попусти мне в вечность шаг!
Лоно мрака! расступися
И от скорби скрой мой прах.

ОДА НА ВОСПОМИНАНИЕ ПЛЕНИРИНОЙ КОНЧИНЫ

Уже златыми полосами,
Лишь солнце из-за гор взошло,
Рассекло тучи и лучами
Багряны их бока зажгло.
Умытая росой природа
Ликует час его восхода
И им любуется в струях.
Цветы ему благоухают,
И хоры птиц его встречают,
Парящего на небесах.

Благословлю тебя, священный
И купно безотрадный день!
Гони печали мрак сгущенный,
Как ночи разогнал ты тень.
Уж солнце года круг свершило
С часа, как горестью унылой
Томит меня Плениры смерть.
Но ни летяще быстро время,
Ни злоключений новых бремя
Не могут лютой скорби стерть.

Вотще весна, прогнавши хлады,
Природе нову жизнь дает;
Для новых ей красот, отрады
Из недр земли цветы зовет;
Вотще,— и ей не внемлют гробы! —
Вовек из недр земной утробы,

Для новой жизни здесь, твой прах
Не встанет, милая Пленира!
Твой дух на крылиях эфира
Парит во светлых облаках.

Ликуй же средь безмрачна круга,
В небесном сонме веселись;
Но иногда на верна друга
С приятным чувством оглянись.
Воззри, как с ревностью сердечной
Твою любезну память вечно,
Твой образ он в душе хранит.
Воззри, как день твоей разлуки,
Источник горький слез и муки,
С благоговеньем он святит.

Над милыми детей гробами,
Над сим убежищем святым,
Из незабудьков с васильками
Сплетенным именем твоим
Простой тебе алтарь украшу.
Там горсть пшеницы, меду чашу
В дар памяти твоей драгой
Поставлю; фимиам возжжется;
И теплых слез поток прольется
С усердной к небесам мольбой.

Прийми сей дар, о тень драгая!
Прийми; с превыспренних спустись
И, в легком ветерке летая,
Горячей сей груди коснись:
Пролей в нее покой, отраду;
И верна дружества в награду,
Когда у алтаря сего
Склонюсь почить в уединенье,
Прийди хотя во сновиденье
Утешить друга твоего.

СТАРОСТЬ И МЛАДОСТЬ

Хвалят старое вино;
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга;
Правда, сердце он делит;
Но млада, мила подруга
Обоих мне заменит.

Может быть, за правду эту
Свет и насмеется мне:
Да вольно ж смеяться свету.
Что приятно в старине,
Тем отнюдь я не гнушаюсь:
Скуку и печаль стараюсь
В старом утопить вине;
С старым другом вечно буду
Душу отводить душой;
А с подругой молодой
Свет весь и себя забуду.

Хвалят старое вино:
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга;
Правда, сердце он делит.
Но млада, мила подруга
Обоих мне заменит.

МОТЫЛЕК

Кверху жаворонок вьется;
Над горой летит сокол;
Выше облаков несется
К солнцу дерзостный орел.
Но летает над землею,
С мягкой травки на цветок,
Нежной пылью золотою
Отягченный мотылек.

Так и мне судьбою вечно
Низкий положен предел.
В урне роковой, конечно,
Жребий мой отяжелел.
Случай как ни потрясает
Урну, все успеха нет;
Как жезлом в ней ни мешает,
Жребий мой на низ падет.

Так и быть; пусть на вершине
Гордые дубы стоят:
Ветры бурные в долине
Низким лозам не вредят.
Если ж рок и тут озлится:
Что осталося? — терпеть!
Боле счастливый боится,
Чем несчастный, умереть.

ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ СТРОГАНОВУ

Приятно утро расцветает;
Заря златит лазурный свод;
Вздремал Зефир и не лобзает
Поверхности хрустальной вод;
Спокойна роща в ней глядится;
Хор птичек слышен лишь в глуши:
Везде в местах сих образ зрится
Спокойствия твоей души.

Оно доброт твоих награда;
Вкушай ее должайши дни.
Как в знойный день сладка прохлада
Прохожим здесь в твоей тени,
Так жизни сей в дедалах тесных
Приятно да течет твой век!
Вот дань тебе от уст не лестных,
Любезный, добрый человек!

БОГАТСТВО УБОГОГО

Кто счастья ищет в свете,
Тщеславие любя,
Тот ввек имей в предмете
Лишь одного себя;
Но я лишь рад покою,
Гордыне не служу;
В сей хижине с тобою
Я счастье нахожу.

Купцы в моря глубоки
За златом пусть плывут;
Цари пусть крови токи
За шаг границы льют;
Но я, не алча кровью
Купить вселенной всей,
Твоей одной любовью
Богаче всех царей.

Хоть хижина убога,
С тобой она мне храм;
Я в ней прошу от бога
Спокойства только нам.
Но века чтоб прибавить,
О том я не молюсь:
Тебя, мой друг, оставить
И пережить боюсь.

ПОТЕРЯ ДНЯ

Солнце за горою село;
Лес зеленый потемнел.
С Лизой день не видясь целый,
В горести Милон сидел.
Стадо, вкруг его стесненно,
На густой траве легло;
Он, печалью отягченный,
Гнать его забыл в село.

Шорох каждого листочка
Радостно тревожил слух,
И дыханье ветерочка
В трепет приводило дух.
Но уж тень кругом сгустилась;
Ветр листка не шевельнет;
В мраке и надежда скрылась:
«Нет, уж Лиза не прийдет!»

«Солнце! ты зачем светило? —
Воздохнув, Милон сказал,—
Я не видел Лизы милой;
Этот в жизни день пропал.
Рощица! моя отрада,
Как в тени гулял я с ней;
Без нее твоя прохлада
Хлад несет душе моей.

Рощица! пора проститься,
Стадо милое! пойдем;

Поспешай ты насладиться
От меня бегущим сном.
Окропился уж росою
Луг, где с Лизой я гулял,
А горючею слезою
Место, где напрасно ждал».

ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

Доколе музами любим,
Тревоги все, заботы, горе
За ветрами пущу я в море,
Счастливый путь! — примолвя им.

Пусть галл Эвропой потрясает,
Британец всех на море бьет,
От рая Пий ключи теряет;
Да мне до них и нужды нет.

Честей я не служу кумиру,
Ползком я злата не ищу;
Доволен малым,— жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу.

О муза, друг холмов тенистых,
Любящая Кастальский ток!
Певцу Фелицы свей венок
Из лавров, из цветов душистых.

Я слаб ему хвалу греметь:
Тебе, сестрам твоим пристойно
Возвысить звонку лиру стройно
И Фебова любимца петь.

ВЕСНА

Уж юный Май в весенней неге
Спешит, прогнавши зимний хлад;
Суда, осохшие на бреге,
На волны с крутизны скользят.
К загону стадо не теснится,
Не жмется к огоньку пастух,
И инеем не серебрится
Покрывшийся травою луг.

При лунном в рощице сиянье
Сзывает *Ладо* юных дев.
В прозрачном льняном одеянье,
Оне, под плясовый напев,
Сплетяся белыми руками,
Летают, чуть клоня траву,
И мерно легкими стопами
Атласят мягку мураву.

Вот время первые цветочки
С блестящею росой срывать
И, свив душистые веночки,
Власы красавиц увенчать.
Вот время влюбчивому *Лелю*
На место жертвенника, в честь
Из мягких роз постлать постелю,
А в жертву — горлицу принесть.

Мой друг! тебя днесь рок ласкает;
Но бледно-тоща смерть ногой
Равно в златую дверь толкает,
Как в двери хижины простой.

Превратна жизнь и скоротечна
Претит достичь нам дальних мет:
За нею ночь нас встретит вечна,
И хлябь земная всех пожрет.

Там злато, знатность напыщенна
Не развлекут твоих очей.
Приятство дружества священна
Души не упоит твоей.
Не будешь виночерпной чашей
В пирах любовь ты воспалять;
В объятьях неги с милой *Дашей*
Сладчайший всех нектар вкушать.

Спеши ж: в округу отрад, веселий
Крылатый миг останови:
Брегись, чтоб с ним не улетели
Восторги первыя любви.
Лишь раз ее очарованье
Нас может в жизни усладить:
Увы! прелестно сна мечтанье,
Проснувшись, льзя ли возвратить?

ВЗДОХ

С Миленой позднoю порою,
Под тенью скромного леска,
Мы видели, как меж собою
Два разыгрались голубка.
Любовь моя воспламенилась;
Душа на языке была;
Но, полна страстью, грудь стеснилась,
И речь со вздохом умерла.

Увы! почто ж уста немели,
И тайны я открыть не мог?
Но если б разуметь хотели,
Не все ль сказал уж этот вздох?
И нужно ль клятвы, часто ложны,
Всегда любви в поруки брать?
Глаза в душе все видеть должны
И сердце сердцу весть давать.

БЕЗЗАБОТНОСТЬ

Начто нам галльска исполина
Решить затеи наугад;
Иль ков британца, с кем пучина
И чужды царства нас делят?
Начто, покой тревожа сладкий,
В пустых заботах век кружить
И нитку льняну жизни краткой
С кострицей жесткою сучить?

Уж пылкость, молодость отстали,
Ушли давно от нас бегом;
И наши седины прогнали
Любовь игриву с сладким сном.
Не долго свежими цветами
Любезна красится весна;
Не вечно полными лучами
Блестит пременчива луна.

Почто ж на замыслы надмерны,
Которых веком не свершить,
В заботах тратить час неверный,
Готовый всех нас пережить?
Не лучше ль на полянке чистой,
Под тополью роскошной сей
Или под липою тенистой
Нам пить за здравие друзей?

Подайте ж вин; из древня века
Всегда в чести было вино:

Твердят, что сердце человека
Невинно веселит оно.
Скорей шампанское несите,
Покуда пробок вверх не бьет;
И в ручейке прохолодите,
Что с шумом возле нас течет.

НА СМЕРТЬ ДРУГА МОЕГО

Томны отголоски! песнь мою печальну
Холмам отнесите;
Вниз потока быстра, сквозь дубраву дальну,
В рощах повторите.

Ах! почто любезна друга, рок постылый,
Ты меня лишаешь?
С кем делилось сердце, хладной с тем могилой
Вечно разделяешь.

Все, в чем смертный, сладку полюбя отраву,
Верх утех поставил,
Все — богатство, роскошь, знатность, громку славу
Я тебе оставил.

Не гонясь за теньми скользкою дорогой
В лестной счастья службе,
Уголок берег я в хижине убогой
Лишь любви и дружбе.

Ты просторным сделал уголок сей тесный;
И любви подруга
Сослана тобою в край нам безызвестный
Из семейна круга.

К чьей груди осталось приложить мне ныне
Грудь осиротелу?
Ах! средь людства буду, как в глухой пустыне,
Жизнь влачить я целу.

Томны отголоски! песнь мою печальну
Холмам отнесите;
«Нет уж друга мила!» — сквозь дубраву дальну
В рощах повторите.

Ах! почто ж ты, друг мой, в жертву жизни краткой
Роком осужденный,
Пал, как лавр ветвистый средь долины гладкой,
Громом пораженный!

Ежедневно новы с верными друзьями
Ты делил утехи;
Вслед тебе гонялись резвыми толпами
Радость, игры, смехи.

Вслед тебе отныне лишь любовь уныла
Гроб твой посещает:
Там твой прах пожравша хладная могила
Слезы пожирает.

Где ж ты? друг мой милый! хоть в мечте мгновенной
К другу возвратися;
С сердцем, что с тобою было съединенно,
Ты еще простися.

Но мой вопль напрасно, повторен сторицей,
К другу в гроб стремится:
Все в природе немо: травка над гробницей
Не пошевелится.

Томны отголоски! вы хоть отвечайте
На мой вопль унылый.
Сквозь дубраву дальну, в рощах повторяйте:
«Ах! прости, друг милый!»

ВЛАДИСЛАВУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ОЗЕРОВУ

Эдипа видел я,— и чувство состраданья
Поднесь в растроганной душе моей хранит
Гонимого слепца прискорбный, томный вид.
Еще мне слышатся несчастного стенанья,
И жалобы его, и грозный клятвы глас,
Что ужасом мой дух встревоженный потряс.
Еще в ушах моих печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны.
Трикраты солнца луч скрывала мрачна ночь,
А я все живо зрю, как нежну, скорбну дочь
Дрожащею рукой отец благословляет
И небо, кажется, над нею преклоняет.
Благодарю тебя, чувствительный певец!
В душе твоей сыскав волшебный ключ сердец
И жалость возбудя к чете, гонимой роком,
Ты дал почувствовать отрадным слез потоком,
Который из очей всех зрителей извлек,
Что к сердцу близок нам несчастный человек.
О! как искусно ты умел страстей движенье
В изгибах душ открыть и взору показать:
Тут скорбного отца в невольном преступленье,
Там сына злобного раскаяньем терзать;
Велику душу здесь, там мщенья дух кичливый;
От гнева к жалости стремительны порывы,
Нежнейшей дочери уныние явить
И в души наши все их страсти перелить.
Теки ж, любимец муз! Во храме Мельпомены,
К которому взошел по скользкой ты горе,
Неувядаемый, рукой ее сплетенный,
Лавровый ждет тебя венок на алтаре.

Теки и, презря яд зоилов злоязычных,
В опасном поприще ты бег свой простирай;
Внемли плесканью рук и ввек не забывай,
Что зависть спутница одних даров отличных;
Что ярким озарен сиянием предмет
Уродливу на дол и мрачну тень кладет.

ВОРОЖБА

Хлоя! не желай бесплодно,
Любопытствуя, открыть,
Долго ли богам угодно
Нашу жизнь еще продлить?

Ворожбой не занимайся
О предбудущей судьбе;
Принимать равно старайся
Все, что суждено тебе.

Хоть еще на свете много
Лет нам рок прожить велел;
Хоть с зимою сею строгой
Жизни положен предел;

Хлоя! жить спеши украдкой;
Смейся, пой, люби, играй;
И, по мере жизни краткой,
Цель надежды приближай.

Миг, в который молвим слово,
Улетел уже от нас:
Не считай на утро ново,
А лови летящий час.

КАМЕЛЕК

Вчера я в тереме Элвиры
Один у камелька сидел
И на струнах ей милой лиры
Горациевы песни пел.

Давал совет он Левконое
О будущем не ворожить;
В веселости, в любви, в покое
Лишь настоящим часом жить.

Но между тем как я распелся
И позабыл летящий час,
Без дров, покуда осмотрелся,
Тихохонько огонь погас.

Элвира! скрыв на сердце рану,
Давно горю любовью я:
Когда один гореть я стану,
Погаснет скоро жизнь моя.

СУЕТНОСТЬ ЖИЗНИ

Растаял снег, земля открылась;
Позеленела мурава;
Струя кристальна с гор скатилась;
Оделись листьями древа.

Возобновился вид природы,
Впадают реки в берега;
И дев веселы хороводы
Уж топчут мягкие луга.

«Не льстись ничем ты вечным в свете»,—
Твердит тебе то год и час
И миг, что в молненном полете
Крыло времен несет от нас.

Весна морозы прогоняет;
Спешит за нею лето вслед;
С плодами осень поспешает
И зиму строгую ведет.

Но года круг непостоянный
Стократ возобновит луна;
А ты, в подземный дом изгнанный,
Век будешь прах и тень одна.

Кто весть, угодно ли судьбине
Прибавить к нашей жизни миг?
Что дашь себе, то вырвешь ныне
Из рук наследников скупых.

Когда умрешь и поневоле
Тебя к кладбищу отнесут,
Ни знатный род, ни честь оттоле,
Ни ум тебя не изведут.

Никто не выходил из гроба,
Хоть всяк в него отсель идет.
Бездонна, знать, земли утроба:
Повсюду вход, исхода нет.

УТЕШЕНИЕ В ГОРЕСТИ

Не вечно ливнем дождь стремится
На пестрое лицо полей;
Не вечно бурями мутится
Поверхность зеркальна морей.
Не ежедневно в круге года
Тягчит верхи рифейски лед,
В дубравах воет непогода,
И вихрь с деревьев листья рвет.

А томный вопль твой мила друга
Не престает из гроба звать!
Светило дня с сапфирна круга
Спешит ли в море бег скончать;
Вослед ли золотой денницы
Течет оно на свод небес;
Ступень бесчувственной гробницы
Ты током орошаешь слез.

Но старец, век тройной проживший,
По Антилохе дорогом
Не век стенал, ток слез проливши,
Не вечно сетовал о нем.
Не вечно юного Троила,
Как пал он в мрачный ада зев,
Кропилась хладная могила
Росою слез троянских дев.

Прерви ж стенанья малодушны,
Прерви, и вместе воспоем

С десницей росса неразлучны
Победы, новой славы гром:
Как быстрый *Пад* пред ним смирился
И алчна гидра вспять бежит;
Хребет Алпийский преклонился,
И галл в ущельях гор дрожит.

СОВЕТ

В напастях, горести старайся
С великодушием терпеть;
А в счастии не забывайся:
Мой друг! ты должен умереть.

Умрешь, хотя печалься вечно;
Хоть в праздные, веселы дни
Вино ты прийдешь пить беспечно
В гостеприимной древ тени.

Сребриста тополь, ель высока,
Где дружны ветви в свод плетут,
С журчаньем где струи потока,
Извившись, торопко текут.

Вели ж там вина, ароматы
И кратковечных роз принесть,
Пока нам счастье, дни крылаты
И младость позволяют цвесть.

Домы, сады распространенны
Покинешь ты, оставя свет;
И клад, годами накопленный,
Наследник алчный твой возьмет.

Хотя богат, породы знатной,
Хоть раб и в хижине живешь,
Хоть царь, но смерти безпощадной
Равно ты жертвою падешь.

Назначен всем предел нам равный;
Всяк жребий вынут наугад;
И в вечну ссылку, поздно ль, рано,
Нам парки всем спешить велят.

ЖЕЛАНИЯ СТИХОТВОРЦА

Чего пиит от неба просит,
Когда в путь новый год течет
Или когда во храм приносит
Он в день рожденья свой обет?
Не жатва льстит его богата,
Не мягка вóлна тучных стад,
Не кучи серебра и злата,
Не пышность мраморных палат.

Пусть пьет нектар кокосов сочных
Тот, кто нашел златое дно;
Пускай из кристалей восточных
Вкушает капское вино.
Наперсник счастья он любимый,
Проснувшись, руку лишь прострет,
Земля, моря неукротимы
И мир весь дань ему несет.

Но я, я сыт укругом хлеба,
Доволен кружкой кислых щей
И больше не прошу от неба,
Как чтобы в бедности моей
Хранило мне здоровье цело,
Ум свежий и душевный мир;
И век пресекло б престарелый,
Бесчувственный ко звуку лир.

ВРЕМЯ

Неприметно утекают
Воскрыленные лета.
Старости не удаляют
Ум, ни сердца правота;
И прогнать не могут мимо
Смерти ввек неумолимой.

Хоть молебни кто всяк день
Петь о многолетстве станет,
Смерть, привязчива, как тень,
На минуту не отстанет.
Все, и раб и царь с венцом,
Спустимся в подземный дом.

Тщетно кровью обагренных
Будем убегать полей;
Волн беречься разъяренных
И зараз осенних дней:
К предкам должно преселиться,
Праху с прахом съединиться.

Должно все оставить здесь.
Дом, роскошную услугу,
Нежную с детьми супругу;
И, из саженых древес,
Ельник лишь один постылый
Нас проводит до могилы.

Все мы так, как тень, пройдем;
А наследник наш богатый,

Цельным капским тароватый
Век нетронутым вином,
Закутя пиры и балы,
Через край нальет бокалы.

НАБОЖНОСТЬ

Если утром ежеденно,
Как от сна ты восстаешь,
Руки к небесам смиренно
С теплою мольбой взнесешь;
Если в праздники ко храму
С светлой, как душа, свечой
Ты хоть горстку фимиаму
Скромной принесешь рукой,—

Жертвы сей довольно богу;
Не страшись ни в чем вреда:
Ветр заразный в осень строгу
Пощадит твои стада;
Нивы саранча не тронет;
Ульи напитает мед;
Ветвы сад к земле приклонит:
Каждый цвет в нем будет плод.

С дна морского похищенны
Бисеры, коралл, янтарь
Пышною рукой взнесенный
Украшают пусть алтарь;
Златом пусть он обольется,
Блеском звезд бразильских стран;
Пусть на нем всяк день возжжется
Смирна и драгий ливан;

Но в дому алтарь твой скромный
Утварью простой одет;

И зачем ты в храм огромный
Пышный понесешь обет:
Коль невинна, хоть убога,
Длань коснется алтаря,
Легче умоляет бога,
Чем драгий обет царя.

ДРУГУ СЕРДЦА

Я знаю, друг мой, что за мною
На край бы света ты летел;
Со мной бестрепетной ногою
Гиркански дебри ты б прошел;
И ссылочной Сибири холод,
И средь песков ливийских зной,
Меж лютых кафров жажду, голод
Охотно б претерпел со мной.

Но дай бог, чтоб на бреге Псела,
Где липы мне шалаш плетут,
В тени зеленого раздола
Был старости моей приют!
Дай бог, чтоб счастье там прильнуло
К груди, усталой от забот,
И томно сердце отдохнуло
От бурных жизни непогод!

Но ежели свирепством рока
Удела милого лишусь,
На тучный брег Салдайска тока,
В Тавриду древню преселюсь,
Где овцы, пеленой обвиты,
Красу сребристых нежат рун;
Отколь в кумирах знаменитый
Владимиром сражен Перун.

Земли тот уголок счастливый
Всех боле мест манит мой взор:

Средь леса зреют там оливы,
Мед каплет из ущелья гор.
Там долго ветр весенний веет,
Гнетет не долго зимний хлад;
На взгорьях, как янтарь, желтеет
Токайский сладкий виноград.

Вот там-то, в рощице тенистой,
Устланной мягкой муравой,
Близ тока, из скалы кремнистой
Жемчужной льющегось струей,
Мы сядем отдохнуть с тобою
И дружны съединим сердца.
Там теплой оросишь слезою
Прах милого тебе певца.

УМЕРЕННОСТЬ

Коль хочешь век прожить счастливо,
Не все в открыто море мчись;
Ни слишком к берегу трусливо
Меж камней с лодочкою жмись.

Кто счастья шумного тревоге
Средину скромну предпочтет,
Не в златоглавом тот чертоге,
Но и не в хижине живет.

На ель высоку вихрь стремится;
И башня, гордая челом,
С крутых высот скорей валится;
Вершины гор бьет чаще гром.

Надежду мудрый зрит в напасти,
На случай злый вооружен;
Но в льстивом бережется счастье
Судьбы коварных перемен.

Не все зима нас удручает;
Весна за нею вслед спешит.
Сегодня горесть убивает,
А завтра радость оживит.

Не каждый раз перун горящий
Грозит пожарами странам;
Но часто тучи, град носящи,
Прогнав, дарует вёдро нам.

Будь тверд в злосчастные минуты;
Но счастью тож не доверяй;
И ветром парусы надуты
Заблаговремя опущай.

КРАСОТА

Еще до сей поры пленяешь,
Влечешь к себе всех взоры ты
И гордо сердце подкрепляешь
Цветущим блеском красоты.

Но скоро уж, когда с летами
Увянет нежная краса,
Спадет волнистыми шелками
Плеча покрывшая коса.

Когда черты, где свежи розы
Слились с лилейной белизной,
Свирепы ощутя морозы,
В морщинах блеск сокроют свой.

Тогда, с немой упрекой, грозно
В невинно зеркало взглянув,
Тогда-то, Хлоя, но уж поздно,
Ты скажешь, горестно вздохнув:

«Зачем в приятной я судьбине,
Как ныне, мыслить не могла;
Или зачем не та я ныне,
Не та,— что в младости была!»

ДРУГУ МОЕМУ

Взгляни, как снегом покровенны
Высоких гор верхи блестят;
Как сосны, инеем нагбенны,
И реки, льдом отягощенны,
В брегах, оцепенев, стоят.

Теперь-то, сидя у камина,
Мороз забыть ты нас заставь;
По старшинству их лет и чина
Вели подать венгерски вина,
А прочее богам оставь.

Метели, бури и морозы,
Когда они хотят смирить,
Тогда ни липы, ни березы,
Ни гибки однолетны лозы
Не смеют веткой шевелить.

Что завтра встретится с тобою,
Не беспокойся узнавать;
Минутной пользуйся чертою;
И день, отсроченный судьбою,
Учись подарком почитать.

Во младости несуетливой
Без пляски, игр не трать часа
И плод вкушай любви счастливой,
Покуда старостью брюзгливой
Не посребрятся волоса.

Теперь тебя зовут гулянья,
Театр, концерты, маскерад
И те условленны свиданья,
Где нежны вечерком шептанья
Украдкой о любви твердят.

Где смех невольный открывает
Красотку в темном уголке,
Что в фанты перстенек теряет
И слабо лишь обороняет
На сжатой с нежностью руке.

ОСЕНЬ

В дубраве грозна буря воет;
Крутится вихрем дождь и град.
С горы, стремясь, долину роет
Ревущий, быстрый водопад.
Во мраке молния лишь блещет;
Не видно в туче светлых звезд.
Вдруг грянул гром — и бор трепещет;
Не сыщут робки звери мест.

Почто ж так осень свирепеет
И градом томну землю бьет?
Природа без того мертвеет:
Давно увял уж розы цвет;
Давно деревья обнаженны,
Склонивши ветвия, стоят;
И птицы, гнезд своих лишенны,
Без крова сносят лютый хлад.

Прийди ж, зима! и скорбь природы
В одно мгновение прерви:
Оцепени растенья, воды
И всю природу умертви.
Как лед, твоя десница хладна
От бурь ей сладкий отдых даст:
Увы! бесчувственность отрадна,
Где тяжка нас томит напасть.

Когда в печалях сердце ноет,
А рок еще его гнетет

И глубже ров несчастным роет
Несносных, неизбежных бед,
Тогда спокойство нам доставить
Одна лишь может хладна смерть;
От чувства горести избавить
И скорби остро жало стерть.

ЗИМА

Лютая зима! доколе
Землю будешь ты томить,
Реки быстрые в неволе
Льдистым гнетом бременить?
Долго ль быть твоей нам жертвой
И сносить жестокий хлад?
Все уныло, пусто, мертво,
Все, куда ни кинем взгляд.

Ах! когда ж весна природу
Оживить опять прийдет,
Милую ручьям свободу,
Жизнь древам, цветам вдохнет?
Скоро ль, в рощах безмятежных
Птичек поселяя вновь,
К ним на крыльях горлиц нежных
Принесет она любовь?

Подождем,— не все стремится
Буря из полнощных недр;
Время колесом вертится:
Скоро дунет южный ветр,
Животворной теплотою
Льды распустит и снега
И роскошною рукою
Облечет в цветы луга.

Скоро ласточки на воле
Будут к облакам взлетать;

Скоро станем в чистом поле
Чистым воздухом дышать.
Подождем; как после тени
Солнца луч ясней блестит,
После скорбных угнетений
Так нас радость оживит.

ПРИЗЫВАНИЕ ВЕНЕРЫ

Царица Пафоса и Книда, о Венера!
Оставь любимый Кипр, прийди в смиренный храм,
Куда, возжегшая обильный фимиам,
Зовет тебя Глицера.

Да поспешит с тобой твой пламенный Эрот
И с распущенными хариты поясами,
Меркурий с нимфами и Молодость с цветами,
Лишенна без тебя красот.

ОДА, ЛОМОНОСОВ

Кто росску Пиндару желает
В восторгах пылких подражать,
Вослед Икара тот дерзает
На крыльях восковых летать:
Взнесется к облакам; но вскоре,
Лишь солнца силу ощутит,
Низрынется стремглав — и море
Безумца имя возвестит.

Как быстрый ток струй скопленны
Стремит с крутой вершины гор;
Кристаллы льет на брег зеленый,
Дремучий будит шумом бор,—
Так звучной лирой Ломоносов,
Сопровождая громкий стих,
Пленяет слух и души россов
И усладит потомство их.

Творца глаголы повторяя,
На суд ли смертного с ним звал,—
«Он, гласом громы прерывая,
Словами небо колебал.
С покрытыя пучины мглою
Хаосный, леностный туман
Разгнал всесильною рукою
И с суши сдвинул океан».

Поет ли, как восход денницы,
Минервы шествие на трон,—
Коль важно подвиг сей царицы,
Коль громко возглашает он!

«Сам бог ведет; и кто противу?
Кто ход его остановит?
И океанских вод разливу
Навстречу кто поставит щит?»

Любви ль предел изображает,—
Как кисть его оживленна!
Какою прелестью пленяет
Волшебна, райская страна!
«Там мир в полях и над водами;
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Меж бисерными облаками
Сияет злато и лазурь.

Древа листами помавают
И, нежну ощущая власть,
Друг друга ветвьми обнимают;
В бездушных там любовна страсть.
Ручьи вослед ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся
И, слившись, меж собой журчат».

За Марсом ли вослед дерзая,
Сражений представляет вид:
«С трофея на трофей ступая,
Российско воинство спешит.
Орлам сим воды, лес, стремнины,
Глухие степи — равен путь:
Нося перун полки орлины
Парят, где ветр лишь может дуть».

С такою дерзостью чудесной,
Изведав неусталость крыл,
Верх облак, в синеве небесной,
Российский сей орел парил.
Но я, как пчелка над землею,
С трудом с цветов сосуща мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею;
Высокий страшен мне полет.

Державин! ты на лире звонкой
Воспой великие дела

Царицы, что победой громкой
Моря и сушу потрясла.
Воспой богов сей дар бесценный,
Дороже коего они
Не могут ниспослать вселенной,
Хоть возвратят златые дни.

Воспой тот день трикрат счастливый,
Когда на жертвенник побед
Зеленый лавр, обвит оливой,
Она в знак мира вознесет.
Тогда и я, в толпе народа
Участник общего добра,
Во время пышна к храму хода
С восторгом возглашу ура!

С тобой мы вместе радость нашу
Явим усердным торжеством:
Бесценных ты мастиков чашу
Возжжешь пред мирным божеством.
Чертог твой, яркими звездами
Украшен, ночью возблестит,
И радостными голосами
В нем гимн Астрее возгремит

А я, помост усыпав храма
Взращенными цветами мной,
Возжгу в нем горстку фимияма
С белейшею лилéй свечой
Из воска, что с полянки смежной
Трудолюбивая пчела,
За мной о ней надзор прилежный,
С избытком в дар мне принесла.

БОГАТОМУ СОСЕДУ

Парчи и резьбы позлащенны
Не красят дома моего;
Столбы, в Караре иссеченны,
Преддверий не хранят его.
Алмазами в нем чаш блестящих
Не притекает зреть народ;
И до зари толпа просящих
Меня в сенях моих не ждет.

Но честность, лиры дар небесный,
В удел сей жизни рок мне дал.
Не знатен — знатным я известный,
И нищ — богатым нужен стал.
От неба больше не желаю;
Рожден не алчным, не скупым,
Друзьям могущим не скучаю:
Доволен малым я своим.

Теснятся в вечность дни за днями,
Как в море за волной волна;
То светит полными лучами,
То умаляет круг луна;
А ты, как бледна стень слоняясь,
Гранит распиливать велишь;
Гробницею не занимаясь,
Палаты к небу громоздишь.

Владея целым брегом моря,
Расширить поле чтоб свое,
С несытою пучиной споря,
Теснишь плотинами ее.

Столбы сдвигая порубежны,
Соседов гонишь ты твоих;
И каждый день, чрез нивы смежны
Шагнув, захватываешь их.

Изгнанный старец, муж с женою,
Бежа из родины своей,
Уносят бедность за спиною,
А у груди нагих детей.
Богач! начто ж ты грабишь нища?
И подле груды золотой
Тебе вернее нет жилища,
Как под могилою сырой.

Земля всем смертным без разбора
Готова лоно растворить;
И ненасытной смерти взора
Не можно златом обольстить.
Богатых и счастливцев племя
Сечет она, как летний цвет,
И снять прийдет с несчастных бремя,
Хоть ими призвана, хоть нет.

НЕОСТОРОЖНЫЙ МОТЫЛЕК

В прохладный летний вечер темный,
Озябши, легкий мотылек
В чертог Темирин освещенный
Летел на ясный огонек.
Там роза на окне стояла,
С зарею чуть лишь расцвела;
Румянцем, свежестью пленяла
И мотылька к себе звала.

Влекомый запахом приятным,
На розу мотылек взлетел;
Питаясь соком ароматным,
В забвенье сладостном сидел.
Но вдруг, прельщенный ярким светом,
Помчался с розы мотылек;
Беспечным вкруг огня полетом
Порхал и крылушко прижег.

Еще есть время, мотылечек!
Пока совсем ты не сгоришь,
Душистый ждет тебя цветочек;
Лети,— но ты в огонь летишь!
О сердце! равной с ним напасти
Чтоб и тебе не потерпеть,
Беги от милой, пылкой страсти,
Не то,— прийдет и нам сгореть.

НЕВОЛЬНАЯ РАЗЛУКА

Что вы, милые цветки,
Так поблекли, приуныли,
Ваши томные листки
Вниз печально опустили?
Ах! что вижу, ручеек,
Кем ваш корень освежался,
Кинув вас, другой лужок
Напоять вдали помчался.

Лиза, друг мой! что же ты
Так печальна, приуныла;
Блеск прелестной красоты
Током слезным помрачила?
Неужель пастух драгой,
Кем твой дух воспламенялся,
Новою пленясь красой,
Навсегда с тобой расстался?

Но, цветки, на ручеек
Не ропщите вы напрасно:
Камень, с гор катясь, поток
Отвратил от вас прекрасный.
Посмотрите ж, как ревет,
Как он, пенясь, землю роет;
Скоро камень унесет
И ваш берег вновь омоет.

Лиза! в горести стеня
И терпя несносу муку,

Не ропщи ты на меня
За невольную разлуку:
Скоро брошенны судьбой
Тяжки цепи я разрушу,
Скоро обоймусь с тобой
И солью с душою душу.

НАПРАСНЫЕ СЛЕЗЫ

Когда на розу взглянешь,
Себя к ней примени;
Пчелу на ней застанешь,
О мне воспомяни:
Она не жалит розы,
Лишь сладкий мед сосет:
К чему ж твой стон и слезы? —
И я б сосал лишь мед.

СИЛУЭТ

Твой образ в сердце врезан ясно;
Начто ж мне тень его даришь?
На то ль, что жар любови страстной
Ты дружбой заменить велишь?
Но льзя ль веленью покориться:
Из сердца рвать стрелу любви?
Лишь смертью может потушиться
Текущий с жизнью огнь в крови.

Возьми ж обратно дар напрасный; —
Ах! нет; оставь его, оставь.
В судьбине горестной, злосчастной
Еще быть счастливым заставь:
Позволь надеждой сладкой льститься,
Смотря на милые черты,
Что, как твоя в них тень хранится,
Хоть тень любви хранишь и ты.

РУЧЕЙ

Ручей, что по долине вьешься!
Во многом сходен я с тобой:
Ты все одним склоненьем льешься,
Я склонностью влекусь одной.

В теченье камушки встречая,
Журчишь ты жалобно чуть-чуть;
В любви преграды ощущая,
Насилу смею я вздохнуть.

Как ясный твой поток сребристый,
Стеклянна, зеркальна струя,
Так страстно Ниной сердце чисто,
Так искренна душа моя.

От гроз, от бурного ненастья
Ты кроешься в тени ветвей;
От гибельных превратов счастья
Я скрылся в хижине моей.

К долине милой постоянно
Стремясь, твоя струя течет;
Так пленно сердце беспрестанно
К моей любезной Нине льнет.

Когда она в тебе глядится,
Прелестный вид приемлешь ты;
В моем так сердце он хранится:
В нем врезаны ее черты.

Не знаю льстить я клятвой ложной,
Пучин не можешь ты скрывать;
На дне твоем все видеть можно
И все в душе моей читать.

Влеченью следуя природы,
Стремишь ты к устью свой покат,
Доколь твои кристальны воды
Не заморозит лютый хлад.

Без Нины будет жизнь страданьем,
И не погаснет к ней любовь,
Пока с последним трепетаньем
В сем сердце не застынет кровь.

ПРИЮТ СЕРДЦА

Тяжко сердцу без приюту
В сиротстве́ печальном жить;
Не иметь с кем горесть люту,
С кем веселый час делить.
В одиночестве постылом,
В круге людства тяжко мне
В сердце, сжатом и унылом,
Скорби лишь носить одне.

Помню время золотое,
Пролетевше как зефир,
С милою когда нас двое
Составляли весь наш мир.
Как молчанье было внятно!
Речь стремилась к сердцу льнуть!
Вместе было как приятно
Улыбнуться иль вздохнуть!

Но, мечты, что дух пленяли!
Ах! начто мне помнить вас?
Рок послал мне век печали
За короткий счастья час.
Стану ж смертную минуту
Я с отрадой ожидать;
В хладном гробе лишь приюту
Сердцу страстному искать.

ПАМЯТНИК ГОРАЦИЯ

Я памятник себе воздвигнул долговечный;
Превыше пирамид и крепче меди он.
Ни едкие дожди, ни бурный Аквилон,
Ни цепь несметных лет, ни время быстротечно
Не сокрушат его.— Не весь умру я; нет:
Большая часть меня от строгих парк уйдет;
В потомстве возрасту я славой справедливой:
И в гордый Капитол с весталкой молчаливой
Доколе будет жрец торжественно всходить,
Не перестанет всем молва о мне твердить,
Что тамо, где Авфид стремит ревущи воды,
И в дебрях, где простым народом Давн владел,
Я первый, вознесясь от низкия породы,
В латинские стихи эольску меру ввел.
Гордись блистательным отличьем, Мельпомена!
Гордись: права тебе достоинство дало.
Из лавра дельфского, в честь Фебу посвященна,
Венок бессмертный свив, укрась мое чело.

ВИДЕНИЕ ПЛАЧУЩЕГО НАД МОСКВОЮ РОССИЯНИНА, 1812 ГОДА ОКТЯБРЯ 28 ДНЯ

Как грохот грома удаленна,
Несется горестна молва:
«Среди развалин погребенна
Покрылась пеплом Москва!
Дымятся теремы, святыни;
До облак взорванны твердыни,
Ниспадши грудами, лежат,
И кровью обагрились реки.
Погиб, увы! погиб навеки
Первопрестольный россов град!»

Уже под низменный мой кров уединенный
Домчался сей плачевный слух.
Он поразил меня, как в сердце нож вонзенный,
И ужасом потряс мой дух.
Застыла кровь; чело подернул пот холодный.
Как древоточный червь голодный,
Неутолима скорбь проникла томну грудь.
Унынье душу омрачило,
На перси жернов навалило
И пересекло вздохам путь.

С поры той, с той поры злосчастной
Повсюду горесть лишь мне спутницей была
И пред очами ежечасно
Картину бедств, и слез, и ужасов несла.
Постылы дня лучи мне стали.
Везде разящие предметы зря печали,
От света отвращал я зрак.

Делящих скорбь друзей, детей, жены чуждаясь,
Как вран ночный в лесах скитаясь,
Душевный в них сугубил мрак.
В едину ночь, когда свирепо ветр ревущий
Клонил над мной высокий лес
И вихрь, ряд черных туч от севера несущий,
Обвесил мраком свод небес,
На берег Псла, волной ярящейся подмытый,
Под явор, мхом седым покрытый,
Тоскою утомлен, возлег я отдохнуть;
Тут в горести едва забылся,
Внезапу легкий сон спустился
И вежды мне спешил сомкнуть.
Мечты предстали вдруг: казалося, средь нощи
Сидел я на краю огнем пожранной рощи;
Вблизи развалины пустого града зрел:
Там храма пышного разбитый свод горел:
Под пеплом тлелися огромные чертоги.
Тут стен отломками завалены дороги.
Медяны башен там, свалясь, верхи лежат
И кровы к облакам взносившихся палат.
Падущих зданий тут зубчаты видны стены;
Здесь теремы к земле поникли разгромленны.
Могилы жупеля и пепла кажут там
Обитель иноков и их смиренный храм.
Нагие горны здесь до облаков касались,
Как сонм недвижимых гигантов представлялись,
Которых опалил молниеносный гром.
На остовы их там слякался гордый дом.
Тут кровля на шалаш низрынулась железна.
Хранилища, куда промышленность полезна,
Любостяжанья дщерь, а трудолюбья мать,
Избытки дальных стран обыкла собирать,
Стоят опалые, отверсты, опустелы.
Голодны гложут псы здесь кости обгорелы;
На части бледный труп терзают там; а тут
Запекшуюся кровь на алтарях грызут.
Из окон, из дверей луч света не мелькает;
Под пеплом вспыхнув, огнь мгновенно потухает.
Над зданьем тлеющим куряся, только дым
Окрестность заражал зловонием своим.
И кучи сих костров, развалин сих громада
Гробницу пышного лишь представляли града.

Не слышался нигде народный вопль, ни клик;
Лишь вой привратных псов и хищных вранов крик
В сей мертвой юдоли молчанье прерывали
И слабый жизни в ней остаток возвещали.
Толь страшным, горестным позорищем смущен,
Я сам сидел как мертв, недвижим, изумлен.
Власы от ужаса на голове вздымались,
И вздохи тяжкие в груди моей спирались.
Безмолвну тишину потряс вдруг громкий треск,
И яркий озарил мои зеницы блеск.
Пристрашен, с трепетом к нему я обратился;
И зрю: чертога кров до облак возносился:
Как вихрь из адского исторгся пламень дна;
И развалившаясь граненая стена
Открыла Кремленски соборы златоглавы,
Столь памятные мне в дни торжества и славы!

О, какая горесть грудь мою пронзила,
Как узнал я древню русскую столицу,
Что главу над всеми царствами взносила
И, простря со скиптром мощную десницу,
Жребий стран решала сильных, отдаленных!
Как ее узнал я предо мной лежащу,
На громаде пепла, среди сел возжженных,
Горесть ту несносну, сердце мне разящу,
Смертному неможно выразить словами!
Бледен, бездыханен, я упал на землю.
Слезы полилися быстрыми ручьями;
В исступленье руки к небесам подъемлю
И, собрав остаток истощенной силы,
«Боже всемогущий! — возопил я гласно,—
Ах, почто не сшел я в мрак сырой могилы
Прежде сей минуты гибельной, злосчастной!
Где твоя пощада, боже милосердый?
Где уставы правды, где любви залоги?
Как возмог ты град сей, в чистой вере твердый,
Осудить жестоко жребий несть столь строгий?»

Едва в неистовстве упрек,
Хулу на промысл я изрек,
Гора под мною потряслася.
Гром грянул, молний луч сверкнул,

Завыла буря, пыль взвилася,
Внутри холмов раздался гул,
Подвигнулись корнями рощи,
Разверзлась хлябь передо мной,—
И се из недр земли сырой
Поднялся призрак бледный, тощий.
Покрыв высоки рамена,
Первосвященническа риза,
Богато преиспещрена
От верха бисером до низа,
В алмазах, в яхонтах горя,
На нем блистала, как заря,
Чело покрыто митрой было,
Брада струилася до чресл.
Потупя долу взор унылый,
На пастырский склоняся жезл,
Стоял сей призрак сановитый.
Печалью вид его покрытый,
На коем слезный ток блистал,
Глубокое души страданье,
Упреки и негодованье,
Смешенны с кротостью, казал.
Виденьем грозным пораженный,
Едва я очи мог сомкнуть:
Как мертвы, цепенели члены,
Трепещуща хладнела грудь,
Дыханье слабо в ней спирая,
Лежал я страхом одержим.
Вдруг призрак, жезл ко мне склоняя,
Вещал так гласом гробовым:
«Продерзкий! Как ты смел хулу изречь на бога?
Карающая нас его десница строга
Правдивые весы над миром держит сим
И гневом не тягчит безвинно нас своим.
Ты слезны токи льешь над падшей сей столицей;
И я скорблю с тобой, увы! скорблю сторицей.

В другий я вижу раз столь строгий суд над ней:
Два века к вечности уж протекли с тех дней,
Как в пепле зрел ее сарматами попранну;
И, чтоб уврачевать толь смертоносну рану,

Из бездны зол и бедств отечество известь,
На жертву не жалел и жизни я принесть.
Исполнил долг любви. Но и тогда, как ныне,
Не столь о гибельной жалел ее судьбине,
Как горько сетовал и слезы лил о том,
Что праведным она наказана судом.
Дерзай; пред правдой дай ответ о современных:
Падение они сих алтарей священных
Оплакивают все и горестно скорбят,
Что оскверненными, пустыми днесь их зрят;
Но часто ли они их сами посещали?
Не в сходбища ль кощунств дом божий превращали,
Соблазн беседою, неверием скверня?
Служители его, обету изменя,
Не о спасенье душ, о мзде своей радели,
Порока в знатности изобличать не смели
И превратили, дав собой тому пример,
В злоподражание терпенье чуждых вер;
Молитва, праздник, пост — теперь уж все химеры,
И, с внешности начав, зерно иссякло веры,—
Начто ж безверному священны алтари?
Правдивый судия рек пламеню: «Пожри!»
И пламень их пожрал,— и, днесь дымяся, храмы
Зловерию курят зловонны фимиамы.
Но обратим наш взор.— Тут пал чертог суда:
Оплачь его,— но в нем весы держала мзда;
Неправдою закон гнетился подавленный.
Как бледны жесткие повапленные стены,
Так челы зрелися бессовестных судей.
Там истина вопи, невинность слезы лей;
Не слышат и не зрят: заткнуты златом уши;
Взор ослеплен сребром. Растленны лихвой души
Не могут истины вещанию внимать.
Там злу судья — злодей; возмездник татю — тать,
Крепило приговор ехидно ябед жало,—
И пламя мстительно вертеп неправд пожрало.
Над падшими ли здесь чертогами скорбишь?
Иль гнезд тлетворныя в них роскоши не зришь?
В убогих хижинах похитя хлеб насущный,
Питала там она сластями жертвы тучны.
Вседневны пиршества, веселий хоровод
Сзывали к окнам их толпящийся народ,
В мраз лютый холодом и голодом томимый

И с наглостью от сих позорищ прочь гонимый.
Когда, на лоне нег лежа, Сарданапал
В преизобилии богатства утопал
И, сладострастия испивши чашу полну,
На легкий пух склонясь, облекшись в мягку волну,
Под звуком нежных арф вкушал спокойный сон,
О старце, о вдове, заботился ли он?
Хоть пенязь отдал ли, хоть лепту он едину,
Чтоб в скорби облегчить их строгую судьбину?
Призрел ли нищего? От трапезы крохой
Он поделился ли с голодной сиротой?
Нет,— в недоступном сем для бедного чертоге
Не помнил он об них и позабыл о боге,
Который с тем ему вручил талант сребром,
Чтобы, деля его, умножил мзду — добром.
Но он на роскошь лишь менял дары богаты,—
И, в пепле падшие, их погребли палаты.
Зри в слабых сих чертах развратные сердца,
И справедливый чти над ними суд творца.
Но в граде ль сем одном развраты коренились?
Нет, нет; во все концы России расселились;
И от источника пролившееся зло
Ручьями быстрыми повсюду потекло:
Как в сердце остроты недужные скопленны
Влияньем пагубным все заражают члены.
Повсюду и порок и слабости равны;
И души и умы равно отравлены.
Заботы, доблести и предков строги нравы:
Алканье истинной отечественной славы,
Похвальны образцы наследственных доброт —
В презрение, в посмех уж ставит поздний род.
Мудрейший меж царей, потомок Филарета,
Сей выродок из умов и удивленье света,
Невинно ввел меж вас толь пагубный разврат;
Целебный сок по нем преобратился в яд:
Российски просветить умы желая темны,
Переселял он к вам науки чужеземны,
Но слепо чтившие пути бессмертных дел,
Презрев разборчивость благоискусных пчел,
Широкие врата новизнам отворили
И чуждой роскошью все царство отравили.
Вельможи по ее злопагубным следам,
Смесясь с языками, навыкли их делам

И, язвой заразя тлетворною столицу,
Как мски, впрягли себя под чужду колесницу,
На выи вздев свои прельщающий ярем,—
За то карает бог Москву чужим бичом.
Но ободрись: господь сей казнью укротился
И в гневе не вконец на вас ожесточился.
Восстань и отложи тебя объявший страх,
Мой сын! Судьбу врагов читай на небесах».
Тогда, подняв меня он сильною рукою,
На ноги трепетны поставил пред собою.
Едва смущенный взор я к облакам возвел,
Внезапу дивное явление узрел:

Носимый облаком на юге,
В златом, пернатом шишаке,
В чешуйной, сребряной кольчуге,
С блистающим мечом в руке,
Мне некий витязь представлялся.
Свирепым вид его казался:
Ярчее молнии лучей
Сверкало пламя из очей.
Налегши тягостию тела
На черну тучу, он летел.
Пред ним вдруг буря заревела,
Сгущенный вихрем снег белел.
Вдали его предупреждали
Два призрака: из них один,
Как некий зрелся исполин,
Змеи в руках его зияли,
Взор грозный наносил всем страх.
Другий же бледностью в чертах
Страдальца вид казал сляченна,
Болезнью, гладом изнуренна.
Они сокрылись в мрак густой:
Там слышались победны клики,
Сражающейся рати крики,
И томный раздавался вой.

«Ты зришь,— мне с кротостью вещало
привиденье,—
России торжество, врагов ее паденье.
То щит отечества, его военный дух
Пожарский, ревностный сотрудник мой и друг,

Летит вслед извергов, оставивших столицу.
Он мстительну на них уже вознес десницу.
Пред ним свирепый мраз, страх бледный, тощий глад
На истребление враждебных сил спешат.
Уж в бегстве гибельном, их лютостью томимый
И гневом божиим невидимо гонимый,
Неистовый гордец, забыв позор и стыд,
Окровавленной им дорогой вспять бежит.
На каждом он шагу народну месть встречает;
Рать сильна, рать его толпами низлагает;
И кровью буйного упьется русский меч:
От острия его не может он утечь.
Тогда в свою чреду сей мира нарушитель,
Сей бич вселенныя, Москвы опустошитель,
Покажет царствам всем, простерт у наших ног,
Сколь в гневе праведном велик российский бог;
Сколь истинен в судах над нами справедливых
Отец раскаянных, каратель злочестивых».
Так рек; и, пастырска надвершием жезла
Коснувшись моего пристрашного чела,
Исчез. Внезапу гром по небу прокатился.
Объятый трепетом, от сна я пробудился
И Гермогена в сем видении познал:
Надеждой скорбному он сердцу отдых дал.
Утих бурливый ветр; луна над мной блистала,
В дрожащих Псла струях себя изображала.
Восхитилася мысль, и всපламенился дух.
Казалось, старца речь еще разила слух,
Еще по воздуху слова его носились.
Неволею тогда уста мои открылись,
Воображением я в будущем парил
И, в полноте души, с восторгом возопил:

«Дерзайте, россы! Гнет печали
С унылых свергните сердец:
Враги пред нами в бегстве пали,
Победы нам отдав венец.
Рассыпаны строптивых силы!
Воззрите на сии могилы,
Устлавшие бегущих след;
На обагренны кровью реки:
Над ними поздни узрят веки

Трофей наш,— мщенья и побед.
Неправды спеющих дорогой
Творец наш гневом посетил;
Но бич, орудье казни строгой,
Над нашей выей сокрушил.
На суд ли вышнего возропщем?
Никак; но в умиленье общем
Благодаренье воздадим
За милосердную пощаду,
Что яростному не дал аду
Нас зевом поглотить своим.

Теперь, несчастьем наученны,
Отвергнем иноземный яд:
Да злы беседы отравленны
Благих обычаев не тлят;
И, на стезю склоняся праву,
Лишь в доблести прямую славу,
Существенну поставим честь.
Престанем чуждым ослепленьям
Развратам и предубежденьям
Подобострастно дани несть.
Отечество ждет нашей дани.
Протоптаны врагом поля,
Прострем к убогой братье длани,
Избыток с нею наш деля;
Взнесем верхи церквей сожженных;
Да алтарей опустошенных
С весной не порастит трава;
Пожаров след да истребится,
И, аки феникс, возродится
Из пепла своего Москва!»

СТАРИК, ОЖИДАЮЩИЙ ВЕСНЫ

Весна коснит, — и дни бегут,
И нашу жизнь уносят.
Вот миг, — и парки нить спрядут;
Вот миг, — и ножниц спросят.
Ах! сколько, старец я, друзей,
Друзей младых, любезных,
Покрыл уже сырой землей
И пролил токов слезных!

Им жить было; — а мне зачем
Влачить век мрачный, скучный?
Хариты с ними ночью, днем
Бывали неразлучны;
Ко мне ж — болезнь, забота, скорбь
Приходят на беседу;
И все еще грузнее горб
Седому вьючат деду.

В дому ли — скук влачу часы:
Дом пахнет уж пустыней;
Вот сад: как старость мне власы,
Его так пудрит иней;
Там гнет он вяз на утлом пне,
Как старца гнут уж годы;
И, как под шубой кровь во мне,
Под льдом так стынут воды.

Но вот они опять с весной,
Как из пелен, прорвутся;
Деревья, с прежней красотой,
Вновь в зелень облекутся;

А мне,— весна хоть придет вновь,
Не усладит печали:
Мне младость, резвость и любовь
Навек — прости! — сказали!..

Но нет; приди, весна! — цветы
На травку брось зелену;
Хотя спрямить не можешь ты
Мне спину, в крюк согбенну,
Хоть в свете счастьем мне своим
Нельзя уж наслаждаться,—
Так — вспомня прежнее — чужим
Я буду утешаться.

ГОРЕСТЬ

Сокрой, о солнце! луч постылый;
Тони скорей в морских волнах;
С душой сообразясь унылой,
Да тьма возляжет в сих местах.
Печалью отягченны очи
Устали уж взирать на свет:
Пускай завеса мрачной ночи
Везде пустынну тень прострет.

Все скрылось,— все недвижно,— мертво.
Один я во вселенной всей.
Один,— остался скорби жертвой
В беседе с горестью моей!
И ночь с подругой сей жестокой
Меня не может разлучить!
Она со мной,— чтоб гроб глубокий
Рукою медленной мне рыть.

Но стон мой по лесам раздался
И тишину поколебал;
С восставшим шумом волн смешался
И с дна морского смерть воззвал.
Пойдем; — почто влачить мученье?
К покою мне остался шаг:
Утесист брег... одно мгновенье...
И с скорбью разлучусь в волнах.

ГОРЕСТЬ РАЗЛУКИ

Удален от Лизы милой,
В роковой разлуке сей,
Без нее в стране постылой
С горестью живу моей
И влеку в тоске унылой
Тяжко бремя скорбных дней.

Лиза! друг твой нежный, страстный,
Ах! почто забыт тобой?
В мрачных чувствах повсечасно
Сердце он крушит тоской.
Возвратись; — иль друг несчастный
Будет жертвой скорби злой.

Поздно Лизу состраданье
К милу другу приведет;
На вопрос о нем,— молчанье
Даст унылый ей ответ;
Лишь надгробно надписанье
Скажет: «Мила друга нет!»

* * *

Мне сказали: жизни радость
Можно лишь в любви сыскать;
Что ее восторгов сладость
Ни сказать, ни описать.
Сей любви, что все хвалили,
В дар я сердце принесла:
Но, увы! где рай сулили,
Там я лютый ад нашла.

Красотой моей плененный,
Век божась меня любить,
С клятвами сплетал измены,
Чтоб несчастну обольстить.
Я поверила; — не можно
Усомниться мне было:
В нем, казалося, неложно
Сердце клятву изрекло.

Но, увы! к каким страданьям
Сей привел меня обет!
Не было конца терзаньям;
Изъяснить их слова нет.
Горесть сердце раздирала,
Скорбью угнетался дух;
Смерть я в помощь призывала...
Но пришел на помощь друг.

Дружество! признаньем вечным
Буду я тебе должна:
Состраданием сердечным
Скорбь моя облегчена.

В дар тебе теперь клянуся
Жизнь и чувства посвятить.
Нет,— уж больше не влюблюся;
Друга буду лишь любить.

СКРОМНАЯ БЕСПЕЧНОСТЬ

(Гораций, кн. III, ода XXIX)

Царей потомок тирренийских,
О Меценат! тебя давно
В дому моем в посудах хийских
Заповедное ждет вино.
Готовы уж венки, сплетенны
Из свежих, благовонных роз;
И выжат балан драгоценный
Для умащения волос.

Отвергши медленья причины,
Спеши! — не вечно должен ты
Эзульски озирать вершины
И их отлогие хребты;
Раздолы, где Тибур пролился,
Луга, змеей где вьется он,
И холмы, древле где вселился
Отцеубийца Телегон.

Оставь избыток, приносящий
Со скукой отвращенье нам,
И гордый терем твой, стремящий
Главу к высоким облакам.
Престань с него пленяться Римом,
Его богатством, красотой,
Клубящимся верх кровов дымом
И пышных зданий пестротой.

Вельможам часто перемена
Была приятна средь сует:

Под кровом шалаша смиренна
Нередко мог простой обед,
И без ковров на балдахины,
Без багряницы при столах,
Изгладить мрачные морщины
На их нахмуренных челах.

Кефей уж вновь лучи бросает;
Предтеча Пса свод неба жжет;
Лев лютый пламень изрыгает,
И солнце дни нам знойны шлет;
Пастух и жаром удрученны
Стада под тень к ручью спешат
В лесах Сильвана скрыться темных,
И на брегах зефиры спят.

А ты, печась о благе Рима,
Страшися серрских, скифских стрел
И парфа, буйностью водима,
Кем древле с славой Кир владел;
Но бог премудро ночи темной
Покров над будущим простер:
Смеется он, коль бед вседенно
Страшится смертный выше мер.

Устрой на благо час летящий,—
Предбудущее, как река,
Котора то струи молчащи
Льет в море, не мутя песка,
То, наводнясь, брега срывает,
Древа с кореньем, камни гор,
Стада и домы поглощает,
Колеблет шумом холм и бор.

Тот властен сам в себе, тот волен
И путь ко счастью проложил,
Кто, настоящим лишь доволен,
Сказать мог: «Я сегодня жил».
Пусть Дий иль небо тьмой обложит,
Иль солнцем ярко озарит:
Собывшегось — не уничтожит;
Прошедшего — не возвратит.

Фортуна злобна самовластно
Играет нашею судьбой,
И тешится всяк час ужасной,
Злоприхотливою игрой.
Непостоянна, коловратна
В дарах и почестях своих,
Сегодня мне благоприятна,
А завтра уж манит других.

Пока со мной она,— хвалами
Богиню не стыжусь я чтить;
Взмахнет ли легкими крылами,—
Спешу дары ей возвратить;
И добродетели смиренной
Щитом прикрывшись, не ропщу;
За честность истинно почтенной,
Без вена,— бедности ищу.

С жестоким бурный афр стремленьем
Когда готов мой парус рвать,
Я с робким не привык моленьем
Богам обеты посулять.
Коль яры ветры дуть престанут,
И, пища роскоши моей,
Богатства тиррские не станут
Добычею скупых морей,

Тогда, коль ветерок прислужен
Дохнет вслед скромного пловца,
Покров лишь Полукса мне нужен,
Любезной Леды близнеца;
Тогда меня сей спутник звездный
И легкий двувесельный челн
Сохранно пренесут чрез бездны
Бунтующих Эгейских волн.

СУДЬБА

(Гораций, кн. I, ода XXXIV)

Parcus deorum cultor...

Пока вслед буйного ученья
Я в мраке слепо заблуждал,
Богам не часто долг почтенья
И не усердно воздавал.

Теперь я принужден кормою
Назад мой челн поворотить
И в путь, давно забытый мною,
Невольно, со стыдом вступить.

Зевес на небесах пространных
Обыкший облака сгущать,
Чтоб молнией из туч раздранных
Вселенной гнев свой возвещать,

Теперь, прияв перун в десницу
И в ясный вознесясь зенит,
Без туч, гремящу колесницу
С летящими коньми стремит.

Земля трепещет, быстры реки,
И Стикс, клонящий к аду бег,
Атлантские хребты далеки,
И страшного Тенара брег.

Бог может низменность смиренну
В высоку гору превратить;

Унизя знатность напыщенну,
Что в тьме коснеет, осветить.

Фортуна колесом вращает
Ей свыше подчиненный свет,
Тут с треском острый верх срывает,
Где хочет, там его кладет.

К МЕЛЬПОМЕНЕ

(Ода Горация, кн. IV, ода III)

Quem, tu, Melpomene...

О Мельпомена! кто приятный,
Рождаясь, взгляд твой привлечет,
Того истмийский подвиг знатный,
Как славного бойца, хвалой не вознесет;
Не мчат там кони, легче птицы,
Его победной колесницы:
Народам Капитоль вождя не кажет в нем,
Смирившего царей надменных,
И, средь трофеев вознесенных,
Венчанна Фебовым венцом;

Но шум тибурска водопада,
Поящего роскошный луг,
Тенистой рощицы прохлада
В пленительный восторг его приводят дух;
Но эолийскими стихами
Он будет славен меж певцами!..
Уж гордый Рим меня достойным признает
Вступить в собор их знаменитый,
И меньше злобно ядовитый
Зуб зависти меня грызет.

О ты, что плавно размеряешь
Звук лиры золотой моей,—
Могуща, если пожелаешь,
И рыбам дать немым глас нежный лебедей,—

О муза! я тебе обязан,
Что всеми здесь перстом указан,
Как первый римлянин, познавший лиры строй:
Что жив, что песнями пленяю,
Коль сим ласкать себя дерзаю,
Тебе обязан тем одной.

НИЧТОЖЕСТВО БОГАТСТВ

(Перевод Горациевой оды, кн. III; ода I)

Odi profanum vulgus et arceo...

Непросвещенну чернь с презреньем изгоняю.
А вы! безмолвствуйте: парнасских жрец богинь,
Для юношей и дев стихи я воспеваю
Еще неслыханны донынь.

Цари — подвластным страх; царей — Зевес властитель,
Титеи дерзостных низвергший в прах детей,
Колеблющий весь мир и звездную обитель
Единым манием бровей.

Пусть тот садов себя пространством величает;
Сей, знатен, в Марсов круг за почестьми течет;
Того пусть слух доброт повсюду прославляет,
Сего — толпящийся причет;

Равняет всех их смерть: вельможа напыщенный
Иль нищий,— всем ее быть жертвой суждено:
И в урне роковой все имена вмещенны,
Судьбой мешаются равно.

Злодей, зря меч нагий, над головой висящий,
Не может яств вкушать сицильских и вина;
Ни пенье птиц, ни лир приятно глас звенящий
Ему не возвращают сна.

В убогой хижине, приосененной миром,
Не презирает сон приютна уголка,

И на брегу реки, колеблема зефиром,
    Покрова темного леска.

Умеренного кто довольства лишь желает,
Того ни бурное морских волненье вод,
Ни запад лютого Арктура не смущает,
    Ни звездного Козла восход,

Ни град, цвет гроздия, иль плод его разящий,
Ни жатва, льстившая надеждою златой,
Ни сад, то дождь ливный, то лютость зим винящий,
    То землю иссушивший зной.

Уж рыбы зрят моря оплотами стесненны:
Богач пред богачом там с челядью своей
И с зодчими в волнах спешат возвысить стены,
    Наскуча твердою землей.

Но страх, но скорбь за сим вельможей вслед
                                        стремится;
Забота тощая с нахмуренным челом
В трирему, медью вкруг обиту, с ним садится,
    И задь седла его верхом.

Почто ж, коль мраморы драгие синадийски,
Ни благовоннейший персидский аромат,
Ни багряницы блеск, ни вина кампанийски
    Печали гнета не легчат?

Почто желать, столпы воздвигнув приворотны,
Чтоб новый вкус мой дом, на зависть всем, одел,
И на сокровища променивать заботны
    Сабинский малый мой удел?

СПОСОБ К ДОВОЛЬСТВУ

(Перевод оды Горациевой, кн. III, ода XVI)

Inclusam Donaen...

Когда, боясь невинной дщери,
Ахриз Данаю заточил
В темницу, где железны двери
Затвором медным укрепил,

Когда стрегущих денно-ночно
К вратам приставил чутких псов,
Казалось, что ее он прочно
От влюбчивых берег воров.

Но Дий с Венерою украдкой
Смеялся, тщетность зря тревог;
И что везде путь сыщет гладкий
Преобращенный в злато бог.

Меж воев злато протекает;
Меж стражей, окруживших дом;
Сквозь тверды камни проникает,
Быстрее, чем крылатый гром.

Весь славный род Амфиарея
Алчбой корысти истреблен.
Филипп, ключом златым владея,
Отверз врата твердейших стен.

Дары под власть его попрали
Царей, стязующихся с ним;
Дары сердца людей смягчали,
Разбоям вдавшихся морским.

С богатствами растет к ним жадность;
Заботы вновь они родят.
Копить их, возвышаться в знатность
Страшился я, о Меценат!

Чем больше мы себе откажем,
Тем больше боги нам дадут;
Но быть своих сокровищ стражем —
Безумным лишь приличен труд.

Итак, богатых оставляю,
И наг, из табора сего,
Ко стану тех перебегаю,
Что не желают ничего.

Именьем малым я владея,
Скупца богаче, что возмог
Собрать все жатвы Апулея:
При всем избытке он убог.

Лесок тенистый, ток прелестный
И нива, наградивша труд,
Царю Ливии неизвестный
Мне жребий счастия дают.

Хотя с полей калабрских пчелы
Сотов мне не приносят в дар;
В сицильских вазах застарелый
Не крепнет Бахусов нектар;

Хотя на галльских паствах тучны
Стада мне волны не растят;
Однако с нищетой докучны
Меня и нужды не тягчат.

Когда б не стало мне стяжанья,
Ты б щедрою помог рукой:
Но, сократя мои желанья,
Доход я увеличил мой;

И малым боле богатею,
Чем если б, мер алчбе не знав,

С Мигдонией стяжал я всею
Пространство Крезовых держав.

Кто много требует строптиво,
Тот в многом недостаток зрит.
Блажен, рукою бережливой
Кому довольство бог дарит!

ПРОТИВ ЗЛАТОЛЮБИЯ

(Гораций, книга II, ода II.)

Nullus argente colorest...

Державин! враг сокрытых кладов
И руд драгих в земле скупой!
Сребро не привлекает взглядов
Своим ни цветом, ни красой;
Встречает лишь одно презренье,
И не завидно никому,
Умеренно употребленье
Коль блеска не придаст ему.

Живут и вечно будут живы
Пожарский, Минин, честь граждан,
Которых рвеньем враг кичливый
Из царства русского изгнан.
Они к спасению державы
И жизнь и злато в дар несли;
Их имена на крыльях славы
Промчатся до концов земли.

Кто алчность обуздать умеет
Несытых прихотей своих,
Тот более богатств имеет,
Чем царь индийских недр златых;
Чем новый, хищностью водимый,
Атилла, если б покорил
И Волгой берега поимы,
И быстрый Таг, и тучный Нил.

Недугом водяным кто страждет,
В лечении не строг к себе,
Чем больше пьет, тем больше жаждет,
В противной с Танталом судьбе;
С дня на день в нем дебелость вредна
С болезнью тяжкою растет;
Пока из тела мертво-бледна
Он злых острот не изженет.

Пускай, кто славу счастьем числит,
Как галлов вождь, похитит трон;
Различно мудрый с черныо мыслит:
Счастливца в нем не видит он;
И мненье, чтимое народом,
Исправя, лавр тому дает,
На кучи злата мимоходом
И оком кто не поведет.

К ЛИРЕ

(Гораций, кн. I, ода XXXII)

Poscimus, si quid vacui...

О лира, милая подруга!
Коль древ в тени, под час досуга,
Резвясь, я песни пел с тобой,
Прожить достойны год, другой,
Внуши мне новый стих латинский!
Герой и гражданин лезвийский
Всех прежде на тебе бряцал;
Во стане ль ратном изощрял
Оружье, бранна духа полный,
Иль, бурны одолевши волны,
Корабль свой в тиху пристань вел,
Он Вакха, муз, Венеру пел,
Дитя с палящими стрелами,
И Хлою с черными очами,
И черны Хлои волоса.
О Фебовых рамен краса,
Трапезы Дия услажденье,
В трудах приятно облегченье,
О лира! коль зову с мольбой,
На голос откликайся мой!..

БЕЗОПАСНОСТЬ

(Гораций, кн. I, ода XXII)

Integer vitae...

Кто злобы чужд, обманов низких,
Чист сердцем, правдою живет,
Тому ни в копьях мавритийских,
Ни в скифском луке нужды нет;

Колчан ему не нужен полный
Смертельно ядовитых стрел;
Хотя б песчаные он волны
Ливийски протекать хотел;

Хотя б Кавказа негостинный
Пройтить отважился хребет;
Иль дальные страны пустынны,
Чудесный где Гидасп течет.

Вот так и я, бродя беспечно
В Сабинской рощице меж гор
И занят думою сердечной,
За грань, в густый вошедши бор,

Когда там для Лалаги страстны
Любовные стихи слагал,
Вдруг волка,— ловчий неопасный
И безоружен, я прогнал.

Не зрела Давния военна
Таких чудовищ средь лесов,

Ни область, Юву подчиненна,
Кормилица безводна львов.

Всели ж меня хоть в степь, где тощих
Зефир деревьев не живит,
Край света, на горах полнощных,
Что Зевс туманами тягчит,

Под колесницею солнечной,
В необитаемой стране —
Лалаги будут милы вечно
И голос и улыбка мне.

К СЛУГЕ

(Гораций, кн. I, ода XXXVIII)

Persicos odi...

Не люблю персидской пышности,
Мальчик! и в венках мне нужды нет,
Тонким лычком перевязанных;
Не трудись искать, где поздняя
    Роза здесь еще цветет.

Без хлопот, простою миртою
Я доволен: мирта скромная
Нам прилична, как тебе, слуге,
Так и мне, когда под ветвями
    Виноградными я пью.

СПОСОБ УТЕШЕНИЯ

(Гораций, кн. V, ода XIII)

Horrida tempestas...

Ужасна буря мрак наводит
 На светлый свод небес;
В дожде и снеге к нам нисходит
 С угрюмых туч Зевес.
Фракийский ветр моря вздымает
И грозно в дебрях завывает.

Мой друг! уловим быстрый час
 Дня, вечно окрыленна,
Пока от старости у нас
 Не затряслись колена.
Пока прилично,— без причин
На лоб не наведем морщин.

Подай слитое при Торквате
 Столетно мне вино.
О прочем замолчать нам кстати:
 Быть может, суждено,
Чтоб Дий внезапной переменой
Послал нам жребий вожделенный.

Теперь на волоса взольем
 Мастик Ахеменея
И песнь веселу воспоем
 Под струны Силленея;
Приятный их и громкий звон
Пусть скорбь и думы гонит вон.

Премудрый так кентавр Пелида
Учил средь юных лет:
«Герой, которого Фетида
Бессмертна — смертным в свет,
И то на краткий век родила,
Хоть в мрачном Стиксе закалила!

Тебя поля троянски ждут,
Где тощий Ксанф, холодный
И быстрый Симоис текут
В понт Геллы многоводный.
Там парки мерну нить прервут
И в дом тебе возврат препнут.

Оттоль тебя голубоока
Не принесет в отчизну мать.
Спеши ж там чашей грозднa сока
И песнью скорби услаждать,—
Тоску, угрюмые печали
Всегда они лишь облегчали».

НА РОСКОШНЫЕ ОБИТАЛИЩА

(Гораций, кн. II, ода XV)

Iam pauca aratro...

Уж пышны зданья властелина
Землей ограбят скоро плуг:
Обширней тиниста Лукрина
Пруды изрыты видим вкруг.
Где вяз был — клен стал одинокий;
Кусты и цветники беспроки,
Что обонянье лишь манят,
Уж скоро вытеснят оливы,
Владельцев прежних верный клад;
И в сводах лавры горделивы
Их листьем солнце отразят.

Не так гласит скрижаль закона,
Что Ромул нам преподает;
Устав небритого Катона
И древних праотцов завет:
При них граждане скудно жили,
Все злато в общий клад копили.
Стыдяся земляных домов,
Никто на север, для прохлады,
С навесом не взводил столбов:
Богатством — украшали грады
И мрамором — лишь храм богов.

НА РАЗВРАТ НРАВОВ

(Гораций, кн. III, ода VI)

Delicta maiorum...

Квирит! за предков злодеянья,
Безвинный, ощутишь ты месть,
Пока священны храмы, зданья
Из пепела коснишь вознесть;
Пока кумиров обожженных
И пылью, дымом очерненных
Не восстановишь в прежню честь.

Бессмертных власть верховну чтущий,
Воздел всемирный ты венец:
Начало счастья им,— грядущий
Лишь им,— приписывай конец.
Гесперии всех бед, злосчастий
Причиной буйство — вышней власти
Не покорившихся сердец.

Пророчески жрецов прещенья
Отвергшу, нашу рать в боях
Двукрат, толпами ополченья,
Менез, Пакор разбили в прах;
Двукрат добычею беструдной
Украся ожерелье скудно,
Смеется нам наш гордый враг.

Едва не пал наш град строптивый,
Междоусобный строя ков,

Когда и дак браннолюбивый,
И с нильских эфиоп брегов
Восстали против нас войною,
Сей — страшен силою морскою,
Тот — лучших множеством стрелков.

Пороком век наш плодовитый
Вначале браки осквернил,
Домы и роды знамениты,—
В разврате сем источник был,
Который вскоре, как волнами,
Народ, отечество бедами
И злодеяньем наводнил.

К замужеству девицы близки
Охотятся перенимать
Похабны пляски ионийски;
И, не стыдяся посвящать
Себя толь гнусному искусству,
К прелюбодейному распутству
Спешат уж с детства навыкать.

Жена из-под венца лишь — ищет
Уже молодших волокит;
Пока муж пьет — в потемки рыщет,
И там поспешно, сброся стыд,
Непозволенну, без зазора
И без дальнейшего разбора,
Утеху встречному дарит.

Иная, с ведома супруга,
Не закрасневшися, встает
Из пиршественна даже круга,
Когда или купец зовет,
Иль корабельный гость гесперский,
Что за ее распутства дерзки
Сокровища, как сор, дает.

Не от таких отцов военный
Род юношей проистекал,
Который кровью Карфагены
Моря пространны обагрял;
Кем Пирр, во бранях знаменитый,

Великий Антиох разбиты,
И ужас Рима — Ганнибал.

Мужественно то было племя
Трудолюбивых поселян,
Считавших не за тяжко бремя
Пахать сохою сабелян;
Носить дрова к избе убогой
В час льготы от работ, коль строгой
Их матерью приказ был дан;

В час даже, как небес светило,
Простерши с гор отрадну тень,
Волов усталых отрешило
От гнувшего ярма весь день
И, чтоб трудам дать отдых малый,
Поспешно колесницу гнало
За крайний запада ступень.

Чего не изменяют едки
Лета, в тлетворном бегстве их?
Сынов развратных наших предки
Родили,— мы отцов своих
Уже в разврате превосходим;
А в сыновьях — потомство родим
Развратнее — и нас самих.

О ДОСТОИНСТВЕ СТИХОТВОРСТВА

(Перевод Горациевой оды, кн. IV, ода VIII)

Donarem pateras...

Охотно б чаши, бронзы редки
Я в дар принес моим друзьям;
Треноги, что ахеан предки
Дарили храбрым их вождям;
И если б был богат искусством,
Которым Скопас и Фарраз,
С толь дивным, превосходным чувством
Отделывали напоказ,
Тот в камне, кистью сей живою,
То смертных вид, то лик богов,
Тебе б признательной рукою
Принес я лучший из даров.

Но сим искусством,— сам ты знаешь,
О Цензорин! я не богат:
И от убогих не желаешь
Толь драгоценных ты заплат;
Притом ты мыслишь, что не нужно
Приумножать диковин сбор,
Чтоб ими только в час досужный
Развлечь или забавить взор.
Стихи ты любишь,— так стихами
Тебя мы можем подарить,
И, сдревле чтимое веками,
Достоинство их объяснить.

Черты, на мраморе блестящи,
Из темных гробовых дверей
Вновь к жизни, к славе возводящи
Героев, доблестных вождей;

Угрозы исступленны, яры,
Бегуща Ганнибала вспять,
И буйной Пунии пожары
Так громко не могли вещать
О том, кому, им покоренна,
Прозванье Африка дарит,—
Как лира, Фебом оструненна,
Калабрских вещих пиерид.

Коль лиры замолчат златые,
Лишится добродетель мзды:
Что был бы нам твой сын, Иллия,
Когда бы Ромула труды
Завистливо молчанье скрыло?
Священного восторга полн,
Пиит исторг витийства силой
Эака из стигийских волн.
Пииты, их хвалы правдивы,
Их благосклонная молва
Для алтарей его счастливы
Определили острова.

От смерти муза избавляет
И небо доблестям дарит,
Ираклий с ней в Олимп вступает
И с Дием трапезу делит;
На вознесенны круги звездны
Кастор и Поллукс так взошли
И в бурю из морские бездны
Крушимы взносят корабли;
Так, гроздным листвием венчанный,
И Вакх, приемля наш обет,
Предначинаниям желанный
Конец благоуспешно шлет.

ПИИТ-ЛЕБЕДЬ

(Ода Горация, кн. II, ода XX)

Non usitata, non tenui ferar...

На крыльях дивных и могучих,
Певец двувидный, я помчусь
В эфир, верх облаков плывучих,
С земною перстью разлучусь;
Над завистью взнесенный злою,
Оставлю грады под пятою!..
Нет, нет! — хоть род мой небогат,
Но если ты твоим любезным
Зовешь меня, о Меценат! —
То не умру,— багром железным
Харон в ладью не повлечет,
За Стиксом не убережет!..
Уж голени мои покрылись
Шершавой, жесткой кожей вдруг;
Власы седые превратились
В волнистый, белоснежный пух;
Из перстов перья показались,
И крылья по плечам расстлались!
Надежней, чем Дедала сын,
Как лебедь, сладку песнь гласящий,
С зенитных я узрю вершин
Босфор, в крутых брегах стенящий,
Пески сыпучи гетулян
И степи гипербореан;
Моею песнью колх пленится,
И дак, что в близкий брани час
Притворно марзов не страшится,

Гелон, столь удален от нас,
Иберы, мудрыми слывущи,
И галл, струи Родана пьющий!..
Прочь Нении слезливый лик,
Унылы песни и цевницы,
Постыдный сетующих клик
Вкруг праздныя моей гробницы!
Прочь вопли, погребальный стон
И лишня почесть похорон!..

ПРОТИВ КОРЫСТОЛЮБИЯ

(Гораций, кн. III, ода XXIV)

Intactis apulentior...

Хотя б с ливийскими индейски
Богатства цельны ты скопил,
Моря тирренски, апулейски
Для зданий щебнем нагрузил;
Коль рок необходимый, строгий
Уставит гвоздь алмазный в грудь,
Душевной не уймешь тревоги
И не возможешь ускользнуть
От крепкой петли, что сурова,
Ничем не умолима смерть
В летящий миг уже готова
Над головой твоей простерть.

Блаженней геты и степные
За понтом скифы жизнь ведут,
Что в колесницах подвижные
Их домы за собой везут:
Земля, без граней, им свободно
Приносит жатвы и плоды;
И ратаи там лишь погодно
Проводят тучные бразды:
Один, скончав свою работу,
Другому труд передает;
Взаимну доставляет льготу
Соседу своему сосед.

Там может средь семейна круга
Детей своих любяща мать,

Быв целомудренна супруга,
Безвинно пасынков ласкать.
Там муж не раб жене богатой;
Она не знает волокит;
Наследны доблести,— не злато,—
Всяк драгоценным веном чтит.
Там в браке верность неизменну
Хранит врожденный страх стыда:
Забывших клятву их священну
Преступниц нет, иль смерть — их мзда.

О! кто положит с злодеяньем
Междоусобию конец?
Коль хочет статуй с надписаньем:
«Прямый отечества отец»,—
Пусть буйство обуздать решится
И своевольство пресечет:
Потомством он благословится!
От нас, увы! — пусть мзды не ждет:
Завистны души, унижаем
Живущу доблесть мы средь нас;
Но ищем, воскресить желаем,
Лишь только улетит из глаз.

К чему и жалобы и стоны,
Злодейство казни коль не зрит?
К чему бессильные законы,
Коль нравственность не подкрепит?
Когда ж ни зноем опаленна,
Ни дальна севера страна,
Что, вечным снегом отягченна,
Борею в область отдана,
От алчности не отучает
Корыстолюбного купца,
Коль грозны волны побеждает
Отважна опытность пловца;

Коль бедности порок постыдный
Велит все делать, все сносить
И крутизною незавидный
Путь добродетели забыть,—
Пойдем,— и в Капитол священный,
Куда, усердием горя,

Зовет народ нас восхищенный...
Иль бросим в ближние моря
Драгие камни, бесполезны
Громады золотых монет:
Да поглотят несыты бездны
Источник всех злодейств и бед!

Коль истинное сокрушенье
О злобе нашей ощутим,
Корыстолюбья истребленье
Началом будет нам благим.
И юношей, лишенных силы,
Навычка строгая к трудам.
Вельможич, ныне всадник хилый,
И ловчий трус,— по целым дням
Готов искусною рукою
Или ахейский трох катать,
Иль запрещенною игрою
Свой жребий случаю вверять.

Меж тем родитель вероломный
Спешит, забыв и стыд и честь,
Поверившего в клад огромный
Товарища в торгу обчесть;
Гостеприимство, дружбу, братство
Готов он дешево продать,
Чтоб недостойному богатство
Сему наследнику собрать.
Что ж в том? — неправое, конечно,
Стяжанье скоро возрастет;
Но все к нему чего-то вечно
В глазах скупца недостает.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

(Гораций, эпод. II)

Блажен, градским не сжатый кругом,
Кто так, как древни предки, мзды,
Заботы чужд и чужд вражды,
Своим в полях наследным плугом
Взвергает тучные бразды.

Кого в смятенье не приводит
Ни резкий в бой зовущий рог,
Ни грозный вид морских тревог;
Кто дверь судилища обходит
И гордый знатности порог.

То юны лозы виноградны
Он к тонким тополям крепит,
То острой пилкой коротит
Дички, и чуждых соков жадны
К ним ветви нежные щепит;

То вдаль бродящих средь долины
Мычанье слышит тучных стад;
То сот, что пчелы вновь дарят,
Сбирает в чистые кувшины;
То мягку шерсть стрижет ягнят.

А если овощми покрыту
Главу уж осень вознесет,
С какой приятностью он рвет
Иль грушу, им самим привиту,
Или багряный гроздный плод!

Тебе, садов его хранитель,
Надежный их от татей щит,
Прияп, сын Вакха знаменит;
Тебе, Сильван, границ блюститель,
Он их признательно дарит.

Под дуб ли ляжет древний, мшистый
Или к густой траве прильнет,
В леску над ним хор птиц поет;
Журча, ручей катится чистый
И легкий сон к нему зовет.

Когда ж длань Дия-громомета
Льет дождь иль снег зимой валит,
Со псами в дебри он спешит
И вепря лютого в тенета
Вдали расставленны стремит;

Иль сети тонкие готовит
Прожорных накрывать дроздов,
Иль в сйлки робких русаков
И журавлей прелетных ловит,
Награду милых толь трудов.

Ах! кто б в трудах толь безмятежных
Отрав любви забыть не мог?—
Но если, счастия в залог,
Детей лелеющую нежных
Пошлет ему супругу бог;

Супругу верную, делящу
Домашние заботы с ним,
Как скромную сабинку зрим
Иль апулейку работящу,
Осмуглену лучом златым!

К возврату мужа, утомленна
Надзором полевых работ,
Когда она вязанкой дров
Возжжет средь очага священна
Огонь, заветный у богов,

Коль стада, утучненна паствой,
Запертого в загон, одна
Доеньем не утруждена,
С некупленной поставит яствой
Бутылку нового вина,—

Тогда, ни устрицы лукрински,
Ни лещ, ни редкий рыбы род,
Что, в час бурливых непогод,
Зимою ветер ионийский
Приносит нам стремленьем вод;

Ни рябчик, ни фазан хваленый
Мне вкусны б не казались так,
Как в наших зреющих садах
Оливный плод, щавель зеленый
И тучным нужный проскурняк;

Или сосущий мать ягненок,
Пред вешним празднеством рожден,
На жертву терму посвящен;
Иль мягкий, жирненький козленок,
Из волчьей пасти исхищен.

Вкушая толь приятны яствы,
Когда уж тмится небосклон,
Как мило зреть со всех сторон,
При возвращенье с тучной паствы,
Стада, теснящиесь в загон;

Зреть обращенный плуг влачащих
Стопою медленной волов
И родовых толпу рабов,
Владельца первый клад, стоящих
Вкруг светлых храмины богов!

Так Алфий-ростовщик, отныне
Уж сельский житель, говорит:
И отданну казну в кредит
Собравши месяца в средине,
С недели в рост отдать спешит.

ЛЮБОВНАЯ КЛЯТВА

(Гораций, кн. II, ода VIII)

Когда б хоть раз ты казнь, Барина,
За ложны клятвы понесла:
Хоть тень на зуб, на лоб морщина,
На ноготь крапинка б взошла,

Поверил бы,— но лишь ужасной
Главу измене обречешь,
Милее кажешься,— и страстный
Влюбленных рой сильнее ждешь.

И праху матери, и ясным
В нахмуренной ночи звездам,
И хладной смерти не причастным
Тебе полезно лгать богам:

Смеется мать любви; веселы
Смеются нимфы вкруг харит
И бог, что пламенные стрелы
Кровавым каменем острит.

Тебе повсюду юнош стая
И новые рабы растут,
И прежни, гнев их забывая,
Под кров изменницы бегут.

Тебя все матери боятся
И стары скряги за детей;
И жены юные страшатся,
Чтоб блеск твой не взманил мужей.

ПЕТРУ ПЕРВОМУ

В младенческих летах коварные измены,
Второй Алкид, как змей, трекрат он задушил.
Чтоб мрак невежества, вокруг его сгущенный,
Рассеять,— рубищем порфиры блеск прикрыл;
И прешагнув моря, к работе низкой руки
Простер, чтоб водворить в отечестве науки.
Сам рать образовал, сам строил корабли.
Он рек,— и реки в Белт из Каспа потекли;
Иссунул меч,— и готф на высотах Полтавы
К ногам могущего с трофеев гордых пал;
Коснулся лишь пера — и суд безмездный, правый
Из-под развалины нестройств главу поднял.
Сей муж тьмой подвигов, потомством не забытых,
Вселенной доказал, что в поприще владык
Великий вырод был в мужах он именитых,
Ни счастьем, ни венцом, но сам собой — велик.

ОДА НА ПИИТИЧЕСКУЮ ЛЕСТЬ

Велик, в позднейши прейдет роды
Любимый музами пиит,
Что чувства, мысль, красу природы
В стихах своих животворит;
Но больший тот, чья звонка лира,
Изобличая злобу мира,
Гремит лишь правдой в слух царей:
Гордыня гласу внять страшится,
И ей прислужна лесть стыдится
Личины гнусныя своей.

Внемлите, свыше вдохновенный
Как царь-пиит к царям зовет:
«Почто ко истине заткненны
Отверзли уши для клевет?
Не соблюдя закона свято,
Мздоимное почто вы злато
Кладете на весы судов?
Почто, средь мира сея брани
И отягчая бремя дани,
Пиете пот и кровь рабов?

Я видел,— в славе нечестивый
Взносился, как ливанский кедр,
Что к небу высит верх кичливый,
До адских вкореняся недр;
Прошел я — и его не стало,
Взыскал — и место то пропало,
Где буйства возвышался рог.
Цари надменны! трепещите;
Что смертны вы, воспомяните:
Противится гордыне бог».

Так царь-пророк земным владыкам
Священнейший их долг твердил
И раболепной лести кликам
И лжехвалам внимать претил.
Занятий сельских назидатель,
Омира скромный состязатель,
Бессмертный Гесиод, царям
Так пел отважны поученья;
И яростью небесна мщенья
Грозил взносящимся главам.

Не столь мечом, как громом лиры,
Алкей тиранов устрашал;
Всевластия потряс кумиры
И жертвою свободы пал.
Скрыжали древнего закона
Резцом священным Аполлона
Начертаны для ахеан.
На лире, музой оструненной,
Солоны песнью вдохновенной
Вдыхали доблести в граждан.

И Флакк, изоблича пороки,
Расслабившие сильный Рим,
Пел смело резкие уроки
Соотчественникам своим.
Но, о преврат! — любимец Феба
Унизил дар бесценный неба,
Хваля распутные сердца;
И в знаменитом сем пиите,
Ползущего в большом синклите,
Мы зрим Октавова льстеца!

О стыд! — и злобу что исправит,
Священный коль язык богов
Коварство, месть, убийцу славит
И человечества врагов?
Кем доблесть воспоется строга,
Могущество и благость бога,
Богоподобные цари,
Коль глас поэзии священной
Торжественно велит вселенной
Воздвигнуть буйству алтари?

Безмездным рвением водимый,
Кто цепь расторг родимых стран;
Отвергши прелесть диядимы,
На степень стал простых граждан;
И под убогий кров наследный
Венцы, трофеи скрыл победны,
Хвалой не посрамится ль лир,
Которыми разбой, крамола
Иль хищник царского престола
Преобращается в кумир?

Достойны ль петь они владыку,
Что сам из мрака лишь исшел,
Вдруг область просветивши дику,
На сферу славных царств возвел;
Как из земли, вновь войски ставил;
Как из-под вод,— вдруг флоты плавил
В Белт, в Касп и в льдистые моря;
В ком, новым чудом изумленна,
В герое видела вселенна
Слугу державы и царя?

Бессмертие дарует слава
И к подвигам благим стремит;
Но лесть в устах ее отрава,
Что доблесть в семенах мертвит:
Возмогут ли на труд великий
Хвалебные подвигнуть клики,
Лавровый нас польстить венок,
Когда весь мир тому свидетель,
Что им, равно как добродетель,
Приосеняется порок?

Да гнев небес запечатлеет
Те ядом дышащи уста,
Которые отверзть посмеет
Коварна лесть иль подла мзда!
Да громом раздробится лира,
Что в честь кичащегось кумира
Хвалебны гимны возгремит!
И да познают все владыки,
Что те лишь их дела велики,
Хвале которых правда щит!

ПОСЛАНИЕ К ПРЕКРАСНОЙ

Возможно ли? средь шумна круга,
Где музы, грации, Эрот,
Где рой потешных лишь забот
И вся веселости прислуга,
Вокруг красавиц, в хоровод
Тесняся торопко, друг друга
Толкают, упреждают, жмут
И об отлучных им досуга
Минутно вспомнить не дают;
Возможно ль, повторю я, статься,
Чтоб в край пустой издалека
Успели мыслью вы промчаться
Для стихотворца-старика?
Нет, этому нельзя поверить.
Чтоб хоть мечтой меня польстить,
Решилась дружба лицемерить
И скорбну истину прикрыть
Обмана милою личиной...
Загнанным строгою судьбиной
В страну далеку от драгих,
Чтоб в памяти воскреснуть их,
Одна надежда остается:
Что сердцу сердце отзовется.
Но кстати ль мне о том мечтать
И сей взаимностью отрадной,
Сколь сердце оною ни жадно,
Старик — могу ль тебя ласкать?
Что ж делать, чтобы в пень не стать?
К старинному со мной союзу
Решился б пригласить опять

Сговорчивую прежде музу;
Но муза не придет на зов
Уж поседелого пиита,—
Она ведь вашего ж синклита:
Хоть любит — да не стариков.
Со всем тем средства нет другого;
Итак, собравшись в трудный путь
По топтаной тропинке, снова
Отважусь стариной тряхнуть,
У музы попрошу покрова,
Чтоб в вашей памяти — мелькнуть.

ОДА НА СМЕРТЬ ДЕРЖАВИНА

Вовеки лирой будет славен
Анакреон, и Флакк, и Пиндар наш —
Державин.

«Уж нет его! — в унылом стоне
Печальных муз мне слышен глас.—
Уж нет его! — на Геликоне
Российский светлый Фар погас!
Певец любви, победы, бога
Чрез праг Плутонова чертога
В подземный Элизей грядет.
На круге звездного эфира
Затмилася небесна Лира:
И, ах! Державина уж нет!»

Что слышу я? о весть жестока!
Удар сей душу мне пронзил;
И гнев непримирима рока
Вновь чашу зол над мной излил:
Вновь верного лишает друга.
Там плачет нежная супруга,
Толпа тут бедных и сирот.
Неумолимая судьбина
Отъемлет у России — сына,
У мира — образец доброт.

О скорбь! — и скорби безотрадной
Мы в горьких не смягчим слезах:
Рыдаем,— а в могиле хладной
Бессмертного уж тлеет прах:
Уста, что гимнами гремели,
И сердце, в коем пламенели

Любовь к добру,— ко злобе гнев,
Уже холодный червь снедает.
Увы! все в мире поглощает
Ненасытимый смерти зев.

О смерть! и царь и раб презренный,—
Подданство все равно твое;
И все, как жертвы обреченны,
Падут на остро лезвие.
Равно сражая скорбь, и радость,
И ветхость, и красу, и младость
Непритупленною косой,
Трофей ты пеплом посыпаешь
И славны царства поращаешь
Пустынным терном и травой.

Как быстрая река в долине,
Через кремнистый рея праг,
Коснувшися морской пучины,
Теряется в ее зыбях;
Древа, взращенные веками,
И зданья, срынуты волнами,
Мелькнув мгновенно, тонут в ней;
Так вся мирская скоротечность,
Через тебя вливаясь в вечность,
В глубокой гибнет бездне сей.

Но нет; — муж, Фебом увенчанный,
Под общий не идет закон:
Как остров близнеца Дианы,
Из бездн морских возникнет он;
На корне лавра утвердяся,
Угрюмой бури не страшася,
Священное чело взнесет
Поверх пучины разъяренной;
И Аполлонов лес зеленый
Там для венков его взрастет.

Или подобно водопаду,
Что с гор высоких в дол стремит
Хрустальну быстрых вод громаду
И громом грома звук глушит;
В алмазах солнца луч играет

И радугу изображает
В поднявшейся от брызгов мгле;
Жемчуг клубами в пене льется,
И мрачный бор сырой трясется,
Низвесясь на его челе.

Но вдруг зима, дохнувши мразом,
Падущи леденит ручьи:
Блестящи яхонтом, алмазом,
Оцепенев, висят струи;
По них сверкает луч игривый;
И разноцветные отливы
Еще ярчее взор разят:
Ловец приближиться страшится
И в изумленье лишь дивится,
Что не гремит уж водопад!

Но ты, под гробовой доскою,
Державин! гимнами гремишь;
И поздний род твоей трубою,
Цевницей, лютнею пленишь.
Где сыщется в пространном мире,
Кто б так, как ты, на звонкой лире
Воспел величество творца,
Победы росса знамениты,
Волшебны прелести хариты
И блеск Фелицына венца?

Поборник правды, ты святую
Всем гласно истину вещал;
Разил коварство, хищность злую,
Гордыни буйство унижал.
В картинах резких иль игривых
Представил страсти душ строптивых
И счастья льстивого мечты;
Вождей и грозных память боев,
Монархов мудрых, и героев,
И славу обессмертил ты.

Пока сиять Россия будет
В торжественных венках побед,
Тебя потомство не забудет,
И имя барда вознесет.

Злый Хрон, все в мире истребляя,
Твой памятник истнить желая,
Преткнется о ступень его;
И, вечною покрытый тьмою,
Плутон забвения рекою
Не смоет лавра твоего.

Пергам трава уж зарастила;
Ограды снес морской разлив;
Но славу сохраня Ахилла,
Омир средь нас доныне жив.
Так ты, хотя б леса, пустыни
Покрыли росские твердыни,
Как лавр священный процветешь
Над падшею во прах державой:
Державин! ты своею славой
И славу росса преживешь.

Почто же слабыми стихами
Дерзнул бессмертного я петь?
Омывши памятник слезами,
В молчанье должно б мне скорбеть.
Увы! — прости мне, друг любезный,
Что с томной жалобою слезный
Из сердца проливаю ток:
Прости,— и песнь сию унылу
Прими, о друг мой, на могилу,
Как скорбью брошенный цветок.

НА КОНЧИНУ ГАВРИИЛА РОМАНОВИЧА ДЕРЖАВИНА

Державин умер!.. слух идет,—
И все молве сей доверяют,
Но здесь и тени правды нет:
Бессмертные не умирают!

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ НА МОГИЛУ БЛАГОТВОРИТЕЛЯ ДРУЗЬЯМ ДЕРЖАВИНА

И вы его любили,
У дружества слезой
Вы прах его почтили;
Вам стих печальный мой
Я посвятить желаю;
В нем чувства моего
Я тень изображаю;
Приймите вы его.

Где ты, муж, богом вдохновенный,
О добрый благодетель мой!
Державин! — ты ли пал сраженный
Под лютой роковой косой?
И над твоею ли могилой
Звук лиры моея унылой
Печально вторит скорбь мою?
Увы! удар уже свершился!
Державин в вечность преселился,
И я над прахом слезы лью.

Петь радости... легко, отрадно,
Петь горесть... лиры звон молчит.
Сколь в мире счастие превратно
И сколь его пременчив вид!
Державин! я вчера с тобою
Добра пленялся красотою,
Тебе внимая, счастлив был...
Но радость смежна со слезами:
Сегодня Волхова струями
Тебя к могиле проводил.

Ничто судьбы не избегает,
Всему здесь положен предел;
Не вечно счастье нас ласкает,
Увы!.. и я осиротел!..
Цветок, растущий на долине,
Недолго в счастливой судьбине
Красой и запахом пленял...
Луч солнца к югу уклонился,
Ветр дунул, льдами ток стеснился,
И где ж цветок? Цветок увял.

Но солнце снова воссияет,
Цветок, быть может, оживет;
Лишь мне надежда изменяет,
Мое лишь солнце не взойдет.
Сокрылся луч, меня хранящий!
За часом час, вослед летящий,
Лишь хлад душе моей несет;
Мне в сердце горесть поселилась,
Мысль мрачным облаком покрылась,
И смерть во гроб меня зовет.

О смерть! — последняя отрада!
Скажи: почто щадишь меня?
Скажи: ты казнь или награда?
Тебя достойна ль жертва я?
Скажи... коль смертным знать то можно,
Желать иль трепетать нам должно
Прихода твоего часа?..
Но ты молчишь — и пожинаешь!
Ты тайну в вечности скрываешь,
И всем грозит твоя коса.

Молчишь... Но сердца глас вещает,
Что ты одним злодеям страх;
Что муж благий тебя желает,
Что рай его лишь в небесах.
Путь жизни сей — путь испытаний;
Чрез цепь всех зол, чрез цепь страданий
Он к светлой вечности ведет.
Державин смерти не страшился;
Он смертью к славе возродился,
Его прельщал лишь вечный свет.

Кто мыслью с богом съединился,
Дерзнув непостижимость петь,
Кто с самых юных дней учился,
Покорствуя судьбе,— терпеть,
Кто с скорбным слезы проливает,
Сирот лелеет и питает,
Несчастному отраду льет,
Всяк час добро творить стремится,—
Тот смерти вечно не страшится
И вечно смертью не умрет.

Ликуй, дражайша тень! — в чертоге
Творца и бога твоего;
Ты мыслить здесь дерзал о боге,
А там ты пред лицом его.
Но мы во тьме блуждать остались
И в прахе, где по днесь скитались,
Не сыщем места отдохнуть,—
Пока, оконча путь страданий,
Испивши чашу слез, рыданий,
Мы удостоимся заснуть.

Но ты заснул... и всем ли можно,
Тебе подобно, кончить век?
Блажен, блажен стократ неложно,
Кто так, как ты, свой путь протек.
Ты жизнь небесную вкушаешь,
Ты жив, ты с нами обитаешь!
Тобой в сей миг внушенный, я
Твой стих здесь повторить дерзаю:
В восторге чувства восклицаю:
«Жив бог! — жива душа твоя!»

НА ТЛЕННОСТЬ

«Река времен в своем теченье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы».

Так лебедь, Пиндар пел российский,
Когда готовился уж час,
В полете быстром к гробу близкий,
Взззвенеть ему в последний раз;
И в миг, как хладною рукою
Уж лиру смерть рвала из рук,
Так громкой он издал струною
Пленительный — последний звук.

Из века в век сей звук прольется.
Державин! — нет; всежруща тлень
К венкам твоим не прикоснется,
Пока светящий смертным день
Чредиться будет с ночью звездной;
Пока ось мира не падет,—
Времен над реющею бездной
Венок твой с лирою всплывет.

НА СМЕРТЬ ДРУГА

(Горациева ода, кн. I, ода XXIV)

Quis desideria sit pudor...

Оплакивать, увы! главу, нам толь любезну,
Какой предлог иль стыд
Скорбящим воспретит?
О Мельпомена! песнь внуши мне томну, слезну;
Ты, коей с лирой золотой
Богов отец державный
Дарит и голос плавный,
Унылу песнь воспой.

Итак, Квинтилия уж сон одержит вечный!
Где нравов чистота,
Где верность, правота,
Нагая истина, и друг чистосердечный,
И Феб, восторгу своему
Предавшийся на лире,
Где сыщут в целом мире
Подобного ему?

Все добрые по нем льют горьки токи слезны:
Ты всех горчайший льешь;
Но тщетно к небу шлешь
Умильные мольбы,— уж друга, друг любезный,
Не оживишь ты своего:
В самих дарах их строги,
Тебе послали боги
На краткий срок его!

Хоть лиры сладостью сравнишься ты с Орфеем,
Который восхищал
Древа фракийских скал;
Не возвратится кровь в тень, кою кадуцеем,
Для смертных страшным толь жезлом,
Через пустынны реки,
Меркурий уж навеки
Загнал в подземный дом.

Никто из черного к нам не выходит стада,
Которое Плутон
Приемлет в свой загон;
И рок безжалостный замкнул исходы ада.
Несносна скорбь! — но чем смягчить?
Терпенье облегчает,
Чего не возмогает
Ничто переменить.

БРЕННОСТЬ КРАСОТЫ

Увы! что в мире красота? —
Воздушный огнь, в ночи светящий,
Приятна сердцу сна мечта,
Луч солнечный, в росе блестящий.

Мгновенье — нет Авроры слез;
Мгновенье — льстить мечта престала;
Мгновенье — метеор исчез;
Мгновенье — и краса — увяла!

Эльвира! в легких сих чертах
Твою я повесть представляю:
Давно ли прелесть? — ныне прах;
И вид твой — лишь в душе встречаю.

Но где ты днесь? о! сердца друг!
Останок твой здесь персть покрыла;
Но персти не причастен дух,
И не пожрет его могила.

Ты там — где вечен цвет красы,
Которая в тебе мелькнула;
Отрадой меря где часы,
От зол — доброта отдохнула.

Небесную отверзла дверь
Тебе — над смертию победа;
И радость ангелов теперь
Твоя сладчайшая беседа.

Моя ж беседа — грусть; и нет,
Нет сил прогнать тоску унылу;
Она всяк день меня ведет
На хладную твою могилу.

Сойди ж и ты, о друг мой, к ней;
Зри скорбью грудь мою раздранну;
Пролив в нее отрад елей,
Ты облегчи сердечну рану.

Дай сил ждать смертного часа,
Что съединит меня с тобою;
А здесь пусть дряхлость и краса
Покроются одной доскою.

БАТЮШКОВУ

Скажи мне, Батюшков любезный!
Дай дружбе искренний ответ:
Зачем нельстивый и полезный
Ты пренебрег ее совет?

Зачем великолепно Тасса
Решился вновь похоронить,
Когда, средь русского Парнаса,
Его ты мог бы воскресить?

На то ль он краски бесподобны
И кисть свою тебе вручил,
Чтоб в память ты его надгробный
Лишь кипарис изобразил?

Нет, нет,— признательнейшей дани
Он ждал за дар свой: он хотел,
Чтоб прелести, любовь и брани
На лире ты его воспел.

Ты пел уж их; — и, восхищенный,
С вершин Парнаса Тасс внимал,
Когда, самим им вдохновенный,
Его ты песни повторял;

Когда на славном невском бреге
Гремел его струнами ты
И в хладном севере на снеге
Растил сорентские цветы.

Но ты замолк; — и тщетно гласа
Знакомого бессмертный ждет;
И тщетно ждем мы: лира Тасса
И звука уж не издает.

Почто ж замолк ты? Дружбы пени
Прими без ропота, мой друг!
Почто, предавшись томной лени,
Паривший усыпил ты дух?

Проснись: ударь по сладкогласным
Струнам,— и, славных дел певец,
С Торкватовым венцом прекрасным
Прекрасный свой сплетешь венец.

ОТВЕТ ФЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ ЛЬВОВУ

Хорошо тому о счастье,
Друг любезный, говорить,
Кто в житейском мог ненастье
Голову плащом прикрыть,
Тем, в котором мудрость скромна,
Из дворца ушед огромна,
Любит в шалаши ходить!

В море кто мирском, бурливом,
Мог, попутный ветерок
В парус уловя, заливом
К пристани привесть челнок,—
Чтоб там груз свой непричудный,
Мир, любовь, снести хоть в скудный —
Но защитный уголок;

Там он, вне толпы мятежной,
И сует, и прихотей,
С милою подругой нежной,
Роем окружен детей,
Видит в сине море дально
Льющийся струей кристальной —
Ручеек веселых дней.

От вельможеских затейных
Убегает он пиров;
Но навстречу игр семейных,
Как дитя, бежать готов;
Дружбу в гости приглашает
И тишком с ней подстригает
Крылья счастливых часов.

Там он может на досуге
Звонку лютню острунять
И, о ста́ром вспомня друге,
Песнь игриву напевать;
Может, с чванства сняв личину,
Счастья скромного картину
Всем на зависть представлять.

Так зачем, мой друг, хлопочешь
Легку песнь давать на суд?
Счастье петь свое ты хочешь?
Пой, судья не нужен тут:
С чувством рифма дружно ляжет,
И сказать, что сердце скажет,
Не большой счастливцу труд!

ЗАВИСТЬ ПИИТА ПРИ ВЗГЛЯДЕ НА ИЗОБРАЖЕНИЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ И РАЗВАЛИН ДОМА ГОРАЦИЕВА

(Гораций, кн. II, ода VI)

Tibur, Argeo positum colono,
Sit meae sedes utinam senectae!
Sit modus lasso maris et viarum
militiaque!

Что пальма, что венец лавровый,
И обелиск, и мавзолей? —
Дробит их в прахе Хрон суровый
Под сильною пятой своей.
Как метеор в зыбях эфира,
Так слава исчезает мира
В туманной дальности времен!
И что сиять в ней может вечно?
Кто свяжет время быстротечно
И воскрылит к бессмертью тлен?

Лишь Феба дар и лирны струны
С потомством нас соединят:
Как резки эхи, как перуны,
Немолчно звуки их гремят.
Давно безвестная могила
Гнетет в пустыне прах Ахилла,
Но в песнях он Омира жив.
Без лиры скрылся б след героев
И память знаменитых боев
В развалинах стовратных Фив.

Сомнительну Энея славу
Вергилий лирой обновил
И вечный памятник Октаву
На почве лести утвердил;
Как он, любимец муз и граций,
Веселый любомудр, Гораций
По днесь нас учит скромно жить,
Страшиться роскоши, разврата,
И друга Флакка, Мецената,
Как друга нашего любить.

Давно певцов сих нет на свете,
Но слава их в веках живет;
И время в молнийном полете
С собой ее не унесет:
Их нет; — но песнью их плененны,
Спешим в тот край опустошенный,
Где раздавался глас их лир,
Где луг был топтан их стопою,
И восхищенною мечтою
Переселяемся в их мир.

Но, ах! почто воспоминаю
О счастливых любимцах муз?
Лишь в сердце зависть возрождаю:
Я тяжких не расторгну уз,
Которыми судьба строптива,
К ним щедра мать, чадолюбива,
Мой скудный оковала дар.
Все должен в тине я влачиться
И даже тем не смею льститься,
Чтоб пасть,— как дерзкий пал Икар.

Вотще звучу на томной лире.
Когда окончу жизни путь,
Из всех, оставленных мной в мире,
Никто не прийдет и взглянуть
На ветхий тот шалаш, убогий,
Где, скрыт от шумныя тревоги,
На безызвестных Псла брегах,
Протек мой век уединенный,
Как скромной рощей осененный
Ручей, извившийся в лугах.

РАЗЛИЧНОСТЬ ДАРОВАНИЙ

В странах полнощных Ломоносов
На лире первый возгремел;
Высоки гимны в слух он россов
В божественном восторге пел;
Равно велик, бессмертно славен,
Внушенный музами Державин
В златые струны ударял;
И переходом в тон из тона
Горация, Анакреона
И Пиндара нам воскрешал.

Кто исполинам сим знакомо
Посмеет поприще протечь?
Ползуще в прахе насекомо
Не устрашится ль грозных встреч?
С холма на холм они ступали,
Широки реки прешагали;
Круг мира — был их небокруг;
Верх облак глас их раздавался,
С перунами перекликался,
Пленял и поражал наш слух.

А мне судьба скупой рукою
Коль скудный уделила дар,
Я горней не помчусь стезею,
Как дерзкий в древности Икар;
Но, подвиг соразмеря с силой,
Как мотылек сей легкокрылый,
Порхать лишь буду по цветам;
Без смелого стихов искусства

Простые, к сердцу близки чувства
В простых напевах передам.

Счастлив, коль голос мой унылый
С чужою грустью соглашу
И тайной соучастья силой
Слезу страдальца осушу;
Коль мной печальный убедится,
Что скорби нить не вечно длится,
Что здесь надеждам нет конца,
Счастлив, гнетомого тоскою
Коль сладкой мыслью успокою,
Что есть — чувствительны сердца.

ОБУХОВКА

(Гораций, кн. II, ода XVIII)

> Non ebur, neque aureum
> Mea renidet in domo lacunar.

В миру с соседами, с родными,
В согласье с совестью моей,
В любви с любезною семьей
Я здесь отрадами одними
Теченье мерю тихих дней.

Приютный дом мой под соломой,
По мне,— ни низок, ни высок;
Для дружбы есть в нем уголок;
А к двери, знатным незнакомой,
Забыла лень прибить замок.

Горой от севера закрытый,
На злачном холме он стоит
И в рощи, в дальный луг глядит;
А Псел, пред ним змеей извитый,
Стремясь на мельницы, шумит.

Вблизи, любимый сын природы,
Обширный многосенный лес
Различных купами древес,
Приятной не тесня свободы,
Со всех сторон его обнес.

Пред ним, в прогалине укромной,
Искусство, чтоб польстить очам,
Пологость дав крутым буграм,

Воздвигнуло на горке скромной
Умеренности скромный храм.

Умеренность, о друг небесный,
Будь вечно спутницей моей!
Ты к счастию ведешь людей;
Но твой алтарь, не всем известный,
Сокрыт от черни богачей.

Ты с юных дней меня учила
Честей и злата не искать;
Без крыльев — кверху не летать,
И в светлом червячке — светила
На диво миру не казать.

С тобой, милейшим мне на свете,
Моим уделом дорожу;
С тобой, куда ни погляжу,
Везде и в каждом здесь предмете
Я нову прелесть нахожу.

Сойду ль с горы — древес густою
Покрытый тенью теремок
Сквозь наклоненный в свод лесок
Усталого зовет к покою
И смотрится в кристальный ток.

Тут вечно царствует прохлада
И освежает чувства, ум;
А тихий, безумолкный шум
Стремительного водопада
Наводит сон средь сладких дум.

Там двадцать вдруг колес вертятся;
За кругом поспешает круг;
Алмазы от блестящих дуг,
Опалы, яхонты дождятся;
Под ними клубом бьет жемчуг.

Так призрак счастья движет страсти;
Кружится ими целый свет;
Догадлив, кто от них уйдет:
Они все давят, рвут на части,
Что им под жернов попадет.

Пойдем, пока не вечереет,
На ближний остров отдохнуть;
К нему ведет покрытый путь,
Куда и солнца луч не смеет
Сквозь темны листья проскользнуть.

Там сяду я под берест мшистый,
Опершись на дебелый пень.
Увы! не долго, в жаркий день,
Здесь будет верх его ветвистый
Мне стлать гостеприимну тень.

Уж он склонил чело на воду,
Подмывши брега крутизну;
Уж смотрит в мрачну глубину
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринется ко дну.

Так в мире времени струями
Все рушится, средь вечной при;
Так пали древни алтари;
Так, с их престольными столпами,
И царства пали и цари.

Но скорбну чтоб рассеять думу,
Отлогою стезей пойдем
На окруженный лесом холм,
Где отражает тень угрюму
С зенита ярким Феб лучом.

Я вижу скромную равнину
С оградой пурпурных кустов:
Там Флора, нежна мать лугов,
Рассыпала свою корзину,
Душистых полную цветов.

Там дале, в области Помоны,
Плоды деревья тяготят;
За ними Вакхов вертоград,
Где, сока нектарного полны,
Янтарны гроздия блестят.

Но можно ль все красы картинны,
Всю прелесть их изобразить?
Там дальность с небокругом слить,
Стадами тут устлав долины,
Златою жатвой опушить?

Нет, нет; оставим труд напрасный.
Уж солнце скрылось за горой;
Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыблются в реке волной.

Пора к семейству возвратиться,
Под мой беседочный намет,
Где, зря оно померкший свет,
Уж скукой начало томиться
И моего возврата ждет.

Всхожу на холм; — луна златая
На легком облаке всплыла
И, верх текущего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела.

О как сие мне место мило,
Когда, во всей красе своей,
Приходит спутница ночей
Сливать с мечтой души унылой
Воспоминанье светлых дней!

Вдали зрю смесь полянок чистых
И рощ, покрывших гор хребты;
Пред мною нежных роз кусты,
А под навесом древ ветвистых,
Как мрамор, белые кресты.

Благоговенье! — молчалива,
Витийственна предметов речь
Гласит: «Ты зришь твоих предтеч;
Священна се господня нива:
Ты должен сам на ней возлечь».

Так; — здесь и прах отца почтенный,
И прах семи моих детей
Сырою я покрыл землей;
Близ них дерновый круг зеленый —
Знак вечной храмины моей.

Мир вам, друзья! — ваш друг унылый
Свиданья с вами скоро ждет;
Уж скоро!.. Кто сюда придет,
Над свежей, скромною могилой
В чертах сих жизнь мою прочтет:

«Капнист сей глыбою покрылся;
Друг муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служа, трудился,
И только здесь он опочил».

ПРИБЛИЖЕНИЕ ГРОЗЫ

В тучу солнце закатилось
Черну, как сгущенный дым;
Небо светлое покрылось
Мрачным саваном нощным.
Быть грозе: уж буря воет;
Всколебавшись, лес шумит;
Вихрь порывный жатву роет;
Грозный вал вдали гремит.

Поспешайте в копны сено
И снопы златые класть,
Дождь пока коснит мгновенно
Ливнем на долины пасть;
Ветр покуда не засеял
Градом ваших нив, лугов
И по терну не развеял
Дорогих земли даров.

Поздно будет вам, уж поздно
Помогать от лютых бед,
Дождь когда из тучи грозной
Реки на поля прольет.
Детушек тогда прийдется
Уносить в село бегом;
Счастлив, кто и там спасется!
Слышите ль? — уж грянул гром.

К ПИРРЕ

(Ода Горация, кн. I, ода V)

Quis multa gracilis...

Какой прелестник, ловкий, статный,
В вертепе неги и прохлад,
Опрыскан влагой ароматной,—
О Пирра! — средь любви отрад
В восторге прижимает нежном
Тебя на мягком ложе роз,
И для кого плетешь в небрежном
Убранстве злато льнистых кос?

Увы! колькрат любви обманы,
И лесть сирениных речей,
И клятвы, пред богами данны,
Оплачет несчастливец сей!
Колькратно моря треволненье
И вспененный его хребет
Неопытного в изумленье,
В тревогу, в горесть приведет!

Теперь, пленен тобой, беспечно
Он ослепляется мечтой,
Что будешь ты любезна вечно
И вечно искренна душой;
Теперь твой взор его прельщает,
Как вид кристальных, тихих вод;
Но, ах! мечтатель сей не знает
Пременных моря непогод.

Несчастны, что тобой плененны,
Тебя узнали лишь слегка;
О мне ж,— вселенна в храм священный
Обетна на стене доска
Свидетель, что, от злостраданья
Средь бурных избежав зыбей,
Одежды мокры, в дар признанья,
Я посвятил царю морей.

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

Тщетно ты трудишься, Хлоя,
Кучи злата в клад копить:
Можно ль с ним приют покоя,
Можно ль дружбы клад сравнить?

Тщетно, устали не зная,
Ты кружишься средь сует:
Алчно сердце, век алкая,
Льстящий зрит вдали предмет.

Лучше ж, труд и попеченье
Бросив, жить летящим днем;
Есть и бедным провиденье:
Мать, отца ты сыщешь в нем.

Лучше жить с друзьями, Хлоя,
Чем златой все клад копить.
Можно ль с ним приют покоя,
Можно ль дружбы клад сравнить?

СКРОМНОЕ ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Ах! пойду, рассею скуку
По лесочкам, по лугам;
Тайную, сердечну муку
Эхам томным передам.

Томны эхи! повторите
Скромну жалобу мою:
Другу милому скажите,
Что по нем здесь слезы лью.

Пусть хотя чрез вас узнает
То, чего сказать нет сил.
Что по нем душа страдает;
Без него и свет не мил.

Эхи! пристально внимайте:
Если милый мой вздохнет,
Вздох скорей мне передайте!
Сердце лишь ответа ждет.

АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ ОЛЕНИНУ

Не тот счастлив, кто кучи злата
Имеет в крепких сундуках;
Кому фортуна таровата
В удел дает блестящий прах;
В чертог чей пышный и огромный
Несчастных не доходят стоны,
Встречая стражу при вратах.

Но тот, кто, скорбным сострадая,
Творил добро по мере сил;
Свои кто пользы забывая,
Лишь ближнему полезен был,
Для блага общего трудился,
Во счастии — не возгордился,
Несчастья — с твердостью сносил.

В семействе кто нашел отраду
И утешенье средь друзей;
Кто добрых дел своих награду
Находит в совести своей,—
Тот жизни сей в путях опасных
Идет средь пропастей ужасных
Ко счастью истинной стезей.

Хотя судьба к нему озлится,
Он духом тверд, неколебим;
Удара грома не страшится;
От всех почтен, от всех любим,
Спокойно на грозу взирает;
Как дуб, что бурю презирает,
Тверд основанием своим.

Оленин! се изображенье
Достоинств и доброт твоих.
Не лести низкое внушенье
Вещает днесь в стихах моих;
В них нет витийственна искусства,
Но сердца благородны чувства
И правды глас — источник их.

Теки ж — и, путь свой совершая,
С стези не совратись своей;
Души великой цель прямая —
Стремиться к счастию людей.
Живи же им во утешенье;
И от небес благословенье
Прольется над главой твоей.

НА СМЕРТЬ ВАСИЛИЯ СТЕПАНОВИЧА ТОМАРЫ

Еще удар! — еще разлука!
Разлука с другом,— и навек!
Увы! нужна ль мне вновь наука,
Что скорби жертва человек?
Вся жизнь — лишь опыт претерпений;
В ней счастье — метеор во мгле;
Пред мною —призрак утешений,
А радости — в сырой земле.

Сырой землей и ты покрылся,
Томара, доблестный мой друг!
И с кругом вечности уж слился
Твоей здесь срочной жизни круг.
Уж гроба мрачная пещера
Тебя прияла, мира гость!
И дружба, добродетель, вера
Оставили — лишь персти горсть.

Но нет; — хоть персть осталась тленна,
Эфирных быстротою крыл
Ты, выше всесозданья бренна,
В чертог нетленный воспарил,
Где царь миров, воссев на звездный
Престол, как судия-отец,
Взложил уж на тебя возмездный
Бессмертных радостей венец.

Ликуй же средь блаженна круга
Усыновленных чад небес;

А я на гроб любезна друга
Прийду,— не ток лить горьких слез,
Прийду в безмолвье поучаться,
Как путь мой в вечность пролагать;
Твоим примером наставляться,
Как жить — терпеть и — умирать.

МЩЕНИЕ ЛЮБОВНИКА

(Гораций, эпод XV)

Ночь длилась, и луна златая
Сияла меж подруг своих,
Когда, о Лида! прижимая
Меня в объятиях твоих
Сильней, чем плющ вкруг дуба вьется,
Ты клятву повторяла мне,
Ту клятву, что богам смеется,
Живущим в звездной вышине.

Клялась ты: волк пока в долине
Ягненков будет устрашать;
И Орион зыбей в пучине
Не перестанет воздвигать;
Пока зефир не позабудет
Лелеять Фебовых кудрей —
Любовь твоя взаимно будет
Ответствовать любви моей.

Но бойся, мести чтоб достойной
Ты от меня не понесла:
Я не стерплю, чтоб ты спокойно
Все ночи с милым провела;
Другую полюблю сердечно,
Сказав изменнице — прости!
К тебе ж не возвращуся вечно,
Как ни жалей, как ни грусти.

А ты, счастливец обольщенный,
Утратой ныне горд моей!

Хотя сады распространенны,
Хоть тысячу ты стад имей;
Хотя б обширнее Босфора
К тебе златый Пактол протек;
Хоть будь мудрее Пифагора,
Что в мире жил двукратный век;

Хотя б прекрасного Нирея
Твоей ты превзошел красой;
Но тож, о ясных днях жалея,
Их мрачной заменишь тоской;
Изменой станешь ты терзаться
И легковерность клясть свою:
Тогда-то над тобой смеяться
Я буду в очередь мою.

РАСЧЕТЛИВОЕ УГОЩЕНЬЕ

(Гораций, кн. IV, ода XII)

> Jam veris comites, quae mare
> temperant...

Уж спутники весны, зефиры вылетают,
Фракийских усмиря волнение зыбей,
И их дыханьем воздувают
Ветрила кораблей.
Уж инеем не убеленны
Зеленые луга цветут,
И реки, снегом наводненны,
В крутых межгорьях не ревут.

Несчастна ласточка, по Итисе скорбяща,
И, мщеньем яростным за наглость, вечный стыд
Кекропа роду наносяща,
Свивать гнездо спешит.
Уж пастухи, то звуком рога,
То песнью тешат вечерком
Любящего их стадо бога
И милый аркадийский холм.

Пришла пора попить; но, юными князьями
Вергилий взысканный! калесских сладких вин
Коль жаждешь, заплати духами:
Тебе их лот один
Вина бутылю обещает
В Сульпициевых погребах;
Вина, что рой надежд рождает
И рассевает скорби мрак.

Коль хочешь пировать, прийди к нам с этой данью,
Как в доме богача, здесь даром не гостить.
Но не забудь, спеша к свиданью,
Заботы отложить.
Припомня Стикс, обдумав зрело,
Что на костре нам должно тлеть,
Мешай, мой друг! с бездельем дело:
Приятно в пору и дуреть.

БОЛЯЩЕМУ ДРУГУ

(Гораций, кн. II, ода XVII)

Me querelis exanimas...

Почто ты жалобой твоею,
Почто мою терзаешь грудь!
Чтоб ты скорей меня окончил жизни путь,
Не сходно с волей то моею,
Не сходно с волею богов,
О Меценат, моя подпора и покров!

Увы! коль строгая судьбина
Тебя, о полдуши моей!
Безвременно сразит, почто, в разлуке сей,
Не столь драгая половина
Здесь будет жертвой скорбей злых?
Нет, нет; — один нас день в гроб срынет обоих.

Я клялся клятвой неизменной;
Дай руку, друг мой! поспешим:
Коль в невозвратный путь, в последний путь, моим
Предтечей быть тебе сужденно,
Не разлучась пойдем, пойдем
И вместе гробовый порог перешагнем.

Ни зев Химеры вспламененный,
Ни, вновь родясь, сторукий Гиг
Не разлучат меня с тобою ни на миг:
Так правосудия священный,
Благотворительный завет,
Так милосердных парк определил совет.

Весы ль в день моего рожденья
Приосеняли небосклон,
Взирал ли на меня ужасный Скорпион,
Столь страшный в час его всхожденья;
Предвестник ли морских тревог,
Гесперской глубины владыка, Козерог;

Но удивительно согласны
Созвездья наши меж собой:
Сам Юпитер сдержал уж над твоей главой
Удар Сатурна столь опасный
И крылья рока отягчил,
Когда трикратный плеск феатры оглушил.

Под падшим древом пал я б мертвый,
Когда б меня, в тот грозный час,
Питомцев Гермеса хранитель, Фавн не спас.
Ты, тучные заклавши жертвы,
Воздвигни храм бессмертным в честь;
А мне довлеет им ягненка лишь принесть.

* * *

Орел!
Презрев долину,
Взлетел
Ты на вершину;
Смотри! — глядят со всех сторон;
Далековидимым для всех ты стал
предметом,—
Пари же; — но твоим полетом
Не насмеши ворон.

* * *

Я благодетелей на свете знал довольно;
Но благодарных им не мог я много счесть.
Подумаешь — так сердцу больно!
И тут, знать, легче класть, чем несть.

* * *

От женщин, как на свете жить,
Старайся научиться:
Никто, могу в том поручиться,
Не может лучше — проучить.

* * *

Все хвалят искренность; всяк говорит: будь прям;
А скажешь правду — по зубам.
Что ж делать? — Возносить моленье:
«О боже! положи устам моим храненье».

ИЗ ГОРАЦИЯ

(кн. I. ода III)

Sic te diva, potens Cipri...

Да путь к тебе благословенный
Пошлет богиня красоты
И братья страстныя Елены,
Светящи с звездной высоты!
Да царь Эол все ветры свяжет
И лишь попутному прикажет
Лелеять паруса твои!
Корабль! внуши мольбы мои:
К брегам афинским чрез пучину
С Вергилием безвредно рей,
И вверенну тебе храни мне половину
Души моей.

Тот тверду грудь, как брус дубовый,
И сердце медное имел,
Кто первый чрез моря суровы
На легком плыть челне посмел;
Кто бурна афра не страшился,
Когда с бореем он стремился
В борьбу, смесивши дождь и град;
Кто пасмурных презрел гиад;
Кому и нот грозил напрасно,
Сей Адрии владыка злый,
Что взносит к облакам иль низит самовластно
Ее валы.

Какой вид смерти, лютым роком
Представленной, того страшит,
Кто на морях холодным оком
Чудовища плывущи зрит;
Кто всхолмленны презрел пучины,
И на керавнские вершины
Бесстрашны взоры возводил?
Вотще всемощный разделил
Страны безмерным океаном,
Когда продерзкий, утлый челн
Преплыл, на поприще морских зыбей
пространном,
Разливы волн.

На все, что только запрещенно,
Отважно смертный руку взнес!
Отважно скрытый огнь священный
Похитил Промефей с небес
И вверил племенам развратным:
Но вслед за буйством святотатным
Болезни, глад, толпа забот
Снизшли тягчить строптивый род;
И скорбь лицо земли покрыла,
Как моря шумного струи;
И, медленна дотоль, смерть грозна ускорила
Шаги свои.

В пустынях воздуха пространных
Дедал взносился на крылах,
Природой мудрой нам не данных;
Ираклий, сперши ада праг,
Шагнул чрез Ахерон глубокий:
Ничто для смертных не высоко!
Мы даже небесам самим
В кичливой буйности грозим! —
И наши дерзки преступленья
Претят, чтоб Хрона грозный сын,
Смягчася, выпустил из рук перуны мщенья
На миг один.

НА СМЕРТЬ НАПОЛЕОНА

Высокомерный дух, смирися!
Склони взнесенный буйства рог!
Внемли прещенью и страшися:
«Противится гордыне бог».
Игралище всемощна рока,
Не мни: нет власти, счастью срока.
Се меч над выей уж висит.
Се край отверзся небосклона;
Зри вдаль: там прах Наполеона
В пустыне каменистой скрыт.

Пришлец,— свободныя державы
Главой он был, пленив сердца.
Почто ж чрез умыслы лукавы
Искал он царского венца?
Почто, воздев злату порфиру,
Всеобщим самовластьем миру
Безумно угрожать хотел? —
Се казнь; и жрец всеалчной страсти,
Предела не познавший власти,
Ничтожества познал предел.

Так с юга вихрь поднявшись бурный,
Погибель наносил странам;
Застлавши прахом свод лазурный,
Размчал он жатвы по полям;
Коснулся зданий — зданья пали;
Ударил в лес — древа трещали,
И ниц полег дремучий лес:
Все буйным он громил стремленьем;

Но вдруг,— с сильнейшим разъяреньем,
В столп взвился к небу — и исчез.

Исчез и славы метеора
Блестящий луч так в миг один!
Где верх торжеств, там верх позора:
И в узах — грозный властелин!
Какий превратl простой породы,
И всем безвестный,— юны годы
Едва средь брани протекли,—
Уж равного не зрел он боле;
На велелепном сел престоле
И жезл приял судьи земли.

К подножью ног счастливца пали
Народы, царства и цари:
Цари от взора трепетали;
Мечом решая мир и при,
Он все подверг убийств законам;
Ступал по раздробленным тронам,
И след трофеями устлал;
Но манье вышнего десницы —
И с громоносной колесницы
Строптивый победитель пал.

Давно ли на гиганта с страхом
Взирал весь изумленный мир?
Престолы покрывались прахом
И вретищами блеск порфир.
Все рушила десница люта;
Но грозна сближилась минута —
И тот, кто троны все потряс,
Преткнулся, шед в победном лике;
И роковой царей владыке
На севере ударил час.

Бежит он по снегам стезею,
Окровавленный им,— и росс
Могущей дланию своею
Низринул страшный сей колосс.
Вотще отважная измена,
Надеждой буйной ослепленна,

Опять на трон его взвела:
Он пал — судьба его свершилась,
И в трон тирана превратилась
Кремниста средь морей скала.

Куда ни обращал он очи,
Безбрежну зыбь везде встречал;
Постылы дни, бездремны ночи
В унынье мрачном провождал;
Терзали дух воспоминанья;
Престол, победны восклицанья,
Все было, как призраки сна;
Пробудок — ссылочна пустыня,
И в ней смиренная гордыня
Жива навек погребена.

Теперь там труп титана кроет
Лишь персти чужеземной горсть,
И в черепе останки роет
Презренный червь, гробницы гость;
А тень, блуждая вкруг могилы,
Лишь воплей слышит гул унылый
И клятвы жертв убийств, крамол:
Потомство клятв сих не забудет
И в нем Наполеон пребудет
Бессмертен слухом буйств и зол!..

Вожди надменны! вразумитесь!
Он был пример вам и глава;
Священны всем сердцам страшитесь
Насильством нарушать права.
Чем боле счастье вас ласкает,
Тем неприметней приближает
К стремнине, с коей должно пасть.
Судьба к неправде буйной строга:
Вам срочна власть дана от бога;
Его всевечну чтите власть.

В ПАМЯТЬ БЕРЕСТА

Здесь берест древний, величавый,
Тягча береговой утес,
Стоял, как патриарх древес;
Краса он был и честь дубравы,
Над коею чело вознес.

Перуном, бурей пощаженный,
Веками он свой век счислял,
Но бодрость важную казал;
И, ветви распростря зелены,
Весь берег тенью устилал.

Ах! сколько крат в дни летня зноя,
Гнетомый скукой иль тоской,
Пришед под свод его густой,
Я сладкого искал покоя,—
И сладкий находил покой.

От бури, от дождя, от града
Он был надежный мне покров;
И мягче шелковых ковров,
В тени, где стлалася прохлада,
Под ним ковер мне был готов.

Там, в час священных вдохновений,
Внимать я гласу музы мнил;
Мечтой себя там часто льстил,
Что Флакка добродушный гений
Над головой моей парил.

Мечты то были;— но мечтами
Не все ль златятся наши дни?
В гостеприимной там тени,
Под кровом береста, часами
Мне представлялися они.

Казалось, дряхлостью сляченна
Меня он, старца, преживет;
И в круге многих, многих лет,
От своего чела взнесенна,
Над правнуками тень прострет.

Но Псел скопленными струями,
Когда весенний таял снег,
Усиля свой упорный бег,
Меж преплетенными корнями
Под берестом смывает брег.

«Уж берест клонится на воду,
Подрывшу брега крутизну;
Уж смотрит в мрачну глубину;
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринулся б ко дну.

Главой в реку б он погрузился,
И с илом там сгустя песок,
Свободный воспятил бы ток;
Об ветви б легкий челн разбился».
Пришел и твой, о берест! рок.

У корня уж лежит секира!
О скорбь! Но чем переменить?
Злой рок решил тебя истнить,
Тебя, невинный житель мира,
И мне твоим убийцей быть!

Прости ж, прямый мой покровитель,
Теперь — лишь жалости предмет!
Прости,— и мой уж час грядет;
Твой гость, невольный твой губитель,
Тебя недолго преживет.

Но рок нас не разлучит вечно:
Ты часто мне дарил покой,—
В тебе ж — и прах почиет мой:
Скончав путь жизни скоротечной,
Покроюся — твоей доской.

ЗАКАТ СОЛНЦА

Уж солнышко садится
За дальный неба круг,
И тень с горы ложится
На пестровидный луг.
Светильник дня прекрасный!
Ложись и ты; почий:
С зарею новой ясны
Ты вновь прострешь лучи.

Не тот удел светилу
Дней смертного сужден:
Погас ли — в тьму унылу
Навек он погружен.
Так должно ль о беспрочной
Светильне нам жалеть,
Когда лишь краткосрочно
Назначено ей тлеть?

Пускай, кто счастье, радость
Мнит в жизни сей обресть,
Кто льстится тем, что младость
Не может вдруг отцвесть,—
Пускай, пленясь мечтами,
Тот алчет долго жить
И обвивать цветами
Лишь паутинну нить;

А мне, кого печалью
Свирепый рок гнетет,

Почто пленяться далью,
Где терн один растет?
Светильник дня прекрасный,
Ложися, опочий,
Но от страдальца ясны
Сокрой навек лучи.

СЛАВОЛЮБИЕ

О славолюбие! какими
Ты чарами слепишь людей!
Державно властвуешь над ними
Среди простертых вкруг сетей;
Но меж твоих орудий лести,
Из всех приманчивей — хвала:
Ах! сколько, под личиной чести,
Она юродства в мир ввела!

Не все ли, обольщенны славой,
Мечтают и по смерти жить
И лезвие косы не ржавой
На мавзолеях притупить?
Хоть зрят старанья тщетны многих,
Но их пример сей не уймет:
Все верят, что от ножниц строгих
Легко нить славы ускользнет.

Тут шествует толпа героев
Похвал, прият алкая дань;
Стремится всяк из них средь боев
Омыть в крови убийства длань;
Там, горды скиптром, багряницей,
Цари, желая в слух веков
Греметь тяжелой колесницей,
Томят впряженных в ней рабов.

Но сим ли буйством лавры вечны
Гордец в венок свой может вплесть?
Лишь путь он кончит быстротечный,
Умолкнет вмиг хвалебна лесть:

С трубой, пред чернью изумленной,
Ее тут зрим мы; звук взгремел;
Но шумным воплем заглушенный,
Вблизи раздавшись, онемел!

А там зрим рубищем покрыта,
По неутоптанным стезям,
В соборе муз слепца-пиита,
Текущего в бессмертья храм;
Героев он ведет с собою
И доблестных царей синклит
И им разборчивой рукою
Венки лавровые дарит.

Зачем же в след сей, на отвагу
И мне с пером не поспешить?
Чернило лучше на бумагу,
Чем кровь на поле бранном лить.
Быть может, если муз покровом
Пермесский прешагну поток,
Под лучезарным Феба кровом
Сорву из лавра — хоть листок.

УБИВСТВО

Убивство! кто твой первый чтитель?
Кто жизнь свою тебе обрек?
Не дебри кровожадный житель,
Не лев, не тигр — но человек.
О чудо, о преврат ужасный!
В деснице твари сей прекрасной,
Сего подобия творца,
Орудье смерти свирепело,
И первую убивство зрело
Свою в нем жертву и жреца.

Так, так,— с первоначальна века
От смертных буйство возросло;
И вдруг с паденьем человека
Ниспало на вселенну зло:
Все звери лютость ощутили;
Но гладны челюсти багрили
Лишь кровью разнородной им;
Союзы братства уважали
И сей завет передавали
По днесь исчадиям своим.

Но Каин, первый сын разврата,
Свирепой завистью возжжен,
Убивства длань подъял на брата;
Увы! и Авель пал сражен;
Он пал у алтаря священна,
В знак благодарности взнесенна
Творцу, подателю всех благ.
С тех пор сие убивств начало

Примером всем потомкам стало;
И зло свершил — к злу первый шаг.

С тех пор, чтоб чрево прихотливо
Не овощми лишь пресыщать,
Отродье Евино строптиво
Животных устремилось жрать;
И все, что в воздухе летает,
Что в поле, в дебрях обитает,
Что, кроясь, плавает в водах,
И даже труп, ему подобных,
Лишенный почестей надгробных,
Обрел свой гроб — в его устах.

С веками гибло самоедство,
И зла уж корень иссыхал;
Но в злейшее ему наследство
Явился пагубный металл.
О злато! в день и час проклятый
Из мрачных ада недр изъято,
Колико принесло ты бед!
Ты вновь неистовства родило
И кровью смертных обагрило
И древний весь и новый свет.

Чрез дальни, безызвестны воды
Плывут враждебны корабли
К брегам, где мирные народы
Селят златый хребет земли;
Вдруг гости златом обуяли,
У слабых с жизнью похищали
Светящегося горсть песка;
Пылают кущи, веси, грады,
И трупов и костей громады
Возносит буйственна рука.

Как Нил ревущими волнами
Стремится из своих вершин
И потопляет меж горами
Пространство низменных равнин,
Так кровь невинных жертв струилась;
Страна вся ею напоилась;

Куда ни обращался взор,
Встречал лишь казни, убиенья:
Столь наглого опустошенья
Не произвел бы глад и мор.

Но можно ли исчислить бедства,
На сей низвергшиесь предел,
Представить все мучений средства,
Которы смертный изобрел
Для хладнокровного терзанья
Себе подобного созданья?
Нет, нет,— да замолчат уста,
Да ум и вера постыдятся,
Что в лютых кровопийцах зрятся
Слуга и ученик Христа!

Правдивы прекратя укоры,
Для зол толь слабые бразды,
Смущенны обратим днесь взоры
На новые убивств следы:
Уж копья, и мечи, и стрелы,
Которыми земли пределы
Опустошались долгий век,
Льют, мнилось, слабо крови токи;
И вновь орудия жестоки
Обрел для смерти человек.

Он страшны грома зрит удары;
И се, губительства клеврет,
Из медных жерл перуны яры
Сквозь дым и пламень в бранях шлет:
Уж трупы тьмами упадают,
Твердыни к облакам взлетают
И, свергшись, кроются землей;
И на пространстве всей вселенной
Убивство дланью разъяренной
Ужасный ставит свой трофей.

И буйство славы возрастало;
И лавром тот себя венчал,
Чье сердце лишь побед алкало,
От коих мир весь трепетал;
Причислен к первенцам героев,
Кто посреди свирепых боев

Несчетно смертных умертвил;
Отцом отечества назвался,
Сынов кто кровью обагрялся
И тяжким игом их гнетил.

Восстани, боже сил! — высоку
Простри длань мщенья на убийц!
И жажду утоли жестоку
Остервенелых кровопийц;
Сверши над злобой суд твой правый;
Низринь алтарь кичливой славы
И златолюбия кумир;
Порывы укрощая бранны,
Смягчи в нас души обуянны
И миром умири весь мир.

ВОЗЗВАНИЕ НА ПОМОЩЬ ГРЕЦИИ

Какие громы раздаются
На полдне, с воплями смесясь?
Откуда дымные несутся
Столпы, до облаков клубясь?
Там грозной брани слышны клики,
Убийц жестоких гласы дики·
И жертв убийства томный стон;
Земля трясется от ударов;
И вспыхнул огнь; и от пожаров
Далекий рдеет небосклон.

Се Греция, бессильна боле
Сносить ее дручащий гнет,
Бессильна в горестной неволе
Претерпевать всю лютость бед,
Против злочестного тирана,
К ней лютым зверством обуянна,
Защиты обнажила меч;
Вокруг креста соединилась
И в славную стезю решилась
Ее преславных предков течь.

Но враг, три века кровь пиющий
Им угнетенной жертвы сей,
Собравши спиры, месть несущи,
Простер злодейску длань над ней.
Священны храмы оскверняет,
Причет невинный умерщвляет
И жен и дев на студ влачит;
Сжигает веси, рушит грады

И трупы граждан всех в громады
Горой на стогнах громоздит.

Увы! — и льющась кровь реками
Не утоляет жажды злой.
Усеять хочет он главами
Весь край, попран его стопой:
Он хочет, в месть своей гордыни,
Страны все обратить в пустыни
И, не поставя буйству мер,
На всех живущих смерть изрыгнуть,
Чтоб в лютой ярости воздвигнуть
Из Греции — один костер.

Везувий в гневе так пылает;
Так, пламенны открыв уста,
Горящи реки изрыгает
На все окрестные места:
Там палит жатвы, вертограды,
Тут жупелем заносит грады,
И, многочисленный народ
Пожрав с пространною столицей,
Над сей всеобщею гробницей
Кремнистый возвышает свод.

Что ж, бедствам в жертву обреченна,
О злополучная страна!
От лютых язв изнеможенна
И кровью чад обагрена,
Что в скорбной ты предпримешь доле?
Томиться ль в тяжкой вновь неволе;
Или ж, собрав остаток сил,
Чтоб свергнуть рабства цепь постылу,
Преобразишься ты в могилу,
Средь круга вражеских могил?

Так, так; ты твердо предприяла
Иль пасть, иль тяжко иго стерть;
И к чадам доблестным воззвала:
«Свобода, храбрые! иль смерть!»
И храбрые к мечам стремились;
Как из земли, полки родились;
Одним все духом, млад и стар,

И жены, воспламенясь, ко брани
Отважные простерли длани:
И смертный отражен удар.

В пределах тех, где предки славны
Взрастили лавры на полях,
Где Ксеркса жезл самодержавный
И меч его повергнись в прах;
Где горды зрели Термопилы,
Как греков горсть все персов силы
В стремленье воспятить могла;
И где, отечество спасая,
Ни шага вспять не отступая,
Дружина храбрая легла.

Там вновь отважная дружина
На поле ратное течет;
Против свирепа властелина
Вновь племя Спарты восстает;
В мечи перековав оковы,
Все в лютый бой лететь готовы
Без шлемов, броней и щитов:
Им шлем — священна правость брани;
Им броня — крепка грудь и длани;
А щит — всевышнего покров.

Дерзайте, доблестные чада!
Стесните правоверну рать:
Против креста все силы ада
Возмогут ли противостать?
Уже моря ваш флаг познали,
Где храбры предки потопляли
Несчастны перски корабли;
Уж меч ваш в тех полях сверкает
И ветр хоругвы возвевает,
Где их врагов полки легли.

А вы, могущие державы,
Поклявшиясь кресту служить!
Захочете ль бессмертной славы
Себя в сей брани отчуждить?
Возможно ль зреть вам терпеливо,
Чтоб враг попрал пятой кичливой

Единоверну вам страну;
Чтоб дланью лживого пророка
Повержен в прах был крест Востока
И чтил царицу тьмы Луну?

Дерзайте,— в бой взносите длани,
Да съединит всех веры глас:
И скоро роковый на брани
Ударит Магомету час.
Уже отверсты вам дороги;
Уж страх и мрачные тревоги
Срацина душу потрясли;
Дерзайте; буйства рог сотрите
И громом мести потребите
Врагов креста с лица земли.

А ты, чьи громы уж готовы
На буйную гордыню пасть,
Обыкший чужды рвать оковы
И усмирять тиранов власть!
Спеши и с грозной колесницы
Ударом сильныя десницы
Взнесенно размозжи чело;
Рази,— разрушь гнездо злодеев
И узы тяжкие ахеев
Как бренно сокруши стекло;

Тебе назначено судьбою
Прийти, увидеть, победить
И троны, спасшею рукою
Востока стон, восстановить.
Сам бог на путь наставит правый;
Он знает, что не прелесть славы,
Не мзда — предмет души твоей;
Что мир держав — твоя отрада;
Блаженство подданных — награда,
Креста победа — твой трофей.

ПРИМЕЧАНИЯ

При жизни В. В. Капниста его стихотворения издавались дважды: в 1796 году («Сочинения Василия Капниста», СПб., в типографии Государственной Медицинской коллегии) и в 1806 году («Лирические сочинения Василия Капниста», СПб., в типографии Ф. Дрехслера).

Многие стихотворения, вошедшие в эти издания, в том числе и «Ода на рабство», были напечатаны Жуковским в «Собрании русских стихотворений» (1810—1811) и Никольским в «Пантеоне русской поэзии» (1814—1815); причем Жуковский опубликовал некоторые из них значительно раньше, чем сам Капнист, так как «Лирические сочинения» поступили в продажу только после Отечественной войны 1812 года. В последние годы жизни Капнист работал над подготовкой собрания своих сочинений, которое, по замыслу, должно было состоять из восьми томов. Однако осуществить это издание ему не удалось. Посмертно сочинения Капниста были изданы в 1849 году А. Смирдиным («Сочинения Капниста», СПб., в типографии имп. Академии наук). Хотя это издание сильно пострадало от цензуры («Ода на рабство» и ода «Славолюбие» в него не вошли, а «Ябеда» была напечатана с купюрами), оно все же имело большую ценность, так как, за исключением названных стихотворений, в него включено почти все, что было опубликовано Капнистом при жизни. Избранные сочинения Капниста издавались три раза: в 1897 году (в сборнике «Русская поэзия», т. I, СПб., под ред. С. А. Венгерова), в 1907 году (в серии «Русская классная библиотека» под ред. А. Н. Чудинова) и в 1941 году («Избранные сочинения», Л., вступительная статья, редакция и примечания Б. И. Коплана).

Последнее издание является лучшим. Двадцать шесть стихотворений[1] в нем были опубликованы впервые; тексты напечатаны

---

[1] Фактически Б. И. Коплан опубликовал двадцать семь стихотворений, но одно из них («Фавну») попало в издание по ошибке; оно принадлежит сыну поэта Семену Капнисту, который поместил его в «Журнале древлей и новой словесности» за 1818 год.

с учетом «Поправок», которые Капнист составил к своим «Лирическим сочинениям» в 1810-х годах, после их напечатания; во вступительной статье и в примечаниях приведен целый ряд новых данных о жизни и творчестве поэта, добытых в результате архивных разысканий. Однако и это издание не свободно от целого ряда погрешностей, как текстологических, так и библиографических.

В настоящем издании избранных сочинений Капниста эти погрешности по возможности устранены. Тексты заново сверены с первоисточниками. На основании архивных и других материалов, не использованных в издании 1941 года, уточнены и дополнены библиографические данные о произведениях Капниста. По обнаруженным нами недавно прижизненным анонимным публикациям уточняется время написания «Оды на смерть сына», стихотворений «Неверность», «На смерть Юлии», «Напрасно Стихобред сказал...».

Девятнадцать стихотворений Капниста впервые датируются на основании составленного им списка «Ненапечатанных сочинений» (ИРЛИ). Как нами установлено, этот список составлен не позднее второй половины апреля 1814 года, так как названная в нем ода «На покорение Парижа», написанная в связи с известием о капитуляции Парижа (известие было получено в С.-Петербурге в 12 часов ночи 10 апреля 1814 г.), 26 апреля была уже опубликована в «Сыне отечества» (1814, ч. 13, № 17). Следовательно, после 26 апреля 1814 года попасть в список «Ненапечатанных сочинений» она не могла. Таким образом, стихотворения, указанные в списке, могли быть написаны до второй половины апреля 1814 года.

В данное издание вошли следующие стихотворения, названные в этом списке: «Старик, ожидающий весны» (в списке: «...весну»), «Горесть» («Сокрыло солнце...»), «Горесть разлуки» («Удален от Лизы...»), «Мне сказали: жизни радость» и «13 новых од Горация».

«13 новых од» переписаны в двух тетрадях и находятся в ИРЛИ. В первую тетрадь вошли оды: «Скромная беспечность», «Судьба», «К Мельпомене», «Ничтожество богатств», «Способ к довольству», «Златолюбие» («Против златолюбия»). Две из них («Скромная беспечность» и «Судьба») Капнистом зачеркнуты, так как поэт намеревался переделывать их. Во вторую тетрадь вошли оды «К лире», «Безопасность», «К слуге», «Способ утешения», «На роскошные обиталища», «На разврат нравов», «О достоинстве стихотворства», «Пиит-лебедь» и «Против корыстолюбия». Вторая тетрадь (бумага 1814 г.) является продолжением первой (бумага 1810 г.). Таким образом, можно предполагать, что «13 новых од Горация», а также и зачеркнутые Капнистом две оды, были написаны не раньше 1810 года и не позже второй половины апреля 1814 года.

О других уточнениях, внесенных в датировки («Сатиры», «Оды на истребление в России звания раба», «Друзьям моим», «Певцу Фелицы» и др.) говорится в примечаниях к отдельным произведениям.

В предлагаемое издание избранных сочинений Капниста вошли произведения, наиболее значительные в идейном и художественном отношении.

Состав издания, по сравнению с изданием 1941 года, несколько изменен и дополнен такими произведениями, как «Ответ Рафаэла певцу Фелицы», «Ода на твердость духа», «Ода на уныние», «Видение плачущего над Москвою россиянина», «На смерть Наполеона», «Славолюбие», «Убивство», «Воззвание на помощь Греции» (последнее публикуется впервые).

Орфография и пунктуация печатаемых текстов приведены в соответствие с современными нормами.

В основу расположения стихотворений положен хронологический принцип. Это отличает настоящее издание от всех предшествующих. Правда, в ряде случаев точно установить дату и хронологическую последовательность в написании стихотворений пока не удалось. Это относится прежде всего к произведениям, впервые опубликованным в «Лирических сочинениях» (1806). В настоящем издании они располагаются в том порядке, в каком были напечатаны Капнистом, хотя нет достаточных оснований считать, что такое расположение строго соответствует хронологии их написания.

Предположительно эти стихотворения датируются 1801—1805 годами, когда Капнист, покинув летом 1801 года столицу, снова поселился в Обуховке.

Тексты, включенные в издание, как правило, воспроизведены по последним прижизненным редакциям с учетом «Поправок» к «Лирическим сочинениям». Все случаи отступлений оговариваются в примечаниях.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

«ВЕ» — «Вестник Европы».

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

«ЖДНС» — «Журнал древлей и новой словесности».

«Избр. соч.» — В. В. Капнист, Избранные сочинения, Л. 1941.

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР.

«ЛС» — «Лирические сочинения Василия Капниста», СПб. 1806.

«МЖ» — «Московский журнал».

«Нов. еж. соч.» — «Новые ежемесячные сочинения».

«СК» — «Сочинения Капниста», изд. Смирдина, СПб. 1849.

«СЛРС» — «Собеседник любителей российского слова».

«Сочинения» — «Сочинения Василия Капниста», СПб. 1796.

«СО» — «Сын отечества».

«Труды КОЛОС» — «Труды Казанского общества любителей отечественной словесности».

«Труды ОЛРС» — «Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете».

«Чтение в БЛРС» — «Чтение в Беседе любителей русского слова».

ЯБЕДА

Комедия была впервые напечатана в 1798 году. Издание имеет два варианта. Различия между ними незначительны и связаны, видимо, с тем, что один и тот же текст комедии при печатании набирался дважды[1]. Время работы Капниста над комедией устанавливается по ее тексту. Во втором явлении пятого действия говорится, что Прямиков нашел свое отечество «с двух сторон зажженное войной». В данном случае имеются в виду войны России с Швецией (1788—1790) и с Турцией (1787—1791). Из реплики Прямикова: «При замирении я в отпуск отпросился» (действие первое, явление 1),— можно предположить, что Капнист начал работать над «Ябедой» не ранее 1791 года. Об этом свидетельствуют также и водяные знаки на листах первоначальных рукописей комедии: на одной из них «1790», на другой — «1791».

Особенно интенсивно Капнист работал над комедией в 1794 году, когда он, после длительного пребывания в Петербурге из-за тяжбы с Тарновской, убедившись в тщетности своих попыток добиться от сената скорого и справедливого решения его дела, вернулся к себе в Обуховку.

В настоящее время известны четыре рукописных текста комедии. Два из них хранятся в Киеве, два — в Ленинграде. Киевские рукописи отражают ранний период работы Капниста над комедией, ленинградские — период более поздний, непосредственно связанный с подготовкой комедии к печати и прохождением ее через цензуру.

Ни одна из известных рукописей, равно как и ни одно печатное

[1] Существование изданий в двух вариантах для XVIII века явление нередкое. Так, известны два печатных варианта «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, «Сочинений Василия Капниста» 1796 года и т. д.

издание «Ябеды», не содержат в себе ее окончательного текста. Наиболее полное понятие о тексте комедии дает авторизованный список до его представления в цензуру. Однако считать его выражением последней воли автора нельзя, так как текст этого списка в дальнейшем подвергался изменениям (после чего и было осуществлено издание «Ябеды» 1798 года). Значительная часть этих изменений могла быть внесена автором под давлением цензуры, но некоторые сокращения и изменения могли быть произведены и по инициативе самого Капниста. Отделить правку, произведенную по воле Капниста, от цензурной весьма трудно. Можно лишь проследить, какими путями шли сокращения[1].

Так, например, из пьесы были вычеркнуты все те места, из которых можно было понять, что София воспитывалась в Смольном институте «благородных девиц» (в «монастыре»). Воспитанницы Смольного выходили оттуда очень плохо подготовленными к практической жизни; Капнист подчеркивал, что и София получила такое же воспитание. Во втором действии (явление 1) в печатном тексте изменен текст реплики Праволова. В рукописи это место читается так:

Возможно ль дурочку, в монастыре с шести
Годов воспитанну почти до двадцати,
Которая приход с расходом свесть не знает,
Шьет, на Давыдовых лишь гуслях повирает
Да по-французски врет, как сущий попугай,
А по-природному лишь только ай! да ай!
Возможно ли в жену такую взять мне дуру!

Были изъяты из пьесы также те сцены, в которых подчеркивалось, что родители Софии стремятся насильно выдать дочь замуж за Праволова. Например, в третьем действии после третьего явления в рукописи следовала такая сцена:

Явление 4

Фекла, София и Анна *(устанавливает столики, и стулья, и карты, и марки).*

Фекла

А ты, жеманна дочь,
Зачем оставила гостей и вышла прочь?
У вас так разве лишь в монастыре ведется,—
Невеста прочь, жених один и остается?

[1] Этот вопрос подробно разработан в книге: А. И. Мацай, «Ябеда» В. В. Капниста, Киев, 1958. В этой же книге впервые описаны киевские рукописи «Ябеды» и приведены разночтения между рукописями и печатным текстом.

София

Ай! женихов отнюдь нет, я божусь вам в том,
У нас в монастыре.

Фекла

А за монастырем?
Я знаю ведь уж все; да я не помирволю.
Не монастырску, слышь, а делай нашу волю.
Мы Праволова уж давно тебе сулим:
Упрямься или нет, а быть тебе за ним.
Итак, голубушка, смотри не зазнавайся
И нравиться ему как можно ты старайся.

София
(падая на колени)

Ай, матушка! прошу вас на коленях я,
Избавьте от него, избавьте вы меня;
Я нравиться ему уж не могу... Божуся,
Что не люблю его, и в том вам признаюся.
Избавьте вы меня, он мне несносен так!..
И если упросить вас не могу никак
И у себя меня держать вы не хотите,
То в монастырь меня, прошу вас, отошлите
Иль к тетушке назад; я сколько с ней жила,
Божуся, в тягость ей я, право, не была.

Фекла

Встань, дура, и молчи; про тетушку ни слова:
Там прежни шашни с ней вы заведете снова.
Не льстись, голубушка. Я раз сказала уж,
Что Праволов тебе наверно будет муж.
И ежели ему ты согрубишь хоть мало,
Молись, чтоб моего терпения достало!
Да вот все.

Исключены были из пьесы также некоторые места, где говорилось о могуществе «кошелька», о взяточничестве, о попрании законов. Во втором действии (явление 1) в монологе Праволова, после слов: «Как заикнется, ну! тут уж и станет в пень» — в рукописи следовали стихи:

И этого сломать дрянного асессора
Труднее стало, чем весь суд и прокурора;
Почти что вчетверо вот этот лишь пострел
Противу всех других мой кошелек заел.

В третьем действии (конец 8 явления) исключена сцена глумления судей над зерцалом:

Кривосудов

Ба, ба! неужли то стоит зерцало тут?
Но нет,

Бульбулькин

И хорошо, что спрятали под спуд.

Атуев

Смотреться некому.

Хватайко

На нас — весь век смотрело.

Анна

Знать, больше и смотреть уже не захотело.

В пятом действии (конец 1 явления) вычеркнуты следующие строки о зерцале:

Добров

Коль истину сказать, то мало прока в нем.
Зевает на него бесстыдным всяк лицом.
Не правилом оно всем служит, а игрушкой;
И стало, наконец, судейскою вертушкой.

Отсутствует в печатном тексте комедии также все девятое явление третьего действия с торжественно-хвалебной песнью Софии в честь царицы.

Явление 9

Те же и София с арфой.

Кривосудов

Запой же нам, мой друг!

София

Что батюшка велит?

Кривосудов

Что хочешь, милая!

Кохтин

(к Бульбулькину)

На этой пел Давид.

Бульбулькин

Нет, эта ведь стоит, а он с своей носился.

Паролькин

(Атуеву)

Загнул было ушко Давиду.

Хватайко

Ты взбесился.

Он проиграл уже, я думаю, раз пять.

Паролькин

Охотничек и он, старик, ведь был играть.

Атуев

Глух звук; не слышу я.

Хватайко

Хоть с длинными ушами!

Паролькин

Взглянь, как работает руками и ногами!

София

(играет и поет)

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери-царицы,
Той, котора в род и род
Весь счастливит свой народ.
От драгой своей десницы
Вам она блаженство шлет;
Вкруг гремящей колесницы
Мир с победами ведет.

Воспоем тьму щедрот...

Мы все, как сиротки-птицы,
К ней направя наш полет,
Под крылами сей орлицы
Жизнь спасем от непогод.

Воспоем тьму щедрот...

Как лучом она денницы
Просвещает росский род;
И под кровом багряницы
Воспитает тьму сирот.

Воспоем тьму щедрот
Нашей матери-царицы,
Той, котора в род и род
Все счастливит свой народ.

Все судьи

Помути, господь, народ
Да накорми воевод.

София с арфой поспешно уходит.

Изъятие этой сцены могло быть вызвано, в частности, тем, что комедия, которая писалась во времена царствования Екатерины II, печаталась при Павле I и оставлять хвалебный гимн в честь импе-

ратрицы в пьесе с посвящением Павлу было неудобно. В экземпляре комедии, представленном Павлу I, текст песенки Софии был заменен другим:

Счастлив, кто на все на свете
Мог без зависти глядеть
И в кругу мечты иметь
Добродетель лишь в предмете.
В совести спокойной тот
Тьму прямых отрад найдет.

Клад свой Крез напрасно множит,
День над ним не спит, ни ночь;
Как его себе ни прочь,
Злый случай похитить может.
В свете всех богаче тот,
Кто лишь правдою живет.

Хоть весь мир кто завоюет,
Счастливых не сыщет дней:
Средь победы звук цепей
Беспокойный дух волнует.
Счастлив истинно лишь тот,
С правдой кто в миру живет.

Возможно, что в последний раз пьеса исправлялась Капнистом при Александре I, в сентябре 1814 года, когда постановка ее была возобновлена в бенефис актера Щенникова[1].

Таким образом, установить окончательный, дефинитивный текст «Ябеды» пока не удалось.

В настоящем издании текст комедии печатается по изданию: В. Капнист, Ябеда, комедия в пяти действиях, СПб. 1798.

Стр. 43. *В суде по чермному с ним фараон гуляет...*— В стихе обыгрывается библейское предание о бегстве евреев из Египта через «Чермное» (Красное) море и о преследовании их египетским фараоном. Подлинный смысл стиха таков: сидя за судейским «чермным» столом (столы в присутственных местах покрывались красным сукном), заседатель во время судебного разбирательства играет в карты.

---

[1] Об изменениях, которые внес Капнист в печатный экземпляр комедии, принадлежащий актеру Щенникову, сообщил С. И. Турбин в «Русской старине» за 1873 год, кн. 5, май. Правда, никаких других данных, подтверждающих сообщение Турбина, в том числе и самого экземпляра комедии с правкой Капниста, не обнаружено.

И у журналов он углы лишь загибает.— «Загнуть угол» в карточной игре означает поставить ставку на данную карту. Капнист подчеркивает, что заседатель относится к судебным решениям (журналам) как к карточной игре.

Стр. 47. *В зерцало взглянь судов...— Зерцало* — трехгранная призма, увенчанная двуглавым орлом, с текстами трех указов Петра I. Вплоть до Октябрьской революции зерцало служило эмблемой законности и его наличие во всех присутственных местах было строго обязательно.

...а то роса,// Покуда солнышко взойдет, пробьет глаза...— Переделка пословицы: «Пока солнышко взойдет, роса очи выест».

Стр. 70. *Да сунул в банковой тисненых документов...*— т. е. дал денег. Бумажные деньги, ассигнации, печатались в банковой экспедиции.

Стр. 73. *Шьет, на Давыдовых лишь гуслях повирает...*— т. е. играет на арфе. *Давыд* (Давид) — см. примечание к «Оде на пиитическую лесть» (стр. 442).

Стр. 75. *...духовной доведу...*— т. е. докажу «духовной грамотой» (духовным завещанием).

Стр. 89. *То покормежный вмиг геральдия пашпорт...— Покормежный пашпорт* — документ, выдававшийся департаментом геральдии лицам дворянского происхождения, лишенным дворянства или исключенным из службы. Тот, кто получал такой документ, причислялся к «податному сословию».

Стр. 96. *А кто ж в заповедную?* — Имеется в виду «заповедная» (запрещенная) карточная игра «Фараон» («Фаро»).

Бобыль и далее: *шпадиль, поэнь, рефет, бет, каски, капот, пароди* — термины карточной игры.

Стр. 98. *И в запрещенную игру... Хватайко.— Да, видно, нам, // В нее играть судьба, с поры той, как Адам // В нее наследное все проиграл именье.— Запрещенная игра* — в иносказательном значении: грехопадение Адама и Евы, вкусивших от запретного плода. *Наследное именье* — Эдем, или земной рай, откуда, по библейскому сказанию, Адам и Ева были изгнаны богом после их грехопадения.

Стр. 100. *Ра-разве Бо-Богдан не-не-Фе-Фе-Федот?* — Имя Федот происходит от греческого имени Федотес, что в переводе на русский язык означает «богом данный». Это же значение имеет и имя Богдан.

Стр. 102. *На то ведь совестный лишь установлен суд.— Совестный суд* — дворянский сословный орган, созданный Екатериной II для рассмотрения некоторых гражданских дел. Совестным он был

назван потому, что, в отличие от обычного суда, ему не вменялось в обязанность обосновывать свои определения буквой закона. Судьи должны были придерживаться только духа закона и выносить решения, руководствуясь своей совестью.

Стр. 109. *Уложенье* — свод законов, изданный при царе Алексее Михайловиче в 1649 году.

И также в учрежденье?.. — Имеется в виду «Учреждение о губерниях» (1775) — одно из важнейших законодательных мероприятий Екатерины II, направленных на дальнейшее укрепление дворянско-помещичьей власти.

Наказ — законодательная инструкция Екатерины II, предназначавшаяся для депутатов комиссии по составлению нового уложения. Руководствуясь этой инструкцией, комиссия должна была выработать для России новый свод законов. Однако вскоре Екатерина отказалась от своей затеи, комиссия была ею распущена, и в результате не лишенный либеральной фразы «Наказ» остался неосуществленным.

Стр. 110. *И если регламент да согласить с наказом...* — Имеется в виду «Генеральный регламент» (1720) — учредительный устав государственных коллегий, созданных Петром I. «Регламентом» определялись отношения между правительственными и местными учреждениями. Действовал до 30-х годов XIX века.

Стр. 123. *Вот по-заморскому нам воспитали дур!* — Реплика является отголоском эпиграммы на главного попечителя Смольного института И. И. Бецкого. К его портрету были сочинены следующие стихи:

Иван Иваныч Бецкий...
Воспитатель детский,
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур,
Набитых дур[1].

Стр. 124. *Рогами назовут, то пойдут уши тпруши.* — Неточная цитата из басни Н. А. Львова «Львиный указ» (1779). Содержание басни таково: Лев издал указ об изгнании из своего царства рогатого скота. Узнав об этом, Заяц пустился бежать; он боится, чтобы львиный указ не послужил поводом признать его уши рогами. «Рогами назовут, пойдут и уши тпруши», — говорит он, т. е. если захотят, воспользовавшись указом Льва, признать уши рогами, то и у горлицы найдут рога. *Тпруша* (тпрукушка) — в северо-русских говорах — горлица.

---

[1] См. А. И. Мацай, «Ябеда» В. В. Капниста, стр 111.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сатира первая и последняя (стр. 163).— Впервые, под названием «Сатира I» и за подписью «К» — в «СПб. вестнике», 1780, ч. V, июнь.

Спустя три месяца после опубликования «Сатиры» в сентябрьском номере «СПб. вестника» появился печатный отзыв о ней. «Письмо к господину К., сочинителю сатиры первой», за подписью «Д» (см. вступительную статью). Редакция журнала одновременно с «Письмом» поместила от себя басню «Медная статуя», в которой говорилось об «искусном художнике» и завистливой критике; там же была напечатана басня И. И. Хемницера «Черви», направленная против писателей, раздраженных сатирою Капниста.

Сатира принесла Капнисту известность. Издатели «Собеседника любителей российского слова», кн. Е. Р. Дашкова и О. П. Козодавлев, предлагают автору перепечатать ее в своем журнале. Козодавлев просит об этом Капниста в письме, напечатанном в первой книжке журнала за 1783 год.

«Письмо» вызвало придирчивую критику со стороны некоего Любослова (псевдоним неустановленного автора). Любослов обвинил издателей «Собеседника» в том, что при обращении к Капнисту они употребляют эпитеты, приличные, как он выразился, только «патриоту, герою и министру». Это послание было напечатано во второй книжке «Собеседника» за 1783 год.

Ознакомившись с «Посланием к гг. издателям от Любослова», Капнист ответил на него второй публикацией «Сатиры» («СЛРС», 1783, ч. V) и сатирическим письмом («СЛРС», 1783, ч. VII), в котором он зло и тонко высмеял своего критика. Однако ожесточенные нападки со стороны противников заставили Капниста внести поправки в первоначальный текст «Сатиры». В «Собеседнике» она появилась под названием «Сатира первая и последняя» и в исправленной редакции: Капнист убрал из «Сатиры» видоизмененные фамилии известных в XVIII веке литераторов, назвав их во второй редакции «толпой несмысленных и мерзких рифмотворцев».

Печатается по тексту «Сочинений». Датируется на основании текста: *«Монархия легко могла... монархов примирить, искоренить войну».*— В 1778 году между Пруссией и Австрией возник военный конфликт из-за баварского наследства. Екатерина II в категорической форме предложила обеим державам уладить этот конфликт мирным путем. В результате 24 мая 1779 года в Тешене был подписан австро-прусский мирный договор. В договоре специально подчеркивалась посредническая роль России как державы, предотвратившей кровопролитие. Следовательно, «Сатира» не могла быть написана раньше второй половины 1779 года.

Стр. 163. *Как гладкие стихи в творце Телемахиды.— Творец Телемахиды* — В. К. Тредиаковский (1703—1769), известный русский просветитель, филолог и поэт. После появления од Ломоносова, блестяще завершившего реформу русского стиха, тяжелые, архаические стихи Тредиаковского во многом утратили свою эстетическую значимость и стали служить постоянной мишенью для высмеивания. «Телемахида» (1766) — стихотворный перевод политико-нравоучительного романа Фенелона «Похождения Телемака» (1699).

Стр. 164. *Чуднов* — поэт-одописец В. П. Петров (1736—1799), именовавший себя «карманным Екатерининым стихотворцем». Факт высмеивания Капнистом Петрова отмечен Хвостовым в «Записках о словесности» (1810).

Стр. 165. *Мевий* — посредственный римский поэт времен Горация.

И не старался бы... в стихах своих Луну зубами ухватить.— Капнист высмеивает характерное для Петрова пристрастие к причудливым метафорам. *Луна* — изображение Турции (по государственному гербу).

Стр. 166. *Монархия легко могла попрать Луну...*— Имеется в виду победа России над Турцией в войне 1768—1774 годов.

Стр. 167. *Стихами слабыми и на чужом языке || Екатеринины пел славные дела...*— К этим стихам Капнист сделал примечание: «Под сими словами сочинитель разумеет преглупую свою французскую оду (ода была написана на французском языке.— *Ю. И.*), на случай мира между Россиею и Оттоманскою Портою сочиненную. Она была сперва особенно напечатана 1775 года, потом в 1780 году в августе месяце Санкт-Петербургского вестника, а писана сочинителем на 17 году его возраста, чего однако ж он ни себе, ни глупому своему произведению в извинение не ставит».

Ода на надежду (стр. 169). Впервые — в «СПб. вестнике», 1780, ч. VI, август. Печатается по тексту «ЛС».

Ода на рабство (стр. 173).— При жизни Капниста ода была напечатана трижды. Впервые — в «ЛС», затем, без ведома автора, в «Собрании русских стихотворений», 1810, ч. II, с пропуском двух строф, и в «Пантеоне русской поэзии», 1814, кн. II, с пропуском одной строфы. Печатается по тексту «ЛС».

По словам Капниста, «ода сочинена в 1783 году». Поводом к ее созданию послужил указ Екатерины II от 3 мая 1783 года, по которому крестьяне Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств объявлялись крепостными тех помещиков, на чьих землях застал их новый закон.

Узнав об оде, кн. Е. Р. Дашкова пожелала напечатать ее в сво-

ем журнале «Новые ежемесячные сочинения» и просила Державина, чтобы тот представил ей рукопись. Однако Державин, оберегая своего друга от гнева императрицы, не сделал этого.

В Государственной библиотеке СССР им. Ленина хранится писарская копия другой редакции этой оды. Она содержит еще две строфы:

Строфа 2

Орфей! Когда ты, Евредики
Лишась, на лире воздыхал,
Древа бездушны, звери дики
Ты к состраданью привлекал.
Внуши меня,— к тебе взываю:
Не по супруге я вздыхаю —
Прав более имею я
Привесть и камни в сожаленье:
Я воспою порабощенье
Драгой отчизны моея.

Строфа 8

Хотя ж свои напасти кроют,
Презрения и стыд терпят,
Но в горести их души ноют,
Отчаянья грызет их яд.
Снедаемы печальми злыми,
Дыша лишь вздохами одними,
В неиссякаемых слезах
Проводят жизни все мгновенья,
Не обретают облегченья
От бедствий как лишь во гробах.

В этой редакции ода обращена не к царице, а к монарху. В связи с этим во всех необходимых случаях в стихах произведена замена.

Сказавшему обо мне: «в семье не без урода» (стр. 178). — Первые две эпиграммы были опубликованы в «Сочинениях». Третья эпиграмма была отдельно опубликована в «СЛРС», 1784, ч. XII.

Написано, видимо, в начале 80-х годов в связи с нападками со стороны литераторов, высмеянных в «Сатире».

Ода на истребление в России звания раба Екатериною Второю, в 15 день февраля 1786 года (стр. 179).— Впервые, под названием «Ода. На истребление в России названия раба е. и. в. в 15 день февраля 1786 года», за подписью «Верноподданный В. Капнист» — в «Нов. еж. соч.», 1787, ч. XV. Печатается по тексту «ЛС». Ода написана 21 апреля 1786 года. Дата взята из рукописи оды, находящейся в бумагах Державина (ГПБ).

Оду свою Капнист отправил к Н. А. Львову для представления императрице, о чем упоминается в его письме к Державину от

20 июля 1786 года (Державин, Сочинения, СПб. 1876, т. V, стр. 518).

В Государственной библиотеке им. Ленина сохранилась обложка к оде с надписью: «Освободительнице России» и подписью: «Верноподданный Капнист». Экземпляр оды в этой обложке в феврале 1827 года попал в руки В. Н. Каразина, который снабдил его следующим примечанием: «NB Подлинник: т. е. тот самый экземпляр, который поднесен был императрице. Он остался между бумагами Д. П. Трощинского... Доказательство, что она не дала ему цены. «Вы-де хотите на деле (т. е. действительной отмены рабства.— *Ю. И.*). Довольно и слова». Им-то (т. е. отменой слова «раб».— *Ю. И.*) все и кончилось. Далее она не пошла; тем более, что застигла старость и французская революция».

Стихи на перевод «Илиады» г. Костровым (стр. 182).— Впервые — в «Зеркале света», 1787, ч. V, № 82, июль, под названием «Стихи на переложение Омировой Илиады», с некоторыми текстологическими погрешностями,— в «Сочинениях». Печатается по тексту «Нов. еж. соч.». 1787, ч. XVII, ноябрь.

Е. И. Костров (ок. 1750—1796) — русский поэт. Его перевод «Илиады» Гомера, сделанный в 1787 году, высоко ценился современниками.

Ода на смерть сына (стр. 183).— Впервые — в «Нов. еж. соч.», 1787, ч. XVI, октябрь, без имени автора, затем, с изменениями как художественного, так и цензурного порядка,— в «Сочинениях», потом со значительными авторскими сокращениями (на девяносто стихов), в «ЛС». Печатается по последней публикации.

Текст первой, анонимной публикации, которая до сих пор оставалась неизвестной, в сравнении с последующими публикациями отличается меньшим художественным совершенством, но большей политической остротой. Он содержит строфу, изъятую в последующих редакциях, в которой Капнист резко выразил свое недовольство правлением Екатерины II, что дало повод современникам приписывать оду А. Н. Радищеву (арх. В. А. Маевского, ИРЛИ). Вот эта строфа:

Возможно ль, зря коварство злое,
Ведуще правость в смертну сеть,
Порок, достоинство прямое
Хулою ищущий сотреть,
Зря стыд поправшую кичливость,
Держащу скиптр несправедливость,
У ног вельмож ползущу лесть,
Возможно ль, ими не гнушаясь,
От вида их не содрогаясь,
Их мерзости и злобу снесть?

Ода написана в 1787 году. В ней Капнист оплакивает своего первенца, названного в честь Державина Гавриилом.

Стр. 183. *С любезным братом разлученье.*— Брат поэта Петр Васильевич вынужден был выехать за границу, не желая стать фаворитором Екатерины II, которая обратила на него свое внимание (см. Воспоминания гр. Инны Капнист (П. И. Капнист, Сочинения, т. I, М. 1901, стр. XVII). В первоначальном тексте: *Драгих мне стран порабощенье* (см. прим. к «Оде на рабство», стр. 425).

И друга верного лишенье...— 20 марта 1784 года вдали от родины, в турецком городе Смирне, скончался близкий друг Капниста, известный русский баснописец И. И. Хемницер (род. в 1745 г). Хемницер исполнял в Смирне должность генерального консула).

Ответ Рафаэла певцу Фелицы (стр. 188).— Впервые — в «Нов. еж. соч.», 1790, ч. XLVII, май. Печатается по «ЛС».

Певец Фелицы — Г. Р. Державин. Под именем Фелицы он воспевал Екатерину II. В 1789 году в XLI части «Нов. еж. соч.» была напечатана его ода «Изображение Фелицы». При ее создании Державиным руководил некоторый расчет: оказавшись в это время без должности, поэт хотел напомнить о себе императрице. Ода состоит из пятидесяти восьми строф, в которых дается наставление Рафаэлу, как начертать образ Фелицы — Екатерины II. Это и дало повод Капнисту иронически выступить против чрезмерных восхвалений Екатерины Державиным. С сочинением Капниста Державин ознакомился еще в рукописи, под заглавием: «Рапорт лейб-автору от екатеринославских муз трубочиста Василия Капниста». Шутливый «Рапорт» был болезненно воспринят Державиным. 31 декабря 1789 года он написал своему другу резкое письмо, в котором говорилось: «Ежели ты хочешь вперед писать прямо по-русски, то приезжай к твоим друзьям и советуй с ними или оставляй, что напишешь, про твоих земляков; а без того не токмо читать или печатать, любя твою славу, стихов твоих, но и принимать их не будем, ибо, кроме твоей оды «Надежда» и «Сатиры», здесь при твоих друзьях написанных, последующие твои сочинения никакого уважения не заслуживают. Ежели таковыми стихами подаришь ты потомство, то и в самом деле прослывешь парнасским трубочистом, который хотел чистить стихи других, а сам нечистотою своих был замаран» (Державин, Сочинения, СПб., 1876, т. V, стр. 812).

«Гаврила не прав в некоторых своих бурных примечаниях,— отмечал Н. А. Львов,— я ему скажу; а если некоторые мною справленные неровности ты простишь и помилуешь, то, переписав, как должно печатать, пришли: я напечатаю» (там же, стр. 810). Капнист принял некоторые поправки Львова, исключил одну строфу и напечатал «Ответ» со следующим примечанием:

«Неподражаемое «Изображение Фелицы», сочинение Гавриила Романовича Державина, дало мне повод к написанию ответа Рафаэла, в котором весь пятый куплет заимствован из следующих трех прекрасных строф его:

Строфа 8

Престол ее на Скандинавских,
Камчатских и златых горах,
От стран Таймурских до Кубанских
Поставь на сорок двух столбах.
Как зеркал восемь бы стояли
Ее великие моря.
С полнеба звезды освещали,
Вокруг багряная заря.

Строфа 47

На сребро-лунно государство
Простри крылатый, сизый гром;
В железно-каменное царство
Брось молньи и поставь вверх дном.
Орел царевнин бы ногою
Вверху рога луны сгибал:
Тогда ж бы на земле другою
У льва голодный зев сжимал.

Строфа 26

Представь, чтоб глас сей светодарный,
Как луч с небес, проник сердца;
Извлек бы слезы благодарны,
И все монарха, и отца,
И бога бы в Фелице зрели,
Который праведен и благ;
Из уст бы громы лишь гремели,
Которы у нее в руках».

Чижик (стр. 193).— Впервые — в «Сочинениях». Печатается по «ЛС». Написано предположительно в конце 1780-х или же в 1790 году, ибо в отделе «Лирических мелочей», где стихотворения расположены «по порядку леточислительному», оно значится первым и предшествует песенке «Неверность Лизеты» (1790).

Неверность (стр. 194).— Впервые, без названия и без имени автора — в «Новом российском песеннике», СПб. 1790. Печатается по тексту «ЛС».

Стихотворение является подражанием песенке Лагарпа «O, ma tendre musette» («О, моя нежная волынка» — *франц.*).

На смерть Юлии (стр. 196).— Впервые, без имени автора, под названием «Песня» — в «Чтении для вкуса, разума и чувство-

ваний», М. 1792, затем, под названием «На смерть дочери»,— в «Сочинениях». Печатается по «ЛС».

В «Чтении для вкуса...» «Песня» была опубликована с примечанием издателя, свидетельствующим об ее распространении еще до появления в журнале. «Многим она («Песня».— *Ю. И.*) известна,— говорится в примечании.— Мы даже из Ясс ее получили».

Дочь Капниста Юлия умерла в 1788 году. Следовательно, стихотворение могло быть написано между 1788—1792 годами.

Ода на счастие (стр. 198).— Впервые, под названием «Ода на счастье. Родным, друзьям и ближним»,— в «МЖ», 1792, ч. VIII, декабрь. Печатается по тексту «ЛС».

Картон (стр. 206).— При жизни Капниста печатались два отрывка из поэмы. Первый, под названием «Гимн к солнцу слепого старца Оссиана» (семь последних строф), впервые опубликован в «Аонидах», 1796, кн. I; второй (начиная со стихов: «Я видел сам огромные балклутские башни»,— кончая стихами: «Лучи твои переживет») — в «18-м чтении в БЛРС», 1815. Капнист включил его в свою статью «Краткое изыскание о гипербореанах». Полностью текст перевода был впервые опубликован в «Избр. соч.». Печатается по списку (ИРЛИ).

Поэма «Картон» написана шотландским поэтом Джемсом Макферсоном (1736—1796), который выдавал свои произведения, основанные на умелом использовании мотивов устной поэзии народов Шотландии и Ирландии, за творения легендарного кельтского барда Оссиана, жившего, по преданию, в III веке. Изданный Макферсоном сборник поэм под названием «Сочинения Оссиана» (1765), куда вошел и «Картон», пользовался широкой известностью и был переведен на многие европейские языки. Особенную популярность имел французский перевод Летурнера (1777), послуживший источником для первого переводчика «Сочинений Оссиана» на русский язык Е. И. Кострова (1792). До Кострова поэма «Картон» была переведена Н. М. Карамзиным («МЖ», 1791, ч. II).

В августе 1801 года, остановившись проездом из Петербурга в Обуховку в Москве, Капнист читал свой перевод «Картона» М. М. Хераскову и Н. М. Карамзину. Вспоминая об этом, он писал: «Они благосклонно приняли попытку мою; но я все же не отваживался передать плод оный книгопечатному тиснению, опасаясь, дабы лютые критики не взяли и самого меня в их мучительные тиски» («СК», стр. 612). В 1816 году, решившись наконец опубликовать свой перевод, Капнист написал к нему предисловие, в котором говорится: «Весьма давно, вникая в коренное народное русское стихосложение, поражен был я красотою его и... сочинил изыскание о гипербореанах; а в переводе поэмы Оссиановой Картона, который

должен был сопровождать оное... поместил для образца несколько родов русского стихоразмерения. Около 25-ти лет не издавал сочинений я сих в свет...» (ИРЛИ)

Из последней фразы можно заключить, что «Картон» переведен Капнистом в начале 1790-х годов.

Друзьям моим (стр. 223).— Впервые — в «Сочинениях». Печатается по тексту «ЛС».

Стр. 223. *Тринадцать лет уже прошло, ‖ Как чувство дружбы вас связало.*— К этим стихам в издании 1941 года Б. И. Коплан сделал примечание: «18 апреля 1778 г. Державин женился на Екатерине Яковлевне Бастидон»,— и на этом основании датировал стихотворение 1791 годом. Вероятнее предположить, что стихотворение обращено к Н. А. Львову (см. «На смерть друга моего») и к его жене Марии Алексеевне (см. «Красавице»). Их женитьба для Капниста была более памятным событием, так как он был доверенным лицом молодых и организатором их тайного венчания, которое состоялось около 1780 года. Следовательно, стихотворение могло быть написано около 1793 года.

Разлука (стр. 224).— Впервые, под названием «На разлуку» — в «Сочинениях». Печатается по «ЛС». Стихотворение написано, вероятно, в 1793 году, в Петербурге. Приехав в столицу ненадолго, Капнист из-за тяжбы с Тарновской задержался там на целый год и вынужден был жить в разлуке с семьей. *Сашенька* — жена поэта Александра Алексеевна Капнист (ум. в 1832 г.).

Красавице (стр. 225).— Впервые, под названием «На перевод Анакреонта, приписанный Марии Алексеевне Львовой»,—в «Сочинениях». Печатается по тексту «ЛС».

Капнист имеет в виду сборник стихотворений, приписывавшихся Анакреонту, в переводе Н. А. Львова. Он был издан в 1794 году без указания имени переводчика («Стихотворение Анакреона Тийского», перевел ***, Типография корпуса чужестранных единоверцев, СПб. 1794).

М. А. Львова (1755—1807), которую считали автором перевода, была известна в литературных кругах: она писала стихи, некоторые из них были опубликованы.

Ода на смерть Плениры (стр. 226).— Впервые — в «Сочинениях», затем, с сокращением на сто десять стихов, в «ЛС». Печатается по второй публикации.

Пленира — первая жена Г. Р. Державина, Екатерина Яковлевна, урожденная Бастидон (1760—1794). Отец ее, выходец из Португалии, был камердинером Петра III, мать — кормилицей Павла I.

Ода на твердость духа (стр. 230).— Впервые — в «Сочинениях». Напечатана в разделе «Оды на разные случаи», где все

стихотворения расположены в хронологическом порядке. Написана, предположительно, в 1794—1795 годах, так как помещена в «Сочинениях» между «Одой на смерть Плениры» (1794) и «Одой на воспоминание Пленириной кончины» (1795). Печатается по тексту «ЛС».

Стр. 230. *Пожарский, Минин, Филарет // Ярем сарматский сокрушили.— Филарет* (светское имя Федор Никитич Романов) — патриарх российский, отец первого царя из рода Романовых Михаила Федоровича. Капнист ставит его в один ряд с вождями народного ополчения 1612 года Козьмой Мининым и кн. Дмитрием Пожарским потому, что в период польско-шведской интервенции Федор отказался подписать договор о вступлении на русский престол польского королевича Владислава. За это он был арестован поляками и в течение многих лет находился у них в плену.

Хоть Курций жертвой Риму был...— «В Риме на площади расселась земля и открылась пропасть. Устрашенному народу прорицатели отвечали, что она не закроется, пока не будет брошено в нее то, что всего драгоценнее в Риме. *М. Курций,* заключа, что прорицание означало тем римского гражданина, бросился в пропасть, которая, как предание удостоверяет, тот же час и закрылась» *(прим. В. Капниста).*

Но Регула неколебима... на остры гвозди положил.— «М. Атилий Регул — консул римский, в первую Пуническую войну взятый карфагенцами в плен, был от них послан в Рим для увещания соотечественников своих к размену пленных, с угрожанием, что предан будет мучительнейшей смерти, ежели в таковом препоручении не успеет. По прибытии в Рим, убедил он сенат к отвержению предлагаемого размена и, невзирая на просьбу его, на моление народа и слезы жены и детей, возвратился в Карфаген; по повелению разгневанного сената и народа мучен был долговременно в ящике, железными гвоздями набитом, а наконец, распят на кресте и предан смерти» *(прим. В. Капниста).*

Ода на уныние (стр. 233).— В 1796 году была опубликована одновременно в «Сочинениях» и «Аонидах» (кн. I). Сравнение текстов показывает, что при печатании оды в «Аонидах» автор внес в нее некоторые исправления. Вероятно, Капнист поправлял свою оду уже после того, как она была отпечатана в «Сочинениях». Печатается по тексту «ЛС». Написана предположительно в 1794—1795 годах (см. прим. к «Оде на твердость духа», стр. 432).

Ода на воспоминание Пленириной кончины (стр. 236).— Впервые — в «Сочинениях» под названием «Годовое воспоминание Плениριной кончины». Написано в 1795 году. Печатается по тексту «ЛС».

Пленира — см. прим. к «Оде на смерть Плениры».

Старость и младость (стр. 238).— Впервые — в «Сочинениях». Печатается по тексту «ЛС».

Мотылек (стр. 239).— Стихотворение было опубликовано одновременно с «Одой на уныние» в «Аонидах», 1796, кн. I, и в «Сочинениях». Сравнение текстов показывает, что, в отличие от «Оды на уныние», Капнист внес в текст «Мотылька» поправки после того, как это стихотворение было отпечатано в «Аонидах». По-видимому, последние два раздела «Сочинений», т. е. «Оды на разные случаи», куда вошла «Ода на уныние», и «Лирические мелочи», куда вошел «Мотылек», печатались в разное время. Печатается по тексту «ЛС».

Графу Александру Сергеевичу Строганову (стр. 240).— Впервые, под названием «Утро в гроте графа Александра Сергеевича Строганова»,— в «Аонидах», 1797, кн. II. Печатается по тексту «ЛС».

А. С. Строганов (1733—1811) — русский вельможа; слыл тонким ценителем и покровителем искусства. Его дом посещался почти всеми видными писателями и художниками.

Державин посвятил Строганову свою оду «Любителю художеств» (1791).

Богатство убогого (стр. 241).— Впервые — в «Аонидах», 1797, кн. II, под названием «Другу моему». Печатается по тексту «ЛС».

Стихотворение посвящено жене поэта Александре Алексеевне Капнист.

Потеря дня (стр. 242).— Впервые — в «Аонидах», 1797, кн. II. Печатается по тексту «ЛС».

Певцу Фелицы (стр. 244).— Впервые — в «ЛС». Автограф, под названием «Гавриилу Романовичу Державину. Подражание Горациевой оде «Musis amicum» (кн. I, ода XXVI), находится в ГПБ. Написано в ответ на послание Державина «К Капнисту» (1797). Направлено Державину вместе с подробным разбором его послания и письмом, под которым поставлена дата: «1797 года, августа 13 дня, Обуховка». Обращаясь к своему другу, Капнист писал: «Прошу взамену и мою к вам адресованную пиесу поправить, как заблагорассудится, а потом отдать напечатать. Я прибавил в ней третий куплет» (ГПБ, Бумаги Державина).

Стр. 244. *Пусть галл Европой потрясает...*— намек на Великую французскую буржуазную революцию 1789—1793 годов.

От рая Пий ключи теряет...— В 1796 году Наполеон Бонапарт отобрал у римского папы Пия VI часть владений. Поскольку папы, опираясь на созданную ими самими легенду, считают себя преем-

никами апостола Петра, мифического хранителя ключей от райских врат, а свои владения именуют «наследием Петра», то это и дало повод Капнисту иронически назвать эти владения «ключами от рая».

Весна (стр. 245).— Впервые под названием «Подражание Горациевой IV оде» (кн. I) — в «Аонидах», 1798—1799, кн. III. Печатается по тексту «ЛС».

Стихотворение обращено к Державину. *Даша* — вторая жена Державина, Дарья Алексеевна.

Вздох (стр. 247).— Впервые — в «Аонидах», 1798—1799, кн. III. Печатается по тексту «ЛС».

Беззаботность (стр. 248).— Впервые — в «ЛС». В оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. II, ода XI).

Стр. 248. *Галльский исполин* — Наполеон.

Ков британца — коварство Англии; 1—2 стихи содержат намек на Амьенский мир (1802), который Англия заключила с Францией в целях временной передышки и накопления сил для продолжения дальнейшей войны.

На смерть друга моего (стр. 250).— Впервые — в «ЛС». Написано на смерть Н. А. Львова (22 декабря 1803 г.), близкого друга и родственника Капниста и Державина. Н. А. Львов был разносторонне одаренным человеком: поэтом, живописцем, архитектором, знатоком музыки и народной поэзии, механиком, геологом, изобретателем. Державин откликнулся на его кончину стихотворением «Память другу» (1803).

Владиславу Александровичу Озерову (стр. 252).— Впервые в журнале «Северный вестник», 1805, ч. VI. Печатается по последней прижизненной публикации (Сочинения В. А. Озерова, СПб. 1816, ч. I, стр. 75).

В. А. Озеров (1769—1816) — известный поэт-драматург начала XIX века. Его трагедия «Эдип в Афинах» впервые была поставлена на петербургской сцене 23 ноября 1804 года. Капнист присутствовал на этом представлении. Стихи:

> Трикраты солнца луч скрывала мрачна ночь,
> А я все живо зрю, как нежну, скорбну дочь
> Дрожащею рукой отец благословляет...—

свидетельствуют о том, что послание могло быть написано спустя три-четыре дня после спектакля.

Ворожба (стр. 254).— Впервые — в «ЛС». В оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. I, ода XI). О датировке этого и следующих двадцати трех стихотворений см. на стр. 415.

Камелек (стр. 255).— Впервые — в «ЛС».

Стр. 255. *Давал совет он Левконое...*— Капнист имеет в виду

XI оду из I кн. од Горация. Содержание ее изложено Капнистом в стихотворении «Ворожба» (см.).

Суетность жизни (стр. 256).— Впервые — в «ЛС». В оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. IV, ода VII).

Утешение в горести (стр. 258).— Впервые — в «ЛС», в оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. II, ода IX).

Совет (стр. 260).— Впервые — в «ЛС», в оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. II, ода III).

Желания стихотворца (стр. 262).— Впервые — в «ЛС»; в оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. I, ода XXXI).

Время (стр. 263).— Впервые — в «ЛС». В оглавлении к «ЛС» отмечено как подражание Горацию (кн. II, ода XIV).

Стр. 263. *Ельник лишь один постылый || Нас проводит до могилы.*— Имеется в виду русский обычай при похоронах разбрасывать по пути шествия траурной процессии еловые ветки.

Набожность (стр. 265).— Впервые — в «ЛС», в оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. III, ода XXIII).

Другу сердца (стр. 267).— Впервые — в «ЛС», в оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. II, ода VI). Адресат неизвестен.

Стр. 267. *Отколь в кумирах знаменитый || Владимиром сражен Перун.*— По летописи, киевский князь Владимир Святославич крестился в г. Корсуне (Херсонесе), расположенном на юго-западном побережье Тавриды (Крыма). Перун выступает здесь как олицетворение языческой религии.

Стр. 268. *Прах милого тебе певца* — И. И. Хемницера (см. прим. к «Оде на смерть сына», стр. 427).

Умеренность (стр. 269).— Впервые — в «ЛС». В оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. II, ода X). На эту же тему было написано стихотворение Державина «На умеренность» (1792).

Красота (стр. 270).— Впервые — в «ЛС». В оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. IV, ода X).

Другу моему (стр. 271).— Впервые — в «ЛС». В оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. I, ода IX).

Осень (стр. 273).— Впервые — в «ЛС». В тетради «Поправок» Капнист сделал примечание: «Не лучше ли через стих сократить так:

В дубраве грозна буря воет,
Кружится вихрем град;
С горы стремясь, долину роет
Ревущий водопад и т. д.»

З и м а (стр. 275).— Впервые — в «ЛС».

П р и з ы в а н и е В е н е р ы (стр. 277).— Впервые — в «ЛС». Стихотворение является переводом оды Горация (кн. I, ода XXX).

О д а, Л о м о н о с о в (стр. 278).— Впервые — в «ЛС». В оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. IV, ода II).

Стихи, взятые в кавычки, являются перефразами стихов из торжественных и духовных од Ломоносова.

Об отношении Капниста к поэзии Ломоносова см. также оду «Различность дарований» (строфы 1-я и 2-я).

Б о г а т о м у с о с е д у (стр. 281).— Впервые — в «ЛС». В оглавлении к ним отмечено как подражание Горацию (кн. II, ода XVIII). Ср. стихотворение Державина «Ко второму соседу» (1791).

Н е о с т о р о ж н ы й м о т ы л е к (стр. 283).— Впервые — в «ЛС».

Н е в о л ь н а я р а з л у к а (стр. 284).— Впервые — в «ЛС».

Н а п р а с н ы е с л е з ы (стр. 286).— Впервые — в «ЛС».

С и л у э т (стр. 287).— Впервые — в «ЛС».

Р у ч е й (стр. 288).— Впервые — в «ЛС». Стихотворение является переводом песенки французского поэта Панара (1694—1765) «Le ruisseau de Champigny» («Ручей Шампиньи»).

П р и ю т с е р д ц а (стр. 290).— Впервые — в «ЛС».

П а м я т н и к Г о р а ц и я (стр. 291).— Впервые — в «ЛС». В оглавлении к ним отмечено как перевод из Горация (кн. I, ода XXXI).

Известен также другой, менее удачный перевод Капнистом этой оды Горация. Он сохранился в бумагах Державина (ГПБ) и напечатан Б. И. Копланом в примечаниях к «Избр. соч.» (стр. 290).

Первый перевод названной оды Горация на русский язык дал М. В. Ломоносов (1745). Позже мотивы этой оды использовались Державиным («Памятник», 1796) и Пушкиным («Памятник», 1836).

Стр. 291. *И в дебрях, где простым народом Давн владел...*— К стиху Капнист сделал примечание: «В оригинале сказано: *Простым народом, где безводный Давн владел.* Но как слово *безводный* противоречит некоторым образом предыдущему стиху, где упоминается быстрая река Авфид, то я осмелился сказать: *и в дебрях, где простым народом Давн владел.* К сему повод дало мне то, что Давния, нынешняя Пульская провинция, весьма лесиста и что

даже название *Давния* производится от греческого слова Δαυνοσ, значащего *густый, лесистый»*.

Я первый, вознесясь от низкия породы, // В латинские стихи эольску меру ввел — то есть ознакомил римлян с эолийской поэзией и свойственными ей стихотворными размерами. На самом деле первым обратился к поэзии греков-эолийцев, крупнейшими представителями которой были Алкей и Сафо, римский поэт Катулл (I в. до н. э.).

Видение плачущего над Москвою россиянина, 1812 года октября 28 дня (стр. 292).— Впервые — в «Русском библиофиле», СПб. 1912, № 5.

Печатается по просмотренному автором беловому списку (ИРЛИ). Написано 28 октября — 18 декабря 1812 года (датируется по черновым автографам ИРЛИ).

После ознакомления с рукописью стихотворения Державин писал Капнисту 19 мая 1813 года: «Я... нахожу, что сочинение сие гораздо пылчее и сильнее многих прежних ваших: картина, Гермогена изображающая, жива и величественна; упреки за беззакония справедливы, и обетования милосердия, когда исправимся, утешительны, и за правду, кажется, по моему мнению, сердиться не за что; но видите вы из приложенного письма, находят его сатирою, изречение хулы на бога непозволенным. Впрочем есть стихи погрешительные в просодии в рассуждении несходства выговора малороссийского диалекта с российским...» (Державин, Сочинения, СПб. 1876, т. 6, стр. 303). Письмо, о котором упоминает Державин, не сохранилось.

Предвидя трудности с напечатанием «Видения», Капнист добивается, чтобы оно было одобрено членами царствующей фамилии. 13 августа 1813 года он пишет А. С. Шишкову: «Изволили ль вы, по благосклонному обещанию вашему, читать мое Видение его императорскому величеству... Я послал сие сочинение государыне императрице Елизавете Алексеевне при письме моем и удостоился получить от лица ее, чрез господина Лонгинова, весьма благоволительный отзыв» (см. М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, вып. 7, СПб. 1885, стр. 56). Судя по тому, что при жизни Капниста «Видение» не было опубликовано, одобрения со стороны царя оно, видимо, не получило.

Стр. 295. *Поднялся призрак бледный, тощий.*— Имеется в виду Гермоген (ок. 1530—1612) — патриарх московский и всея Руси, один из образованнейших людей своего времени. Во время польско-шведской интервенции призывал в своих грамотах народ встать против захватчиков «всей землей». Интервенты захватили Гермогена и уморили его голодом.

Стр. 297. ...*потомок Филарета, сей выркод из умов* — Петр I.

Филарет — см. примечание к «Оде на твердость духа» (стр. 431). *Выродок* — исключительно одаренный человек.

Старик, ожидающий весны (стр. 301).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1821, ч. XIX. Печатается по первой публикации. Обоснование датировки этого стихотворения, как и семнадцати последующих, дано во вступительной части «Примечаний» (см. стр. 414).

Горесть (стр. 303).— Впервые — в «17-м чтении в БЛРС», 1815. Печатается по первой публикации.

Горесть разлуки (стр. 304).— Впервые — в «17-м чтении в БЛРС», 1815. Печатается по первой публикации. Стихотворение является подражанием французской песне «Loin des beaux yeux de Sylvie» («Вдали от милых глаз Сильвии»).

В бумагах Капниста (ИРЛИ) сохранился переписанный им французский текст этой песни.

«Мне сказали: жизни радость...» (стр. 305).— Впервые — в «Избр. соч.». Автограф в ИРЛИ, бумага 1812 года. Печатается по автографу.

Скромная беспечность (стр. 307).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по беловому автографу ИРЛИ.

Судьба (стр. 310).— Впервые под названием «Подражание Горацию, книга 1-я, ода XXXIV» — в «17-м чтении в БЛРС», 1815. Ознакомившись с рукописью стихотворения, Державин предложил последние два стиха заменить другими:

Корону с буйного срывает,
И мнимый великан падет.

Капнист согласился с Державиным и напечатал оду, учитывая его пожелания. Однако после смерти Державина, готовя переводы од Горация к печати, он восстановил первоначальный текст. Печатается по автографу ИРЛИ 1818 года, отражающему последнюю волю автора.

К Мельпомене (стр. 312).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1822, ч. II. Печатается по первой публикации.

Ничтожество богатств (стр. 314).— Впервые — в «Трудах КОЛОС», 1815, кн. I[1]. Печатается по первой публикации.

Стр. 314. *Меч нагий.*— «Гораций имел здесь в виду философа Дамокла. Превознося богатство и великолепие Дионисия, тирана

---

[1] Эта книжка фактически находилась в печати вплоть до 1817 года, поэтому в нее вошел целый ряд произведений, написанных в 1816—1817 годах.

Сиракузского, признавал он его счастливейшим из смертных. Дионисий, устроив для него богатейший пир, потчевал вкуснейшими яствами и напитками. Дамокл был в восхищении; как вдруг увидел над головою своею висящий на конском волосе обнаженный меч; опасность смерти воспрепятствовала ему наслаждаться пиршеством и признавать счастливым тирана» *(прим. В. Капниста).*

Стр. 315. *Уж рыбы зрят моря оплотами стесненны...* — «Богачи римские любили строить загородные домы на взморьях, поступая оными сколько возможно далее в воду» *(прим. В. Капниста).*

Способ к довольству (стр. 316).— Впервые — в «18-м чтении в БЛРС», 1815. Печатается по первой публикации.

На рукописи перевода Державин сделал приписку: «Эта ода для меня лучше потому, что она ближе всех идет к тебе».

Против златолюбия (стр. 319).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по списку с исправлениями Капниста (ИРЛИ).

Последние три стиха первоначально имели вариант:

Исправя, лавр тому дарит,
На кучи злата мимоходом
И око кто не покосит.

Державин, читая рукопись, подчеркнул слово «покосит» и сделал на полях приписку: «Это слово только переменить, ибо косить значит неприязненность, а тут надобно противное». И тут же предложил вариант:

... тому дает,
И глаза кто не возведет.

Стр. 319. *Державин! враг сокрытых кладов // И руд драгих в земле скупой!* — Капнист имеет в виду послание Державина «К Скопихину». Идея послания такова: «Не блещет серебро в скупой земли, лежаще сокровенным», не блещет оно и в «погребах» ростовщика. Блеск серебру придает его «полезное употребление» во имя счастья ближних.

Стр. 320. *Галлов вождь* — Наполеон.

К лире (стр. 321).— Впервые, посмертно,— в «Трудах ОЛРС», 1824, ч. IV. Печатается по первой публикации, текст которой подготовлен к печати Капнистом.

Стр. 321. *Герой и гражданин лезвийский* — уроженец о. Лесбоса поэт Алкей (см. прим. к «Оде на пиитическую лесть», стр. 442).

Дитя с палящими стрелами — Купидон.

Безопасность (стр. 322).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по автографу ИРЛИ.

К слуге (стр. 324).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по списку ИРЛИ.

Способ утешения (стр. 325).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по автографу ИРЛИ.

Стр. 326. *Премудрый так кентавр Пелида учил...*— По греческому мифу, учителем Пелида (Ахиллеса) был кентавр Хирон.

На роскошные обиталища (стр. 327).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по автографу ИРЛИ.

Стр. 327. *Уж пышны зданья властелина // землей ограбят скоро плуг* — т. е. займут земли, предназначенные для пахоты.

На разврат нравов (стр. 328).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по автографу ИРЛИ.

По поводу оды Капнист писал Державину: «Я исправил некоторые места по вчерашним вашим замечаниям и, переведя точно латинский подлинник, препровождаю вам; прошу, прочитав его со вниманием, сделать подробные заметки: мне хочется эту оду как можно лучше выгладить и представить ее примером таковых переводов, в сравнении с прозаическими французскими и немецкими древнестихотворными» (ИРЛИ).

О достоинстве стихотворства (стр. 331).— Впервые — в «Трудах КОЛОС», 1815, кн. 1. (о «Трудах» см. примечание к оде «Ничтожество богатств», стр. 438). Печатается по первой публикации.

Стр. 331. *Треноги, что ахеан предки...*— «Во многих местах у древних видим, что чаши, треноги и лохани были весьма лестные для героев подарки. В XIX песне Илиады Ахиллес получает от Агамемнона 20 лоханей и 7 треног...» (*прим. В. Капниста*).

Стр. 332. *Калабрских вещих пиерид* — т. е. муз, вдохновляющих поэтов Калабрии. Гораций имел в виду уроженца Калабрии поэта Энния. В числе многих сочинений Энний оставил после себя восемнадцать книг летописей, в которых воспел победы Сципиона над Ганнибалом в Африке (о чем упоминается в третьей строфе оды).

Коль лиры замолчат златые...— «Прошу извинения, что здесь предпочел я лиры свиткам Горация, которые делались из растения, называемого папирус, и служили древним вместо книг» (*прим. В. Капниста*).

Для алтарей его счастливы // Определили острова.— «Богатые острова... именем сим означались поля Елисейские, полагаемые иными в Андалузии, области Испанской; но поелику она не остров, то некоторые признавали райскими, богатыми островами, лежащие в Атлантическом море Канарские и другие соседственные им острова» (*прим. В. Капниста*).

Пиит-лебедь (стр. 333).— Впервые, посмертно,— в «Трудах ОЛРС», 1824, ч. IV.

Текст оды подготовлен к печати Капнистом. Об этом свидетельствует его письмо к А. А. Прокоповичу-Антонскому от 17 января 1823 года. В письме говорится: «...вы требуете вновь сочинений моих! Повинуюсь и препровождаю вам оду на убийство, Пиита-Лебедя, Славолюбие и Закат солнца» («Труды ОЛРС», 1823, ч. III, стр. 337). Печатается по первой посмертной публикации.

Стр. 333. *Певец двувидный* — «то есть пиит-лебедь, в которого он себя преображает» (*прим. В. Капниста*).

Против корыстолюбия (стр. 335).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по списку ИРЛИ.

Похвала сельской жизни (стр. 338).— Впервые — в «Избр. соч.». Автографы в ИРЛИ. Самый ранний из автографов — на бумаге 1813 года, следовательно, написано не ранее 1813 года. Печатается по беловому автографу.

Стр. 339. *Возжжет средь очага священна // Огонь, отнятый у богов...*— По греческому мифу, огонь дал людям Прометей, похитив его у богов.

Любовная клятва (стр. 341).— Впервые — в «Избр. соч.». Автограф в ИРЛИ, бумага 1814 года. Печатается по автографу.

Стр. 341. *И бог, что пламенные стрелы // Кровавым каменем острит* — Купидон (греч. Эрот).

Петру Первому (стр. 342).— Впервые — в «Избр. соч». Печатается по списку с исправлениями Капниста (ИРЛИ). В списке «Ненапечатанных сочинений» не значится, следовательно, могло быть написано после апреля 1814 года. Именно в середине 10-х годов Капнист обращается к образу Петра I. (Ср. со стихами о Петре I в «Видении плачущего над Москвою россиянина» и в «Оде на пиитическую лесть».)

Стр. 342. *В младенческих летах коварные измены, // Второй Алкид, как змей, трекрат он задушил.*— По греческой мифологии, Алкид (Геракл), будучи еще младенцем, задушил двух змей, подосланных богиней Герой, женой Зевса, с целью умертвить его. Сравнивая Петра I с Гераклом, Капнист, по-видимому, имеет в виду подавление стрелецких мятежей в начале царствования Петра I.

Он рек,— и реки в Белт из Каспа потекли.— Капнист имеет в виду созданную при Петре I Мариинскую водную систему, соединяющую Волгу с Невой.

Иссунул меч,— и готф на высотах Полтавы... пал... — *Готфом* (т. е. потомком готов) Капнист называет шведского короля Карла XII, разбитого в битве под Полтавой (1709).

Ода на пиитическую лесть (стр. 343).— Впервые —

в «Избр. соч.». Печатается по списку с исправлениями Капниста (ИРЛИ). Написана на бумаге 1815 года, с авторскими примечаниями, заканчивающимися следующими стихами:

Когда б владыка всемогущий
Услышал глас мой вопиющий,
О! сколько б вдруг увидел мир
Немых людей — разбитых лир.

Стихотворение написано, видимо, не ранее 1815 года.

Стр. 343. *Как царь-пиит...* — царь Давид. Библия приписывает ему создание псалмов — религиозных песнопений, составляющих псалтырь. Вторая и третья строфы — подражание восемьдесят первому псалму Давида.

Стр. 344. *Бессмертный Гесиод, царям...* — Капнист имеет в виду поэму Гесиода «Труды и дни», поводом для написания которой послужил проигранный Гесиодом тяжебный процесс с братом Персом из-за раздела земли после смерти отца. Поэма содержит яркие обличения несправедливости и продажности родовитых судей, которых Гесиод именует «царями» — «пожирателями даров».

Алкей тиранов устрашал... — «*Алкей*, уроженец Митилены, был знаменитый лирик и ненавистник тиранов... Повествуют, что Питтак, царь Митилены, помрачил славу мудрого законодателя, повелев умертвить его» *(прим. В. Капниста).*

Резцом священным Аполлона //Начертаны для ахеан. — «Древнейшие законы греков были писаны стихами, в том числе и Солоновы» *(прим. В. Капниста).*

Мы зрим Октавова льстеца! — «Гораций Флакк написал весьма многих резких и прекрасных, пороки обличающих од, но также большое число наполненных лестью императору Октаву Августу, известному по жестокости и развратам, которых последствие краткого правления его изгладить не может» *(прим. В. Капниста).*

Стр. 345. *Отвергши прелесть диядимы* — т. е. отказавшись от царской власти. *Диядима* (диадема) — головной убор царей в древности и в средние века. Капнист имеет в виду кн. Дмитрия Пожарского — сподвижника Козьмы Минина.

Достойны ль петь они владыку... — Имеется в виду Петр I.

Послание к прекрасной (стр. 346). — Впервые, посмертно, — в «Трудах ОЛРС», 1826, ч. IV. В одном из автографов (ИРЛИ) содержится обращение к неизвестному адресату: «Милостивая государыня моя, Варвара Петровна». Печатается по беловому автографу. Написано 23 января 1816 года (датировано Капнистом).

Ода на смерть Державина (стр. 348). — Впервые —

в «СО», 1816, ч. 33, № 39. Печатается по тексту «Трудов КОЛОС», 1815, кн. 1. (Об издании «Трудов» см. примечание к оде «Ничтожество богатств».) Написано 18 августа 1816 года (датировано Капнистом). Державин умер 8 июля 1816 года.

Стр. 349. *Как остров близнеца Дианы, // Из бездн морских возникнет он... «Близнец Дианы»* — Аполлон. «Мифологи повествуют, что Нептун воздвиг из моря остров Делос для убежища Латоне, гонимой супругою Юпитера, при рождении Аполлона и Дианы. По сей-то причине остров Делос посвящен был богу стихотворства» *(прим. В. Капниста).*

И Аполлонов лес зеленый... — т. е. лавровый лес. Аполлон, по греческой мифологии, носил на голове лавровый венок и украшал листьями лавра свою кифару и колчан.

На кончину Гавриила Романовича Державина (стр. 352).— Впервые — в «СО», 1816, ч. 33, № 39. Печатается по первой публикации. Написано в один день с «Одой на смерть Державина».

Горсть земли на могилу благотворителя. Друзьям Державина (стр. 353).— Впервые отдельным изданием (с гравюрой), в Морской типографии, СПб. 1816. Цензурное разрешение издания — 14 октября 1816 года. Следовательно, стихотворение могло быть написано между июлем — октябрем 1816 года. Печатается по первой публикации.

Ко второй строфе дано примечание: «Сочинитель, оставя покойного 7-го числа июля сего 1816 года в совершенном почти здравии, 10-го того же месяца возвратился в Званку (имение Державина.— *Ю. И.*), дабы проводить тело его по реке Волхову в Хутынский монастырь св. Варламия, где оно ныне покоится».

На тленность (стр. 356).— Впервые — в «СО», 1817, ч. 35, № 4. Первая строфа — последние стихи Державина. Он написал их за несколько дней до смерти в Званке, размышляя над висевшей в его кабинете картиной-таблицей «Река времен». Написано 22 сентября 1816 года (датировано Капнистом).

Стр. 356. *Так лебедь, Пиндар пел российский...*— См. примечание к оде «Пиит-лебедь», стр. 441.

На смерть друга (стр. 357).— Впервые — в «ЖДНС», 1818, ч. 18, № 1, июль. Печатается по первой публикации. Датируется по автографу 15 октября 1816 года. Дата, поставленная под печатным текстом («1818 год, июля 9 дня. Обуховка»), вызвана, вероятно, желанием Капниста приурочить оду к второй годовщине со дня смерти Державина.

Стр. 357. *Нагая истина, и друг чистосердечный...*— «Я уверен, что благосклонные читатели извинят прибавку сего полустишия и двух

следующих стихов, к которой, соответственно чувству Горация, побудило меня воспоминание о смерти друга моего Державина» *(прим. В. Капниста).*

Бренность красоты (стр. 359).— Впервые — в «СО», 1817, ч. 41, № 39. Печатается по первой публикации. Написано 17 сентября 1817 года (датировано Капнистом).

Батюшкову (стр. 361).— Впервые — в «СО», 1817, ч. 41, № 43. Печатается по первой публикации. Написано 20 октября 1817 года (датировано Капнистом).

Стр. 361. *Ты пренебрег ее совет?* — По совету Капниста Батюшков начал переводить поэму великого итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим»; но, опубликовав в 1808 году несколько отрывков перевода, Батюшков оставил эту работу, за что и упрекает его Капнист.

Лишь кипарис изобразил? — Капнист имеет в виду элегию Батюшкова «Умирающий Тасс» (1816).

Ответ Федору Петровичу Львову (стр. 363).— Впервые — в «Памятнике отечественных муз», СПб. 1827, затем — в Собрании сочинений Ф. П. Львова — «Часы свободы в молодости», СПб, 1831, ч. 1, где оно помещено вслед за стихотворением «В. В. Капнисту, при посылке стихов моих». Печатается по второй публикации. Написано 29 ноября 1817 года (датировано Капнистом).

Ф. П. Львов — писатель и поэт конца XVIII — начала XIX века. Находился в дружеских отношениях с Капнистом и Державиным. В своем послании Капнисту Львов писал:

О муз любимец, друг всегдашний!
Ты был наставником моим!

Зависть пиита при взгляде на изображение окрестностей и развалин дома Горациева (стр. 365).— Впервые (?) — в «Трудах ОЛРС», 1820, ч. XVIII. По поводу этого стихотворения Капнист в письме от 5 апреля 1820 года к А. А. Прокоповичу-Антонскому сообщал: «Сочинение сие напечатано третьего года в «Сыне отечества»; я исправил его в некоторых местах» («СК», стр. 622). Однако в просмотренных нами экземплярах «Сына отечества» за 1810-е годы стихотворения не оказалось. Стихотворение предположительно датируется 1817—1818 годами.

Различность дарований (стр. 367).— Впервые — в «СО», 1818, ч. 50, № 51. Датировано Капнистом 13 июля 1818 года.

Обуховка (стр. 369).— Впервые в «СО», 1818, ч. 48, № 33. Печатается по тексту «Трудов ОЛРС», 1820, ч. XVIII, с исправлением опечатки в третьем стихе восемнадцатой строфы, где вместо

слова «лугов» напечатано «цветов». Написано 16 июля 1818 года (датировано Капнистом).

Перевод эпиграфа: «Потолок моего дома не блещет ни слоновой костью, ни золотом» (ср. первые стихи «Богатому соседу»).

Приближение грозы (стр. 374).— Впервые — в «СО», 1819, ч. 53, № 16. Печатается по первой публикации. Написано в августе 1818 года (датировано Капнистом).

К Пирре (стр. 375).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1819, ч. XV. Написано 4 октября 1818 года (датировано Капнистом). Печатается по первой публикации.

Дружеский совет (стр. 377).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по автографу ИРЛИ, датированному 5 октября 1818 года.

Б. И. Коплан в «Избр. соч.» напечатал вариант, под которым поставлена дата: «1818 года, октября 4 дня. Обуховка».

Тщетно желаешь, милая Хлоя,
Золото кучи в клад копить!
Можно ль с сим кладом сладость покоя,
Можно ли дружбы клад сравнить.

Скромное признание в любви (стр. 378).—Впервые— в «Трудах ОЛРС», 1819, ч. XV.

Алексею Николаевичу Оленину (стр. 379).— Впервые — в «Избр. соч». Печатается по списку с исправлениями Капниста (ИРЛИ). *А. Н. Оленин* (1763—1843) — один из видных представителей русской дворянской культуры начала XIX века; с 1811 года — директор императорской Публичной библиотеки, с 1817 года — президент Академии художеств. Оленин находился в дружбе с многими известными поэтами и писателями своего времени, в том числе с Державиным, Крыловым, Капнистом, Гнедичем, Батюшковым и другими.

На смерть Василия Степановича Томары. (стр. 381).— Впервые — в «СО», 1819, ч. 53, № 19. Печатается по первой публикации. Написано 5 апреля 1819 года (датировано Капнистом).

В. С. Томара — друг Капниста, Львова и Державина. Служил в коллегии иностранных дел; был посланным в Константинополе (1802—1809); позднее стал сенатором. Умер в первых числах апреля 1819 года.

Мщение любовника (стр. 383).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по автографу, датированному 7 декабря 1819 года.

Расчетливое угощенье (стр. 385).— Впервые—в «Избр. соч.». Печатается по списку ИРЛИ. Датировано Капнистом 12 мая 1820 года.

Стр. 385. *Несчастна ласточка, по Итисе скорбяща... свивать гнездо спешит.*— По греческому мифу, Прогнея, жена фракийского царя Терея, узнав о неверности своего мужа и его насилии над ее сестрой Филомелой, решилась на страшную месть. Она убила своего сына Итиса и однажды, когда Терей окончил свой обед, сообщила ему, что их сын стал жертвой его людоедства. Терей бросился на нее с мечом, но боги превратили Прогнею в ласточку; одновременно Филомела была превращена в соловья, а Итис в фазана.

И. А. Крылов положил этот сюжет в основу своей трагедии «Филомела» (1786).

Болящему другу (стр. 387).— Впервые — в «Избр. соч.». Печатается по автографу (ИРЛИ). Написано в 1820 году (датировано Капнистом).

«Орел! Презрев долину...» (стр. 389).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1820, ч. XVIII.

«Я благодетелей на свете знал довольно...» (стр. 390).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1820, ч. XVIII.

«От женщин, как на свете жить...» (стр. 391).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1820, ч. XVIII.

«Все хвалят искренность...» (стр. 392).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1820, ч. XVIII.

Из Горация (стр. 393).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1821, ч. XIX.

На смерть Наполеона (стр. 395).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1822, ч. II. Написано в связи с получением известия о смерти Наполеона, который умер 5 мая 1821 года на острове Святой Елены.

В письме на имя председателя ОЛРС А. А. Прокоповича-Антонского от 19 мая 1822 года Капнист писал по поводу этого события: «...посылаю вам оду на смерть Наполеона. Искренно сожалею, что друг мой, бессмертный певец Фелицы, предупредил его: словесность наша украсилась бы, конечно, превосходным, свойственным возвышенному его духу творением; ибо предмет сей весьма богат — для богатого гением пиита» (Архив М. Н. Загоскина, ГПБ).

В память береста (стр. 398).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1822, ч. I. Печатается по первой публикации.

Закат солнца (стр. 401).— Впервые, посмертно,— в «Трудах ОЛРС», 1824, ч. IV. Подготовлено к печати автором (см. прим. к оде «Пиит-лебедь», стр. 441). Печатается по первой публикации. Написано 26 сентября 1822 года (датировано Капнистом).

Славолюбие (стр. 403).— Впервые, посмертно,— в «Трудах ОЛРС», 1824, ч. IV. Автографы в ИРЛИ; на одном из них заголо-

вок: «Честолюбие». Текст оды подготовлен к печати автором (см. прим. к оде «Пиит-лебедь», стр. 441). Печатается по первой публикации. Написано 19 октября 1822 года (датировано Капнистом).

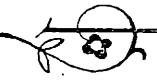
Стр. 403. *«Слепца-пиита»* — Гомера.

Убивство (стр. 405).— Впервые — в «Трудах ОЛРС», 1823, ч. III. Печатается по первой публикации. Датировано Капнистом 7 декабря 1822 года.

По поводу оды Капнисту в письме неустановленного лица было высказано замечание, что «куплет 12-й» оды содержит противоречие: «В первых четырех стихах заключаётся моление о прекращении убийства и средства к нему, мщение и убийство же. Кажется, это несходно с евангельским учением, тем более что во всей сей оде человек недостаточно обвинен в убийстве. Сверх сего, последний стих: *И миром умири весь мир* — совершенно противоречит в средствах, упомянутых в первых четырех стихах». На это Капнист отвечал: «А как же прекратить убийство, как не истреблением закоренелых в оном?» (ИРЛИ).

Воззвание на помощь Греции (стр. 409). Печатается по списку, сохранившемуся в архиве Н. Ф. Шильдера (ГПБ).

Ода является откликом на восстание греческого народа против турецкого владычества, начавшееся в апреле 1821 года. Написана между 1821—1823 годами. На принадлежность оды Капнисту указывает дочь поэта С. В. Капнист-Скалон (См. ее воспоминания, хранящиеся в Рукописном отделе ГПБ).



МИФОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ ИМЕНА И НАЗВАНИЯ И УСТАРЕВШИЕ СЛОВА

Аврора — богиня утренней зари (*римск. миф.*).

Авфид — древнее название итальянской реки Офанто, протекающей в Апулии.

Адрия — Адриатическое море.

Аквилон — название северного и северо-восточного ветра у римлян.

Алкид — внук Алкея Геракл (*см.*).

Амфиарей — мифологический греческий провидец, несчастная судьба которого и гибель его потомков были темой многих сказаний.

Анакреонт — греческий поэт-лирик второй половины V века до н. э. В его произведениях воспевались радости жизни, вино и любовь.

Антал — четырехведерный бочонок, в котором продавалось венгерское вино.

Антиох III — сирийский царь. В 190 году до н. э. в битве у горы Сипила под Магнецией был разбит Луцием и Публием Сципионами.

Апелл (Апеллес) — знаменитый греческий живописец IV века до н. э.

Аполлон — предводитель муз, бог искусства у греков и римлян.

Апулей (Апулия) — область на юго-востоке Италии, на границе которой находился город Венузия, родина Горация.

Аргос — город в Греции, в Арголиде (на северо-востоке Пелопоннеса).

Арей — бог войны у греков.

Аркадия — область Пелопоннеса, место поклонения богу Пану.

Арктур — крупнейшая звезда в созвездии Волопаса, заход которой, по приметам римлян, предвещал бурную, ненастную погоду.

Ассия — Азия.

Астрея — богиня справедливости у римлян.

Атилла (Аттила) — вождь племен гуннов, прославившийся своими опустошительными походами на территорию Римской империи. Умер в 453 году н. э.

Атлант — исполин, поддерживающий на своих плечах небесный свод *(греч. миф.)*.

Аттал — царь Пергама, завещавший свое царство Риму (в 133 г. до н. э.).

Афр (Африк) — название юго-западного ветра у римлян.

Ахеяне — греки.

Ахерон — река скорби в подземном царстве; через нее переправлялись тени умерших *(греч. миф.)*.

Ахилл — главный герой «Илиады» Гомера.

Ахриз (Акризий) — царь Аргоса, отец Данаи, к которой проник Зевс в виде золотого дождя *(греч. миф.)*.

Балан — благовонное маслянистое вещество, добываемое из семян одной из пород африканских деревьев.

Балт (Белт) — Балтийское море.

Бахус — бог вина у римлян.

Берест — вяз.

Беспрокий — бесполезный, негодный, неспособный.

Бесстудный — бесстыдный.

Бои — воины.

Борей — название северного ветра у греков и римлян.

Бористен — древнее название Днепра.

Вакх, или Дионис — бог вина у греков.

Вакхов вертоград — виноградник.

«Вейновые чернила» — ироническое название водки, изготовляемой из старого вина.

Велелепный — изящный, прекрасный.

Венера (*греч.* Афродита) — богиня любви и красоты у римлян. Часто именовалась по месту ее культа на острове Кипре Кипридой.

Вергилий — великий римский поэт I века до н. э., создатель героической поэмы «Энеида», оказавшей большое влияние на весь последующий эпос. В некоторых своих стихах, созданных «на почве лести», воспевал императора Октавиана Августа.

В е с т а — римская богиня домашнего очага, неугасимый огонь в храме которой был символом вечной непоколебимости Рима.

В е с т а л к а — жрица богини Весты *(см.)*.

В е с ы — одно из созвездий в южном полушарии неба.

В о з г л а в — изголовье.

В о л н а — овечья шерсть.

В о с п я т и т ь — повернуть вспять.

В р е т и щ е — одежда из грубой толстой ткани; предназначалась для ношения в дни печали и траура.

В я щ и й — большой, наибольший.

Г а л л — 1) житель Галлии, 2) в переносн. знач.: француз.

Г а л л и я — в древности страна, охватывавшая часть северной Италии, территорию современной Франции, Бельгии, части Нидерландов, Швейцарии.

Г а н н и б а л (ок. 247—183 гг. до н. э.) — великий карфагенский полководец. Вторгшись на территорию Италии, он нанес римским легионам ряд сокрушительных ударов и вплотную подошел к Риму, взять который ему, однако, не удалось.

Г е л и к о н — гора в Беотии (область Греции). По мифу, являлась местом пребывания девяти муз и Аполлона.

Г е л л ы П о н т (Геллеспонт) — древнее название пролива Дарданеллы.

Г е л о н ы — скифы.

Г е р а к л (Геркулес) — величайший из героев греческой мифологии. За подвиги боги дали ему бессмертие и вознесли на Олимп.

Г е р м е с — греческий бог торговли, вестник богов.

Г е с и о д — греческий поэт конца VIII века до н. э.

Г е с п е р и я — нимфа, погибшая от укуса змеи *(греч. миф.)*.

Г е с п е р с к и й г о с т ь — торговец с запада.

Г е т у л я н е — жители Гетулии (область в Мавритании близ города Атласа).

Г е т ы — древние воинственные племена, жившие между Балканами и Дунаем.

Г и а д ы — звездное скопление в созвездии Тельца.

Г и г — сторукий гигант, который вместе со своими братьями сражался против богов и был ими свергнут в Тартар *(греч. миф.)*.

Г и д а с п — древнее название одной из рек в Индии; о ней ходило много легенд.

Г и д р а — убитая Геркулесом чудовищная многоголовая змея *(греч. миф.)*.

Г и п е р б о р е й ц ы — то есть живущие по ту сторону северного ветра; сказочный народ, населявший райскую страну *(греч. миф.)*.

Гирканские дебри — Гиркания — древнеазиатская страна близ Каспийского моря.

Грации (*греч.* хариты) — богини красоты и радости у римлян.

Гудок — русский старинный смычковый музыкальный инструмент.

Давн — мифический царь Апулии (*см.*).

Даки — фракийское племя, жившее в Дакии, в стране, занимавшей территорию нынешней Румынии, Бессарабии и Трансильвании.

Дедал — первый воздухоплаватель, поднявшийся вместе со своим сыном Икаром в небо на искусственных крыльях (*греч. миф.*).

Дедала сын — Икар (*см.*).

Дедалы — лабиринты.

Дельфы — город в Фокиде, известный своим храмом и оракулом Аполлона.

Денница — утренняя заря.

Дий — Юпитер (*см.*).

Довлеть — надлежать

Елены братья — Поллукс и Кастор (*см.*).

Жупель — (жупел) — горючая сера; жар и смрад.

Зевс — бог грома и молнии, царь богов у греков.

Зетить — высматривать.

Зефир — название западного ветра у греков и римлян.

Зоил — греческий философ IV—III веков до н. э. Его имя стало нарицательным для обозначения придирчивого, недоброжелательного критика.

Иберия — древнее название Испании и Восточной Грузии.

Иберы — 1) древние восточногрузинские племена, 2) группа племен, населявших древнюю Испанию.

Икар — сын Дедала (*см.*). Взлетев в небо на искусственных крыльях, сделанных отцом, Икар, забыв о его наставлениях, поднялся так высоко, что палящие лучи солнца растопили воск, скрепляющий перья его крыльев, и он упал в море (*греч. миф.*).

Илем — дерево типа вяза.

Иллия — мать Ромула (*см.*).

Иония — в древности средняя часть западного побережья Малой Азии с прилегающими островами.

Ираклий — Геракл (*см.*).

Истмийский подвиг — победа на греческих играх в честь бога Посейдона. Игры проходили на Истме — Коринфском перешейке.

Кадуцей — жезл Меркурия (*см.*). Провожая тени умерших, Меркурий смыкал своим жезлом глаза людей (*римск. миф.*).

Кагал — собрание еврейских мирских общин, в переносном значении — шумная, крикливая толпа.

Калабрия — область на юге Италии.

Камилл — освободитель Рима от галлов (IV в. до н. э.).

Капитол (Капитолий) — римский кремль с храмом Юпитера на Капитолийском холме.

Каррар (Каррара) — город в северной Италии, близ которого добывалась одна из лучших пород итальянского мрамора.

Карун — приток реки Шатт-эль-Арба, впадающей в Персидский залив.

Карфагена (Карфаген) — главный город пунийцев в Северной Африке, с которыми Рим вел продолжительные войны.

Касп — Каспийское море.

Кастальский ток — источник на горе Парнас *(см.)*.

Кастор — см. Поллукс.

Катон Старший, прозванный Цензором (III в. до н. э.) — известный государственный деятель Рима. Гораций называет его «небритым», потому что во времена Катона еще не стригли волос.

Кафры — южноафриканские языческие племена.

Квинтилий Вар — друг Горация и Вергилия, умер в 24 году до н. э.

Квирит — римский гражданин.

Кекроп — основатель Афин, родоначальник греков *(греч. миф.)*.

Кентавры — мифические существа, которые изображались греками в виде полулюдей-полулошадей.

Керавнские вершины — вершины Акрокеравнских гор у берегов Эпира (Греция), где происходило много кораблекрушений.

Кефей (Цефей) — одно из северных созвездий, расположенное близ северного полюса.

Киприда — Венера *(см.)*.

Кир — персидский царь (ок. 558—529 гг. до н. э.), правитель огромного государства. За время своего царствования присоединил к Персии часть Индии, Лидию, Вавилон и греческие колонии в Малой Азии.

Кислые щи — особый сорт хлебного кваса.

Клеврет — соучастник.

Клятва — употреблено в значении «проклятие».

Кляузы — вместо: клавиши.

Книд — город в Карии с храмом и статуей Венеры (Афродиты).

Ков — вредный замысел, заговор.

Козел — звезда в созвездии Возничего, восход которой, по приметам римлян, предвещал бурную, ненастную погоду.

Козерог — одно из южных созвездий, расположенных в южном полушарии неба.

Колх — житель Колхиды.

Колхида — страна на побережье Кавказа. Считалась в античной мифологии одной из волшебных стран.

Колхов яд — Колхида *(см.)* славилась своими ядами.

Комплот — заговор.

Коснить — медлить, мешкать.

Крезовы державы — Лидийское царство, расположенное в Малой Азии. В VI веке до н. э. царем его был Крез, прославившийся своими богатствами.

Ксанф — река, протекающая близ Трои.

Купа — груда, группа.

Купидон (*греч.* Эрот) — бог любви, сын Венеры.

Лавержет — хохолок, взбитая прядь волос.

Ладо — богиня любви у славян.

Лев — одно из созвездий Зодиака.

Лель — бог любви у славян.

Лесвийский сок — сорт легкого вина с острова Лесбоса.

Ливан — благовонное маслянистое вещество, добываемое из ливанского кедра.

Ливия — Африка.

Ликей — гора в Аркадии (область Греции), посвящена богу Пану.

Лира — созвездие северной части неба.

Лих — зато, в самом деле, лишь; часто обозначает действие назло, наперекор кому-либо, чему-либо.

Лихва — беззаконная нажива, взятка.

Лот — старинная мера веса (1 лот равен 12,797 *г*).

Лукретил — гора недалеко от Рима, около дачи Горация.

Лукрин — озеро в Кампании.

Луна — так изображали Турцию (по государственному гербу).

Мамелюки (мамлюки) — личная гвардия египетских султанов, набиравшаяся из тюркских и кавказских рабов. Мамелюки были упразднены в 1811 году пашой Мухаммедом-Али.

Марзы (марсы) — древнее воинственное италийское племя.

Марс — бог войны у римлян.

Марсов круг, Марсово поле. — В республиканскую эпоху (VI—I вв. до н. э.) на Марсовом поле, расположенном за стенами Рима, происходили народные собрания по выборам должностных лиц.

Мельпомена — муза трагедии, покровительница поэзии.

Меркурий — римский бог, покровитель торговли.

Мессийский сок — массик, одно из лучших в древней Италии вин из винограда с горы Массика.

Меценат Гай Пильний (род. между 74—64 гг. до н. э., ум. в 8 г. до н. э.) — один из приближенных римского императора Октавиана Августа, покровитель Горация, вел свой род от тирренийских царей (царей древней Этрурии).

Мигдония — Фригия *(см.)*.

Минерва — богиня мудрости у римлян: так русские дворянские поэты XVIII века называли Екатерину II.

Мир — душистая лебеда (кудрявец).

Миро — благовонное масло или душистое маслянистое вещество.

Монез — вождь парфян, разбивший в 40 и 36 гг. до н. э. римские легионы.

Музы — богини, дочери Зевса, покровительницы искусств и наук. По древнему месту их почитания Пиэрии, у горы Олимпа, часто назывались пиэридами. Латинское название муз — камены.

Нения — богиня похорон, слез и жалоб.

Нептун — *(греч.* Посейдон) — бог моря.

Нимфы — божества, олицетворяющие силы природы. Они делились на морских (нереиды), речных (наяды), горных (ореады) и лесных (дриады) *(греч. миф.)*.

Нирей — самый красивый из греков, осаждавших Трою.

Нот — название южного ветра у римлян.

Октав — Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.) — римский император.

Олимп — гора в Греции, считавшаяся жилищем богов.

Омир — Гомер.

Орел — так изображали Россию (по государственному гербу).

Орион — охотник, убитый богиней охоты Дианой *(греч. миф.)*. Его именем названо одно из созвездий, заход которого совпадает с периодами бурь от южного ветра (нота).

Орфей — певец и музыкант, своим волшебным пением подчинявший себе все живое и мертвое *(греч. миф.)*.

Пад (Падус) — древнее название итальянской реки По.

Пактол — река в Лидии.

Палестина — употребляется Капнистом в значении: родные края, родные места.

Пан — бог лесов и стад, покровитель пастухов у греков.

Парки — богини судьбы, прядущие нити человеческой жизни.

П а р н а с — гора в Греции, на которой обитали Аполлон и музы *(греч. миф.)*. На склоне Парнаса находился Дельфийский храм, посвященный Аполлону.

П а р ф ы (парфяне) — народ иранского племени. Для римлян он был самым страшным врагом на востоке.

П а т е н т ы — привилегии.

П а ф о с — город на острове Кипре, один из центров культа Венеры (Афродиты).

П е л и д — сын Пелея Ахилл *(см.)*.

П е н е л о п а — жена Одиссея, героя гомеровских поэм.

П е н я з ь — мелкая старинная немецкая монета.

П е р г а м — одно из названий Трои.

П е р с и д с к и й а р о м а т — благовонное вещество, которое доставлялось в Рим с берегов Инда.

П е р у н — бог грома и молний у славян.

П е р у н ы — молнии, огненные стрелы.

П е с Б о л ь ш о й — созвездие южного полушария неба.

П и н д а р (ок. 522—422 гг. до н. э.) — известный греческий поэт-лирик, автор многочисленных победных од.

П и ф а г о р — греческий философ и математик VI века до н. э.

П л е в е л ы (плевлы) — сорные и вредные полевые растения.

П л у т о н — бог подземного царства у римлян (у греков — Аид).

П о в ы т ч и к — столоначальник в суде.

П о в ы т ь е — отдел, находящийся в ведении повытчика.

П о г о т о в ь — тем более.

П о ж и л ы е — квартирная плата.

П о з о р и щ е — употр. в значении: зрелище.

П о к а л — бокал.

П о л и м н и я (Полигимния) — одна из девяти муз, покровительница музыки, муза гимнов.

П о л л у к с и К а с т о р — братья Елены, дочери Зевса и жены троянского царя Менелая. Они считались покровителями моряков *(греч. миф.)*. Именами братьев названы две главные звезды в созвездии Близнецов.

П о м о н а — богиня плодов и плодовых деревьев у римлян.

П о н т — море.

П о т щ и т ь с я — постараться, поусердствовать.

П р е щ е н ь е — запрет.

П р и я п (Приап) — бог плодородия и оплодотворения у римлян.

П р о в а л ь н ы й — гибельный, злой, проклятый.

П р о в е с н а р ы б а — вяленая рыба.

Прозерпина — жена Плутона *(см.)*, царица подземного царства у римлян.

Прокраст (Прокруст) — разбойник, который по мере своей медной постели вытягивал или отсекал ноги у своих жертв *(греч. миф.)*.

Промефей (Прометей) — герой, который похитил у богов огонь для людей. За это был прикован к скале, где орел выклевывал ему печень. Прометей был освобожден Гераклом *(греч. миф.)*.

Проскурняк — лекарственное растение.

Пря — распря, раздор.

Размчать — разбросать.

Рамена — плечи.

Ратай — пахарь.

Репетовать — отзванивать время.

Рифейские горы — Уральские горы.

Роброн — широкое женское платье на каркасе из китового уса.

Рог — употр. в значении: сила, крепость.

Родан — Рона, река во Франции.

Ромул — по римской мифологии основатель Рима, сын бога войны Марса и Иллии.

Сабиняне, сабинцы — древнейший народ в Италии. Они занимали земли недалеко от Рима. Гораций имел там небольшую дачу.

Салтык — лад, образец.

Сарданапал (IX в. до н. э.) — ассирийский царь; славился своей изнеженностью и распутством.

Сарматы — поляки.

Сатиры — лесные божества, спутники Вакха.

Сатурн — отец Юпитера, бог времени у римлян.

Сафо — греческая лирическая поэтесса VI века до н. э., родом с острова Лесбоса, населенного греками-эолийцами.

Седмица — неделя.

Секвана — древнее название реки Сены.

Секурс — помощь.

Серские стрелы — серы считались искусными стрелками. Кого римляне называли серами, не установлено.

Сильван — божество лесов, полей и стад у римлян.

Симоис — река, протекающая близ Трои.

Синклит — 1) в древней Греции — собрание высших сановников, 2) собрание.

Синяя ассигнация — пятирублевая ассигнация.

Сирены — морские нимфы, завлекавшие своим волшебным пением моряков в опасные места, где они гибли.

Сирий (Сириус) — звезда из созвездия Большого Пса, с появлением которой греки связывали наступление жары.

Скопас — знаменитый греческий скульптор V века до н. э.

Скорпион — одно из созвездий Зодиака.

Скрижаль — доска с письменами.

Слячейный — согнувшийся, сгорбленный.

Смирна — (мирра) — душистая смола, добываемая из некоторых пород аравийских и африканских деревьев.

Спира — отряд воинов.

Сполать — честь и слава!

Стезя — тропа, дорожка.

Стень — привидение.

Стигийские волны — Стикс *(см.)*.

Стикс — река в подземном царстве *(греч. миф.)*.

Стишка — исподтишка.

Схимн, схимник — монах, принявший схиму, высшую монашескую степень в православной церкви. Схимники давали обеты выполнения более суровых монашеских правил, чем обыкновенные монахи.

Таг (Тагол) — река в Лидии.

Тамбур — род вышивания.

Тантал — царь Фригии, наказанный в подземном царстве ненасытным голодом и жаждой *(греч. миф.)*.

Тартар — одно из названий подземного царства у греков; вход в него охранялся псом Цербером *(греч. миф.)*.

Телегон — сын Улисса (Одиссея). По мифу, убил своего отца. Римляне считали его основателем города Тускула в Лациуме.

Темпея — долина в Фессалии, считавшаяся самой живописной во всей Греции. Одно из древнейших мест поклонения Аполлону.

Тенар — мыс в Лаконике, где находился вход в подземное царство *(греч. миф.)*.

Тибур (ныне Тиволи) — город в Лациуме, расположенный на реке Аниене.

Тир — столица Финикии, богатый торговый город.

Титея — мать титанов, которые вели войну против богов и были побеждены Зевсом *(греч. миф.)*.

Тифон — один из титанов, восставших против богов.

Торкват (I в. до н. э.) — римский консул.

Трирема — галера, имеющая три яруса весел.

Троил — сын царя Приама, убитый Ахиллом под Троей *(греч. миф.)*.

Т р о х — железный обруч; дети катали его железным прутом с деревянной рукояткой.

У л и с с — Одиссей.

Ф а в н, Ф а у н — божество у римлян, отождествляемое с греческим богом стад Паном.

Ф а р (Фарос) — небольшой остров близ Александрии; Птоломей построил на нем высокую башню, служившую маяком для мореплавателей. В переносном значении: маяк, светоч.

Ф а р р а з — известный греческий живописец V века до н. э.

Ф е б — Аполлон (бог солнца).

Ф е м и д а — богиня правосудия у римлян.

Ф е т и д а — морская нимфа, мать Ахилла. Желая сделать своего сына неуязвимым, искупала его в Стиксе, но так как пята Ахилла, за которую она его держала, оказалась при этом не омытой водами адской реки, то это и послужило впоследствии причиной его смерти *(греч. миф.)*.

Ф и л и п п (ок. 382—336 гг. до н. э.) — царь Македонии, полководец, отец Александра Македонского.

Ф л о р а — богиня цветов и весны у римлян.

Ф о р т е ц и я — крепость.

Ф р а к и я — область между Эгейским морем, Черным морем и Дунаем.

Ф р и г и я — область в Малой Азии.

Ф у р и и — Эвмениды *(см.)*.

Ф у р о — женское платье из легкой ткани.

Х а б а р — подарок, выгода, взятка.

Х а р и т ы — грации *(см.)*.

Х а р о н — перевозчик душ умерших в подземном царстве *(греч. миф.)*.

Х л а п — валет.

Х р о н а с ы н — Зевс.

Х р о н — отец Зевса, бог времени.

Ц е н з о р и н Марк Марций — римский консул III века до н. э.

Ц и р ц е я — волшебница, к которой попадает Одиссей во время своего странствования и которая становится его возлюбленной.

Ч р е с л а — бедра.

Ш е л я г — мелкая монета, к концу XVIII века вышедшая из употребления.

Ш у и ц а — левая рука.

Щ е ч и т ь — тайно брать, обирать.

Щ е ч и т ь с я — наживаться за счет взяток и воровства.

Э а к — один из судей подземного царства *(греч. миф.)*.

Э в к с и н — древнее название Черного моря.

Эвмениды (у римлян: фурии) — богини проклятия, мести и кары у греков.

Эвр — название восточного ветра у римлян.

Эвридика — жена Орфея *(см.)*.

Эвтерпа — муза лирики у греков.

Эгида — щит Зевса, вид которого вызывал ужас. Он был покрыт косматой шкурой с Горгоны — чудовища, убитого сыном Зевса Персеем *(греч. миф.)*.

Эзула (Эфула) — небольшой город близ Тибура, построенный на склоне горы.

Экстракт — извлечение из дела, выписка, краткое изложение.

Элизей (Элизиум) — по представлениям греков, прекрасная страна на западной окраине земли, где обитают души умерших добродетельных людей.

Эней — троянский герой, считавшийся родоначальником римлян, воспет Вергилием в поэме «Энеида».

Энкелад — один из титанов. Зевс, одержав над ним победу, покрыл его горой Этной. Поэтому извержение вулкана Этны объяснялось усилиями Энкелада сбросить с себя гору *(греч. миф.)*.

Эол — бог ветров у греков.

Эолида — область в северо-западной части Малой Азии, населенная греками — эолийцами.

Эреб — царство мрака, местопребывание бога Аида в подземном царстве *(греч. миф.)*.

Эрмий — Гермес *(см.)*.

Эрмитаж — старое французское вино.

Эрот — Купидон *(см.)*.

Юв (Юба) — царь Мавритании, или Нумидии.

Юнона — римская богиня, жена Юпитера.

Явор — клен.

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Васильевич Капнист

СОЧИНЕНИЯ

Редактор *А. Саакянц*
Художественный редактор *И. Жихарев*
Технический редактор *С. Розова*
Корректор *Д. Эткина*

Сдано в набор 2/II-1959 г.
Подписано к печати 20/V-1959 г.
Бум. $84 \times 108^1/_{32}$, 14,5 печ. л. = 23,78 усл. печ. л.
19,16 + 1 вкл. = 19,21 уч.-изд. л.
Тираж 20.000. Зак. 241. Цена 13 р. 55 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Книжная фабрика им. Фрунзе
Главиздата Министерства культуры УССР,
Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.